

UCRAINICA
ET BELOROSSICA

Исследования по истории
Украины и Белоруссии

ФЕДЕРАЛЬНАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ
«УКРАИНЦЫ РОССИИ»

А. Ю. МИНАКОВ

**ИСТОРИЯ
УКРАИНСКОГО
СЕПАРАТИЗМА
И НАЦИОНАЛИЗМА
В САМОМ КРАТКОМ
ИЗЛОЖЕНИИ**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2025

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)
М 613

ФАДН РОССИИ

Федеральное агентство
по делам национальностей

*Книга издана
при поддержке Федерального агентства
по делам национальностей России (ФАДН)*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В. А. Перцев
доктор исторических наук, профессор Ю. В. Селезнев

Минаков А. Ю.

М 613 История украинского сепаратизма и национализма в самом кратком изложении / А. Ю. Минаков. – СПб.: Алетейя, 2026. – 170 с. : ил. – (UCRAINICA ET BELOROSSICA).

ISBN 978-5-00267-075-8

Книга освещает причины зарождения украинского национализма, роль польского национализма в его становлении, анализирует основные технологии украинского национализма, его русофобскую природу, излагает историю формирования украинской протогосударственности на территории австрийской Восточной Галиции, исследует особенности советской украинизации, возникновение радикальных форм украинского национализма в Польше, влияние фашизма и нацизма на идеологию и политику ОУН и УПА, геноцидные практики этих организаций, специфику украинского национализма на современной этапе. В Приложении к книге содержатся некоторые ключевые для понимания природы украинского национализма тексты идеологов украинофильства и украинского национализма: Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомарова, М. С. Грушевского.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)

ISBN 978-5-00267-075-8

9 785002 670758

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© А. Ю. Минаков, 2026

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2026

УКРАЙНОФИЛЬСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

История украинского национализма, к сожалению, мало известна даже в академическом сообществе. Часто его связывают исключительно с радикальными формами, возникшими не ранее начала XX в. (Н.И. Михновский, Д.И. Донцов и др.). Между тем, украинофильство – ранний украинский национализм – зародилось под сильным влиянием польского национализма в Малороссии уже в середине 1840-х гг.

В результате разделов Речи Посполитой в 1772, 1793, 1795 гг. в состав Российской империи вернулись значительная часть земель Древней Руси (за вычетом восточной Галиции, которая в 1772 году вошла в состав Австрии). На этих территориях под воздействием преимущественно польского языкового, религиозного и культурного влияния сформировались определённые этнографические отличия, которые сами по себе не позволяли утверждать, что с XIII по XVIII вв. там возник некий отличный от русского народ. Под русским народом вплоть до 1917 г. понималось единство трех его ветвей: великороссов, малороссов и белорусов. Малороссы, основную массу которых составляли крестьяне, не претендовали на создание особого языка, особой культуры и государственности. Литературная «мова», использующая малороссийские диалекты, начала создаваться в конце XVIII – начале XIX вв. в произведениях И.П. Котляревского и Г.Ф. Квитки-Основьяненко, но она использовалась преимущественно для создания пародийных и юмористических произведений и не несла никакой политической и идеологической нагрузки, в планы литераторов не входило создание искусственного языка.

В среде утративших государственность поляков возник радикальный национализм, ставящей главной целью возрождение Речи Посполитой со всеми территориями, входившими в неё до 1772 г. Южнорусские, малороссийские земли они считали «своими». Одной из генеральных идей этого национализма был про-

ект, согласно которому будущая возрожденная Польша должна была представлять некую единую этническую общность из поляков, русинов и литвинов (так в националистической терминологии назывались будущие украинцы и белорусы). В польской националистической мифологии получила развитие идея несуществующего в исторической реальности «союза Польши, Литвы и Малой Руси». При этом утверждалось, что между населением Великороссии и Малороссии якобы нет ничего общего.

В 1815 г. по итогам антинаполеоновских войн часть бывшей Речи Посполитой, которая первоначально входила в состав Пруссии и Австрии, так называемое Великое Герцогство Варшавское, вошло в состав Российской Империи под названием Царства Польского. Это была серьезная стратегическая ошибка Александра I, вызванная, прежде всего его полонофильством и западничеством. Поляки, будучи народом, принадлежащим к западноевропейской цивилизации, имеющим собственные многовековые государственные, религиозные и культурные традиции, обладая реальной автономией и широкими возможностями, не захотели ассимилироваться в имперский организм, несмотря на наличие широкой автономии и конституции, и превратились в серьезную политическую проблему, источник подрывных революционных движений и мятежей, вплоть до 1917 г.

После провала мятежа в 1830–1831 гг. польские националисты перешли к тактике создания антироссийской этнической коалиции, предполагающей, что в сознание населения Малороссии надо внедрять идеи сепаратизма, враждебности к «москалям» (кстати, это польское слово), чтобы в перспективе этот край был потерян для России. Такого рода сепаратистские настроения с их точки зрения необходимо было по-возможности насаждать и поддерживать повсюду, например, в казачьих землях, Сибири, на территории белорусских губерний, но в первую очередь – на территории Малороссии. Именно польские националисты ввели в широкий оборот термины «украина» и «украинцы», заменяя ими привычные «Малороссия» и «малороссы».

Польский националистический мессианизм, видящий в поляках народ-мученик, «Христос народов», строился на радикаль-

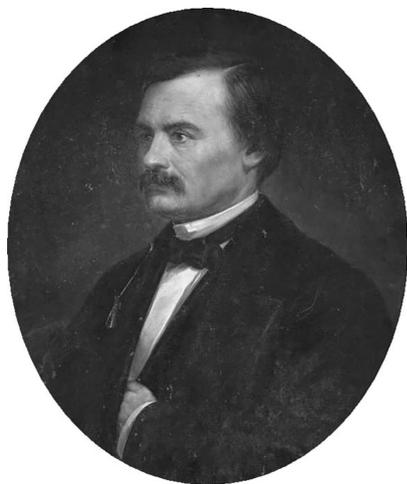
ной русофобии. Историк-славянофил А.Ф. Гильфердинг давал такую характеристику подобным взглядам: «Во-первых, русских (великороссов) пришлось исключить из славянской семьи и славянского братства; москали были признаны финнами, татарами, монголами и смесью каких угодно племен, но только не славянами. Однако эти москали заняли в славянском мире весьма заметное место, которого отрицать невозможно. Вследствие того создалась в польской эмиграции особая историко-мистическая теория; славянский мир был разделен на две враждующие противоположности: на мир добра и свободы, представителем которого служила Польша, и на мир рабства и зла, воплощенный в России. Стоило ступить шаг далее, и эта ... теория прямо переходила в религию. Сущность этой религии состояла в том, что польский народ есть новый Мессия, посланный для искупления всего рода человеческого, что он, как Мессия, страдал, был распят и погребен, и воскреснет и одолеет дух мрака, воплощенный преимущественно в России, и принесет с собою всему человечеству царство свободы и блаженства»¹.

В наиболее разработанном и концентрированном виде эти умонастроения выразил польский историк и этнограф Франтишек Хенрик Духинский². Он был буквально одержим ненавистью к России и принадлежал к тем радикальным националистам, которые использовали выражение «ziemia nieludzka» (земля нелюдей) – применительно к России. Согласно Духинскому, «москали» не являются славянами, а представляют собой «турано-монгольское племя», в отличие от белорусов и малороссов, которые близки к полякам по своему «арийскому» расовому происхождению. Духинский обосновывал необходимость создания буфера между Европой и «землёй нелюдей». Воссозданная Польша должна была включать в себя малороссийский и белорусские земли, Прибалтику, Смоленск и Великий Новгород³.

¹ Гильфердинг А. Польский вопрос // Гильфердинг А. Собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1868. С. 305

² О Духинском см.: *Таньшина Н.П.* Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб.: Питер, 2023.

³ Указ. соч. С. 149–156.

Ф.Х. Духинский

Идеи Духинского, пропитанные русофобией и расизмом были поддержаны политиками и интеллектуалами Европы, среди которых были Наполеон III и Карл Маркс. Последний, к примеру, писал Ф. Энгельсу (письмо от 24 июня 1865 г.): «Догма Лапинского, будто великороссы не славяне, отстаивается господином Духинским (из Киева, профессор в Париже) самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т.д. точек зрения; он утверждает, что настоящие

московиты, т.е. жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т.д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части... Выводы, к которым приходит Духинский: название Русь узурпировано московитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они – intrus [пришельцы], которых требуется опять прогнать за Днепр и т.д. ... Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав, и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян»¹.

Подобного рода идеи пронизывали так называемую «украинскую школу польского романтизма» и произведения А. Мицкевича, ведущего польского литератора той эпохи, оказавшего значительное влияние на складывание украинофильства на собственно малороссийской этнической основе².

Настойчивая польская националистическая пропаганда, ставящая во главу угла различия между великороссами и малороссами, национальную обособленность, русофобию, через лите-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 31. Издание 2-е. М., 1963. С. 106–107.

² Иванов А.А. Польско-австрийский источник украинского сепаратизма // Московский журнал. 2023. № 8. С. 61.

ратуру, школу и т. д., дала ядовитые плоды только в 1840-е гг. Основная масса малороссов в то время была абсолютно бесчувственна к польской пропаганде или относилась к ней враждебно, воспринимая русский язык, русскую культуру и государственность как родные.

Первое поколение украинских националистов – украинофилов насчитывало в лучшем случае несколько десятков человек. Их взгляды нашли своё выражение в деятельности так называемого «Кирилло-Мефодиевского братства» – тайного политического кружка, созданного по инициативе Н.И. Костомарова, В.М. Белозерского и Н.И. Гулака в январе 1846 – марте 1847 года в Киеве. Своими главными задачами кружок считал отмену крепостного права, сословных привилегий, либерализацию политической и культурной жизни, национальное и социальное «освобождение» Малороссии в рамках панславянского союза народов, центр которого должен был быть в Киеве. Состав будущей славянской федерации должен был формироваться из республик – «штатов»: трех великорусских, двух украинских, Белоруссии, «штатов» Поволжья, Юга России, Сибири и Кавказа, возрождённой Речи Посполитой, Чехии и Моравии, Сербии и Хорватии, Болгарии. Эту химерическую программу можно было реализовать на практике лишь в результате революционного или военного разрушения и расчленения Российской, Австрийской и Османской империй¹.

Основные идеи кружка была сформулированы Н.И. Костомаровым, которого и по сей день считают русским историком. Однако на Украине считают иначе, к примеру, заукраинская Википедия утверждает: «Основание теории украинского национализма было заложено в «Книге бытия украинского народа», написанной, в частности, членами первой в Российской империи организации политического направления «Кирилло-Мефодиевское братство» – историком Николаем Костомаровым и поэтом Тарасом Шевченко»².

¹ См.: *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1959.

² Украинский национализм. – URL: // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8>

Н.И. Костомаров

П.А. Кулиш

Обычно в либеральной и советской литературе «кирилло-мефодиевский» кружок характеризовался как революционный, «противоцаристский» и антикрепостнический. Однако, что оказалось более существенным, взгляды членов кружка определялись также и неприязнью по отношению к русским, «кацапам» и «москалям». Так, активный член кружка, П.А. Кулиш вспоминал: «мы сделались ненавистниками не только тех, которые по нашему детскому воззрению, были виновниками бедственного положения нашей родной Украины, но и самих москалей, этого, по нашему тогдашнему мнению, грубого и ни к чему высокому не способного народа, который мы звали кацапами»¹.

Среди членов кружка, насчитывавшего около полутора десятков человек, помимо Костомарова были такие известные деятели украинофильства как Т.Г. Шевченко и процитированный

D0%B9_%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B
V%D0%B8%D0%B7%D0%BC (дата обращения 24.06.2025).

¹ *Наконецный Е. П.* Украденное имя (Почему русины стали украинцами). URL: // <https://history.wikireading.ru/hRpToHLI32?ysclid=lo4bzustr9429329291> Дата обращения: 24.06.2025).

П.А. Кулиш. Автором главных документов этого кружка считается Костомаров.

В прокламации «Братья украинцы» им выдвигалась идея славянской федерации: «все славяне должны между собою соединиться, но так, чтоб каждый народ составлял особую Речь Посполитую и управлялся не слитно с другими; так, чтобы каждый раз имел свой язык, свою литературу, своё общественное устройство. Такими народами признаём: великороссиян, украинцев, поляков, чехов, лужичан, хорутан, иллиро-сербов и болгар»¹. Иными словами, члены кружка мечтали, прежде всего, об уничтожении трех империй: Российской, Австрийской и Османской, на территории которых и проживали перечисленные народы. Совершенно также очевидно, что подобные мечтания имели отчётливый «польский акцент», в документе использовался специфический польский термин «Речь Посполитая», т. е. республика, общее дело. Подобные идеи были выгодны польским националистам, мечтающим восстановить утраченную в конце XVIII века государственность.

Главным программным документом организации был текст под названием «Книга бытия украинского народа». По признанию самого Костомарова, это была переделка произведения А. Мицкевича «Книги народа польского и польского пилигримства». В этом тексте, положившем начало украинскому национализму, провозглашалась идея создания федеративного союза Украины, Польши и Великороссии. Заявлялось, что украинское казачество является идеалом мирового общественно-политического развития (Украина «составила у себя казацтво, т. е. братство... и были казаки между собою все равны, а старшины выбирались на собрании», а «истинный украинец будет ли он происхождения простого или дворянского, должен не любить ни царя, ни господина...»). Украина, согласно Костомарову, существовала и ранее 1569 года, когда возникла Речь Посполитая («Литва соединилась с Польшею, и в Литве были литвины, а к

¹ Все цитаты приводятся по этому изданию: *Костомаров Н.И.* Книга бытия украинского народа. URL://https://vtoraya-literatura.com/pdf/kostomarov_knigi_bytiya_ukrainskogo_naroda_1977_ocr.pdf (дата обращения: 24.06.2025).

Литве принадлежала Украина. И соединились Украина с Польшею как сестра с сестрою, как единый народ славянский нераздельно и несмесимо»). В тексте содержались негативные оценки как Речи Посполитой, так и «Московщины». «Сестра» Польша «никаким образом не хотела отречься от своего панства. Тогда Украина пристала к Московщине и соединилась с нею как один народ славянский с другим народом славянским неразделимо и несмесимо».

При этом, по мнению автора документа, великороссы тяготели к деспотизму и рабству, порожденными ордынским игом: «возвысился над всеми великороссиянами царь московский, а возвысился он, кланяясь татарам, и ноги целовал хану татарскому-бусурману, чтоб помогал ему держать в неключимой неволе христианский народ великороссийский. И обезумел народ великороссийский и впал в идолопоклонство, ибо царя назвал земным богом, и все, что царь скажет, считал хорошим, так что когда царь Иван в Новгороде душил и топил по десятку тысяч в день народу, то летописцы, рассказывая об этом, называли его христоролюбивым».

Поэтому 1654 год, год Переяславской Рады, ознаменовавшей начало воссоединения Малороссии с Россией, якобы обернулся для «Украины» московским «порабощением»: «Но скоро увидела Украина, что она попалась в неволю, ибо она по своей простоте не узнала, что такое царь московский, а царь московский значил то же, что идол и мучитель». «Книга бытия» обвиняет поляков и русских в том, что они вступили в сговор и разделили Украину «и билась против этого Украина лет пятьдесят».

Власть Московского царства и Российской империи трактовалась в крайне негативном ключе: казачество «час от часу подпадало в неключимую (горемычную, негодную – церковнослав. А.М.) неволю московского царя, а потом петербургского императора, ибо последний царь московский и первый император петербургский положил сотни тысяч в каналах и на костях их построил себе столицу. А немка царица Екатерина, распутница всесветная, безбожница, мужейбийца, кончила казацтво и свободу, ибо, отобравши тех, которые были в Украине старшинами,

наделила их дворянством и землями и отдала им вольную их братию в ярмо, одних поделала господами, а других рабами. И погибла Украина». Современная имперская власть продолжает ту же деспотическую традицию: «царь и дворянство не славянского духа изобретения, а немецкого и татарского. И теперь в России хотя и есть деспот царь, однако он не славянин, а немец и чиновники у него немцы».

В «Книге бытия украинского народа» демонстрировалось несравнимо более комплиментарное отношение к Польше: «...не погибнет Польша, ибо ее пробудит Украина, которая не помнит зла и любит сестру свою так, как будто ничего не было между ними». А Украина «сделается независимую Речью Посполитою в союзе славянском».

Впрочем, на практике панславистские идеи отошли на второй план в повседневной деятельности «Кирилло-мефодиевского общества»: оно, по свидетельству главы III Отделения А.Ф. Орлова, «почти потеряло общую цель – соединение всех славянских племен – и заботилось только о Малороссии, ее народности, языке и даже независимости»¹.

В 1847 году организация была раскрыта, а члены её были арестованы. Иначе и быть не могло, поскольку, с точки зрения российской государственности, она ставила своей целью расчленение Российской империи, и ликвидацию монархии. Костомаров провел год в заключении в Петропавловской крепости, а затем был сослан в Саратов, где служил в губернском правлении, будучи секретарем губернского статистического комитета. Он имел возможность собирать материалы о раскольниках, о бунтах Разина и Пугачева, а главное – заниматься историей Украины.

Труды Костомарова пользовались успехом у революционной и либеральной общественности, в особенности книги о Богдане Хмельницком и Стеньке Разине. При этом Костомаров не отказался от идей, выношенных в «Кирилло-мефодиевском обществе» и «развил» их в новых условиях. Украинофильский журнал

¹ Чалая, Т. П. Славянский мир Н. И. Костомарова. Воронеж: Воронежская обл. тип. – изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2007. С. 73.

«Основа», издаваемый в Петербурге в начале 1860-х гг., постоянно печатал его программные статьи.

Из них особенно выделялась работа «Две русские народности»¹, в которой Костомаров утверждал, что с древнейших времен на территории Руси существовала некая «южнорусская народность», составлявшая особую этнографическую группу. Причем эта «южнорусская народность» существенно отличалась уже тогда от будущего «народа великорусского». Следует подчеркнуть, что эти схемы Костомарова не имели никакого отношения к истории древней Руси, поскольку и великороссы и малороссы, как части единого русского народа, оформились значительно позже.

Костомаров приписывает этим фантомным общностям прямо противоположные, буквально антагонистические, взаимоисключающие свойства. Так, в его трактовке, великороссы подверглись сильнейшему татарскому влиянию, великоросский князь – «ханский приказчик». Отсюда тяготение великороссов к созданию единого государства, «стремление подчинить своей земле другие русские земли». Поэтому Москва, «порабощая и подчиняя других», отвергала федеративную форму отечества, создавая единое государство и монархию. «Её гражданственная стихия есть общность, поглощение личности». В Великороссии «личная свобода суживалась и, наконец, уничтожилась». Это привело к господству общины и общинной собственности, «где невинный отвечал за виновного, трудолюбивый работал за ленивого». Православие в Великороссии «поддерживало князей в их стремлении к единовластию»... «первопрестольники церкви потворствовали светским монархам и освящали их дела, даже совершенно противные уставам церкви». Образовалась «нетерпимость к чужим верам, презрение к чужим народностям, высокомерное мнение о себе».

В отличие от великороссов южнороссы тяготели к федерации, а не к централизации. «В натуре южнорусской не было ничего насильствующего, нивелирующего, не было политики, не было холодной расчитанности, твердости на пути к предназначенной

¹ Все цитаты даны по этому изданию: *Костомаров Н.И. Две русские народности.* – URL: // http://az.lib.ru/k/kostomarov_n_i/text_1885_dve_russkie_narodnosti.shtml (дата обращения: 24.06.2025).

цели». Южная Русь облеклась «в форму казачества», «племя южнорусское имело отличительным своим характером перевес личной свободы, великорусское – перевес общности». Для южнорусского человека община неприемлема: «Обязательная общинность земская и ответственность личности миру для южнорусса есть в высшей степени несноснейшее рабство и несправедливость».

В общем, «великорусское племя показывало всегда и теперь показывает склонность к материальному и уступает южнорусскому в духовной стороне жизни». Для южноруссов характерен «дух терпимости, отсутствие национального высокомерия», у них «не видно ни малейшего стремления к подчинению чужих, к ассимилированию инородцев».

Эта статья Костомарова ценится исключительно высоко украинскими националистами, к примеру, «Евангелием украинского национализма» называл эту статью 1861 года в «Основе» украинский историк и политик Д.И. Дорошенко¹.

Впрочем, статья писалась в условиях цензуры и полна определенных недомолвок. Однако политический смысл статьи Костомарова о двух «народностях» будет совершенно ясен, если обратиться к другой его программной статье, «Украина» опубликованной в герценовском «Колоколе» в 1860 г.² Здесь, в эмигрантском издании, которое нелегально распространялось в России, без всяких цензурных ограничений, он откровенно излагал взгляды, которые свидетельствуют о том, что украинофильство содержало в себе основные характерные черты зрелого украинского национализма. В ней он заявлял, что украинцы (не малороссы, которые являются частью русского народа), представляют собой *особый народ*, якобы существовавший с древнейших времен:

¹ Лескинен, Мария. О национальной гордости малороссов // Родина. 2025. № 10. – URL: // <https://rodina-history.ru/2019/02/12/rodina-ukraina.html?ysclid=mh64zmq65d213718763>; Magocsi, Paul R. History of Ukraine: The Land and Its Peoples, 2nd, Revised Edition. Toronto: University of Toronto Press, 2010. S. 19

² Все цитаты даны по этому изданию: Н. Костомаров. Украина. Письмо к издателю «Колокола». – URL: // <http://www.litopys.org.ua/kostomar/kolokol1860.htm> (дата обращения: 24.06.2025).

«Большинство великорусской и польской публики привыкло не считать нас отдельным народом, не признавать в нас элементов для самобытной жизни, выработанных прошедшим, сомневаться в существовании у нас своенародного языка и в возможности его литературного развития и вообще ставить наши особенности в ряд провинциальных оттенков – то русской, то польской национальностей».

Согласно Костомарову, несуществовавшие тогда Украина и украинцы во второй половине XVII в. пытались создать панславистский «союз славянских государств: Польши, Великаго княжества Литовско-Русскаго, Великаго княжества Русскаго и – если совершится соединение с Московиею – то и Московскаго царства. То была первая попытка славянского союза, о котором мы ... думаем теперь». Однако Москва нарушила все соглашения и вероломно поработила «вольную Украину». С тех пор «лево-бережная Украина, сохраняя казацкое устройство, издыхала в московских цепях. Чадолубивая мать отечества, Екатерина II, уничтожила казацкие порядки и ... ввела в Малороссию крепостное право и поработила вольный народ, с таким упорством освободившийся некогда от этого права в его польской одежде».

Костомаров повторяет и развивает мотивы «Книги бытия украинского народа» о мнимом «порабощении» москалями украинцев: «С тех пор Украина молчала. Ее народность предана была презрению. Имя хохол, которое Москали давали казакам от их оселедцев, сделалось синонимом дурака».

Костомаров так пишет о польском влиянии на формирование украинского движения: «Пробуждение славянских народностей быстро отразилось в Украине и подняло из летаргического сна народную мысль и чувство. Явилось стремление возродить умирающую под кнутом московским и штыком Санкт-Петербургским народность и воссоздать (? – А.М.) самобытную литературу». На нынешнем этапе украинцы, согласно Костомарову, вновь возрождают идею панславизма, который ничего общего не имеет с московским панславизмом, который якобы сводится к тому, чтобы «простреть когда-нибудь царственную десницу на славянские народы и уготовать им вожделенную судьбу («порабощенных» –

А.М.) Украины и Польши". Украинский панславизм (под сильным влиянием поляков – А.М.) предполагает создание «федеративного союза Славян, где бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободе». Политические требования, которые формулирует в статье Костомаров ещё не включают идею «незалежности».

Главное требование украинофилов той поры – *создание украинской школы*, которая в перспективе способствовала бы усвоению украинского национализма и формированию новой национальной идентичности: «Мы желали бы..., чтоб правительство не только не препятствовало нам, Украинцам, развивать свой язык, но оказало бы этому делу содействие и сделало теперь же распоряжение, чтоб в школах, которые ... будут заведены для нашего народа, предметы преподавались на родном языке, ему понятном, а не на официально-великороссийском, иначе народ украинский будет заучивать лишь слова, не развивая своих понятий».

Итак, по Костомарову, существует с древних времен особый народ, со своим языком, особой культурой, которую необходимо возродить, народ со своей национальной территорией – вот в чем пафос этой откровенной статьи, без которой невозможно адекватно расценить его исторические взгляды и политическую позицию.

До конца своей жизни Костомаров проводил в своих трудах эти идеи. Их поддерживала и разделяла либеральная и социалистическая интеллигенция, для которой зарождавшийся украинский национализм был естественным союзником в борьбе против русской государственности и традиционной культуры. Напротив, консерваторы практически сразу поняли, с кем имеют дело. Против идей Костомарова на разных этапах выступали такие крупнейшие идеологи и политики государственно-консервативной направленности, как М.П. Погодин, М.Н. Катков. «Почвенник» А.А. Григорьев, поначалу не разглядевший националистических тенденций в идеях Костомарова, называл его работы «хохлацким жартом (шуткой – А.М.) над русской историей»¹.

¹ Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864). Воспоминания. М.: Наука, 1988. С. 58.

А Президент Императорской Академии наук и известный поэт, великий князь Константин Романов, в своём дневнике записал: «Прочитал государствование Иоанна III по Костомарову... Костомаров, где только может, подольёт яду, разберанит, уколёт. Это какое-то змеиное шипение»¹.

Со временем Костомаров познакомился с архивным материалом, многочисленными источниками по истории Малороссии. Историк Н.И. Ульянов, создавший в эмиграции классический труд, посвященный украинскому сепаратизму, отмечал, что к старости он существенно пересмотрел свои взгляды: «Хищные крепостнические устремления казачества открылись ему в полной мере и мы уже не слышим под конец жизни историка восторженных гимнов запорожскому лыцарству. Ясна стала несправедливость и нападков на Екатерину II, как главную виновницу закрепощения украинского крестьянства... Вытаскивая из своего ученого мышления одну за другой занозы вонзившиеся туда в молодости, Костомаров незаметно для себя ощипал все свое национально-украинское оперение. Оставшись украинцем до самой смерти он, тем не менее, подверг очень многое строгой ревизии. Даже царь московский перестает быть «идолом и мучителем»... он перестает приписывать малороссам не существовавшую у них враждебность к единому российскому государству, перестает возбуждать и натравливать их на него. Политический национализм представляется ему, отныне, делом антинародным, разрушающим и коверкающим духовный облик народа»².

Н.И. Ульянов всё же несколько преувеличивал насчет избавления от «заноз» и «национально-украинского оперения» Костомаровым. Более точен автор обобщающего издания, посвященного русской историографии: «Костомаров до конца дней занимался изучением прошлого украинского народа... был тесно связан с украинской интеллигенцией, настроенной не только

¹ Константин Константинович (великий князь; 1858–1915). Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма [Текст] / К. Р. Вел. кн. Константин Романов; Подгот. Эллой Матониной. М.: Искусство, 1998. С. 139.

² Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. С. 92–93.

противоцаристски, но и националистически, а квартира его в Петербурге оставалась средоточием украинской культуры»¹.

В конце жизни он сотрудничал с журналом «Киевская старина», который издавался в 1882–1906 гг. в Киеве. Журнал стоял на «украинофильских» позициях и пропагандировал идею «национальной самобытности Украины», доказывал, что мова является особым языком, отличным от русского. Одним из инициаторов этого издания был В.Б. Антонович, развивавший идеи Костомарова и являвшийся учителем и наставником М.С. Грушевского.

Н.И. Ульянов

Костомаров скончался в 1885 г. Его вышеописанные взгляды послужили фундаментом для обоснования идеи особого украинского народа, со своей древней «национальной историей», особенности которой не имеют ничего общего с общерусским историческим процессом.

Помимо Костомарова большой вклад в конструирование украинского национализма внесли также поэт Т.Г. Шевченко и филолог и историк П.А. Кулиш. Именно они придали «мове» политизированный характер, превратив её в орудие украинизации и дерусификации. «Мова» создавалась на основе деревенского малороссийского наречия и со временем включила в себя большое количество слов, прежде всего, из польского языка. С точки зрения украинских националистов, она призвана была «доказать», что если существует особый язык, то, соответственно, существует и особый народ, отличный от русского. Говорить

¹ Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 182.

о её постепенном и органичном развитии явно не приходится, она «развивалась» и продолжает «развиваться» за счёт создания искусственных различий с русским языком. Такова была вторая культурная практика украинского национализма.

П.А. Кулиш, находившийся первоначально под сильным польским влиянием и считавший, что Россия и русская культура являются чужими для украинцев (к концу жизни он, как и Костомаров, частично пересмотрел свои взгляды), создал украинский алфавит, так называемую «кулишивку», из которого были удалены буквы «ы», введена буква “є” (в дальнейшем в 1886 г. Е. Желеховский ввел в украинский алфавит букву “ї”). Кулишовская «мова» предполагала, что на ней «пишется как слышится», это позволяло фиксировать любые отличия от литературного русского языка, что, собственно, и является одной из основных особенностей этого искусственно создаваемого языка.

Т.Г. Шевченко

Важным элементом поэзии Шевченко являлись русофобские мотивы. В ней высказывалось неприянное отношение к «москалям», негативно оценивались деятельность Богдана Хмельницкого и вхождение Малороссии в состав Российской государственности. Шевченко испытал сильное влияние польских националистических идей, хорошо знал польский язык, восхищался русофобскими творениями А. Мицкевича. Его поэзия была чужда малороссийских фольклорных мотивов, он сознательно

подрожал, помимо Мицкевича, таким польским романтикам украинской поэтической школы как С. Гоцинский и М. Чайковский¹.

¹ *Иванов А.А.* «Братались с вольными поляками...» Тарас Шевченко – польское знамя украинского сепаратизма // Московский журнал. 2023. № 9 (393). С. 42.

Приведём некоторые характерные образчики его творчества:

«Кохайтесь, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі – чужі люде,
Роблять лихо з вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде в свою Московщину,
А дівчина гине»¹

.....
«...Ой Богдане!
Нерозумний сину!
Подивись тепер на матір,
На свою Україну,

...
Ой Богдане, Богданочку,
Якби була знала,
У колиці б задушила,
Під серцем приспала.

...
Дніпро, брат мій, висихає,
Мене покидає,
І могили мої милі
Москаль розриває... »²

.....
«Ляхи були, усе взяли,
Кров повипивали!..
А москалі і світ божий
В путо закували»³.

¹ Катерина // Шевченко Т. Кобзар. – «United Service» LTD, 1992. С. 22–23.

² Розрита могила // Шевченко, Т.Г. Кобзар/ Тарас Шевченко. – Київ: т-во «Знання» України, «United Service» LTD, 1992. С. 174–175.

³ Шевченко Т.Г. Дума // <https://www.rulit.me/books/taras-shevchenko-tvori-u-p-039-yati-tomah-tom-2-read-357088-43.html> (дата обращения: 24.06.2025).

Для украинского национализма Шевченко является не просто поэтом, положившим начало созданию «мовы», а своего рода демиургом, духовным «отцом нации. Цитаты из его стихов и портреты – обязательный атрибут любых масштабных националистических мероприятий.

Чтобы понять значимость Шевченко для украинства, достаточно сравнить его с Н.В. Гоголем. Невозможно представить себе портреты гениального русского писателя Гоголя на факельных шествиях и собраниях украинских радикалов. Будучи малороссом, Гоголь всецело принадлежит к русскому народу и русской культуре, он был глубоко православным человеком, сторонником самодержавной власти, русским патриотом-государственником. Шевченко же считал себя представителем особого народа, при этом он являлся носителем русофобских идей и настроений, отрицательно относился к Православной церкви, ненавидел самодержавную власть, являлся создателем политизированного варианта «мовы», призванного подчеркнуть отличие украинцев от русских. Шевченко и Гоголь по сути являются антиподами.

Таким образом, украинский национализм в его сравнительно «мягкой форме» («украинофильство») возник под сильным польским влиянием в царствование Николая I и получил дальнейшее развитие в царствование Александра II. Его идеологами были разработаны две базовые националистические политтехнологии: создание искусственного языка и русофобская фальсификация русской истории, призванные доказать существование особого, отличного от русского народа с древнейших времен.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАЙНОФИЛОВ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКОГО МЯТЕЖА 1863 Г. РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ И ИХ АНАЛИЗ УКРАИНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

После ликвидации «Кирилло-мефодиевского братства» украинофилы на некоторое время затихли. Оживление их деятельности произошло в эпоху Великих реформ. Большая их часть к тому времени перебралась в Петербург. Там в 1861 году они стали издавать журнал «Основа» (ред. В.М. Белозерский), главной задачей которого было формирование тогда ещё фантомной украинской идентичности. Главными сотрудниками были Н.И. Костомаров, Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиш, В.Б. Антонович и др. В журнале публиковались статьи, посвященные языковым и историческим сюжетам. Именно в нём было опубликовано «Евангелие украинского национализма» – статья Н.И. Костомарова «Две русские народности». Уже в 1862 г. журнал прекратил свое существование из-за отсутствия достаточного количества подписчиков. Стоит отметить, что позицию «Основы» безоговорочно поддержал лишь А.И. Герцен, уже тогда увидевший в украинских сепаратистах союзников «освободительного» движения.

На том этапе украинофилы отказались от панславистского федерализма и сделали основную ставку на внедрение «мовы» в среду крестьян-малороссов через школьное и внешкольное образование. Их поддерживал А.В. Головнин, министр народного просвещения, пользующийся репутацией либерала, он склонялся даже к допущению преподавания на «мове» в низших школах юга России. Лишь польский мятеж 1863 г. остановил реализацию этих замыслов.

Чуть раньше, в 1860 г. украинофилы сделали попытку издать Евангелие на «мове». Несмотря на то, что большинство из них были атеистами, для них перевод, осуществленный инспектором Нежинского лицея Ф.С. Морачевским, был прежде всего политической акцией и являлся своего рода доказательством степе-

ни развитости «мовы», свидетельством существования особого народа. Митрополит Петербургский и Новгородский Исидор отказал в публикации этого перевода. Против этого перевода выступили также представители малороссийского образованного общества, небезосновательно усматривая в подобной акции попытку раскола русского культурного единства. Фразы вроде «Хай дуфае Сруль на Пана» – «Да уповавает Израиль на Господа» стали поводом для не всегда беззлобных шуток над этой украинофильской инициативой.

Накануне польского мятежа член украинофильской общины и автор «Основы» П.П. Чубинский на основе польского гимна «Еще не Польша не сгинела» написал текст, легший в основу будущего гимна Украины «Ще не вмерла Украина». По сути это был стихотворный призыв к мятежу:

«Ой, Богдане, Богдане, славний наш гетьмане,
На-що віддавъ Україну москалям поганим?!
Щоб вернути її честь, ляжем головами,
Наречемось України вірними синами.
Душу й тіло ми положим за нашу свободу
І – покажем, що ми, браття, козацького роду!»

Польские националисты всерьёз рассчитывали использовать в своих целях украинофилов. Так, генерал Людвиг Мерославский, бывший впоследствии диктатором в период польского мятежа 1863 года, откровенно говорил о целях использования поляками украинского движения: «Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полета за Днепр. Пусть там распространяют казацкую гайдаматчину против попов, чиновников и бояр, уверяя мужиков, что они стараются удержать их в крепостной зависимости. Должно иметь в полной готовности запас смут и излить его на пожар, зажженный уже во внутренностях Москвы. ... Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон в сердце России. Пускай уничтожат ее. Раздуюм ненависть в русском народе, русские будут рвать себя собственными когтями, а мы (то есть поляки), будем расти и крепнуть»¹. Впрочем,

¹ Щеголев С.Н. Истоки украинского сепаратизма. Происхождение и язык. М.: Вече, 2022. С. 75.

П.П. Чубинский

надежды польских националистов были тщетны, малороссийское крестьянство не только не поддержало мятеж 1863–1864 гг., но и приняло самое активное участие в его подавлении.

В то время русская консервативно-государственная мысль мгновенно и очень точно отреагировала на появление украинского сепаратизма: в 1860–1880-х годах его базовые идеи и культурные практики были подвергнуты критике.

Русские консерваторы, в отличие от подавляющего большинства нынешних вульгарно-материалистически ориентиро-

ванных политиков и идеологов («всё определяет экономика»), понимали колоссальную значимость языка, литературы и истории для формирования национального самосознания и поддержания государственного единства. Так, М.Н. Катков – редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника», самых известных и влиятельных консервативных изданий 1860–1880-х годов, лидер тогдашних националистов и государственников, в первой половине 1860-х годов в передовицах редактируемых им «Московских ведомостей» одним из первых обрисовал ту потенциальную угрозу, которую несли идеология и практика «украинофильства», прежде всего, его русофобскую и антиимперскую составляющие.

Вопреки формируемому либералами и левыми радикалами господствующему общественному мнению, последовательно и целенаправленно поддерживающему «украинофильство», Катков заявлял: «Пусть нас считают алармистами, <...> мы... не перестанем указывать на опасность, хотя бы только еще зарождающуюся; мы лучше хотим быть похожи на того моряка, который, заметив на небе черное пятнышко, принимает меры против бури,

нежели на того, который начинает убирать парус, когда уже налетел шквал»¹.

Особое внимание Катков уделил критике концепции Н.И. Костомарова о существовании еще с Киевской Руси особой «южнорусской народности», сформулированной им в статье «Две русские народности». Катков изначально крайне негативно оценил костомаровскую концепцию «двух народов», находящихся «между собой лишь в случайной и внешней связи»: «Возмутительный и нелепый софизм! Как будто возможны две русские народности и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!»².

М.Н. Катков

Катков иронически писал о том, что Костомарову и ему подобным «понятна и приятна мысль о двух русских народностях, но другие не могут выносить такой мысли, другие знают и хотят знать только одну русскую народность, только один русский язык, и знают, что если бы могли явиться две русские народности, то одна из них тотчас же перестала бы быть русской»³. Разумеется, к «другим» принадлежал и сам Катков.

В своей критике «украинофильства» Катков апеллировал к западному опыту и исходил из того, что народы крупных европейских государств являются по своему этническому составу несопоставимо более разнородными и пестрыми, нежели русские в Российской империи. Именно это обстоятельство диктовало этим странам необходимость жесткого унитаризма в национально-государственном устройстве, предполагавшем господство единого

¹ Украинский вопрос в русской патриотической мысли. М.: Книжный мир, 2016. С. 112.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 130–131.

государственного и литературного языка, общей культуры, народной школы, руководствующейся единообразными программами и т.д. «Если бы не было одного итальянского языка, то жителю Милана почти так же трудно было понимать Неаполитанца, как и Испанца, или даже как своих вечных врагов Тедесков (немцев – А.М.). В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в ином местном говоре. Во Франции то же самое, и то же самое в Англии»¹.

Только унитаристская политика, с точки зрения Каткова, обеспечивала государственное единство и безопасность европейских стран и предохраняла от распада: «... везде (в Европе – А. М.) есть резкие особенности и местные наречия до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров»².

В отличие от этих европейских стран в Российской империи русские в сравнении с европейцами заключают в себе гораздо меньше «резких оттенков»: «В России несравненно менее розни в языке, чем где-нибудь, и менее, чем где-нибудь, рознь эта значительна. Ступайте по всей Русской земле, где только живет русский народ всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий»³.

При этом Катков отмечал, что наибольшими особенностями отличаются малороссийский и белорусский говоры. Особенности малороссийского говора, объяснялись им целым рядом исторических факторов, прежде всего, татаро-монгольским игом, насильственным и временным соединением Юго-Западной Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. При этом, утверждал он, на южнорусской территории «искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь началась рус-

¹ Там же. С. 92

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 92–93.

ская вера, и здесь же начался русский язык. Здесь впервые родилось историческое самосознание русского народа, здесь явились первые памятники его духовной жизни, его образования, его литературы. Южное и северное, западное и восточное народонаселения России с самого начала сознавали себя как один народ; да и нет ни одного признака в истории, чтобы между ними была какая-то народная рознь, какой-нибудь племенной антагонизм. Но Монголы и Литва разрознили на некоторое время русское народонаселение, и юго-западная часть нашего народа, подпавшая под польское иго, долго страдала, долго обливалась кровью, и хотя отстояла себя, но, тем не менее, время разъединения с Россией внесло в южно-русскую речь несколько польских элементов и вообще несколько обособило ее, более, чем на сколько разнятся между собой другие местные говоры в России»¹.

Одной из самых острых проблем, если не самой острой, и для украинских националистов, и для русских государственников, консерваторов, патриотов и националистов являлся вопрос о создании особого литературного украинского языка. Русские консерваторы прекрасно осознавали колоссальную значимость языка, литературы и истории для формирования национального самосознания и поддержания государственного единства. Так, Катков провозглашал: «Великое дело язык и литература! Что разошлось в языке и литературе, то разошлось в духе, и того не свяжешь потом никакой материальной силой»².

В изложении Каткова (вполне аутентичном) стержнем «украинофильской доктрины» был тезис о том, что «малороссийский говор не есть только местное наречие русского языка, получившее свою нынешнюю физиономию вследствие только того, что в него вошла польская примесь, но что оно есть особый язык, точно так же относящийся к русскому, как польский, чешский или сербский, и потому долженствующий иметь свою особую литературу, стать языком преподавания в школах и получить признание от государства»³.

¹ Там же. С. 93.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 124.

Подобного рода оценка «мовы» как особого языка была категорически неприемлема для Каткова: «Особый малороссийский язык, доразвитый, дополненный, досочиненный украинофилами, был бы точно таким же промежуточным уродливым явлением между русским и польским языками, какое представляет собою уния между православием и латинством...¹». Он подчеркивал, что существующий общерусский государственный и литературный язык не является «племенным» наречием великоруссов. Это язык «сложился долговременной историей из разнородных стихий, и первый памятник этого ныне употребляемого нами языка принадлежит Киеву; это летопись Нестора, первый акт исторического самосознания русской народности». Более того, «в его образовании столько же участвовала северная Русь, сколько и южная, и последняя даже более»².

Катков саркастически писал о том, что из «особенных говоров» при желании можно искусственно сочинить особый язык – «даже из костромского или рязанского говора»³. Но в этом не просто нет никакой необходимости, это и крайне опасно: «...нет ничего пагубнее, как систематическими усилиями поднимать местное наречие на степень языка, заводить для него школы, сочинять для него литературу»⁴. Создание искусственного языка имеет своей целью «устроить дело так, чтоб уроженец киевский со временем как можно менее понимал уроженца московского, и чтоб они должны были прибегать к посредству чужого языка для того, чтобы объясняться между собой <...> искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа и разрознивать их силы...»⁵. Поэтому «всякое усилие поднять и развить местное наречие, в ущерб существующему общенародному историческому языку, не может иметь другой логической цели кроме расторжения народного единства»⁶.

¹ Там же. С. 133.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 98

⁵ Там же. С. 99

⁶ Там же. С. 96–97.

Катков считал, что «украинский вопрос» был вызван к жизни «польской интригой», то есть польскими националистами в 1860-х годах, в особенности после подавления польского восстания 1863–1864 годов, ставящего своей целью создание независимого государства, долженствующего включить в себя территории нынешних Украины и Белоруссии: «Как может быть важно украинофильство для польского дела, это понятно само собой: нет лучшего средства, чтобы изолировать от России этот русский народ Юго-Западного края, который так беспощадно разрушил польские мечты о принадлежности русской Украины к великому польскому государству (малороссийское крестьянство активно выступило против ненавистной ему восставшей польской шляхты – А.М.)»¹.

В передовице «Московских ведомостей» от 21 июня 1863 года Катков коротко, но ярко изложил историю украинофильского движения в связи с «польской интригой» в России в 1860-х годах: «Года два или три тому назад, вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катехизиса (текст так называемого «Польского катехизиса» появился в русской печати в 1863 году. В этом документе неизвестного происхождения провозглашался принцип «цель оправдывает средства» – А.М.). Польские публицисты с бесстыдною наглостью начали доказывать Европе, что русская народность есть призрак, что юго-западная Русь не имеет ничего общего с остальным народом русским, и что она по своим племенным особенностям гораздо более тяготеет к Польше. <...> И вот мало-помалу из ничего образовалась целая литературная украинофильская партия, вербуя себе приверженцев в нашей беззащитной молодежи. Истокались все прельщения, чтобы связать с этой новой неожидан-

¹ Там же. С. 118–119.

ной пропагандой разные великодушные порывы, разные смутно понимаемые тенденции, разные сердечные чувствования. Из ничего вдруг появились герои и полубоги, предметы поклонения, великие символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Мефодии с удивительнейшими азбуками, и на Божий свет был пущен пуф какого-то небывалого малороссийского языка. По украинским селам начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и начали заводить малороссийские школы, в противность усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных просветителей. Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке»¹.

Впрочем, стоит особо подчеркнуть, что Катков не сводил пропаганду украинофильства исключительно к влиянию «польской интриги». Он придавал немалое значение и действию внутренних факторов, которые серьезно способствовали развитию украинского сепаратизма. Среди них первое место занимала космополитическая, лишенная национального сознания бюрократия: «подобные затеи находили себе сочувствие у нас в некоторых сферах, этим вполне изобличилось, до какой степени слабо в этих сферах сознание русских национальных интересов»². Катков впрямую говорил в 1864 году о правительственном содействии украинофильству как якобы «делу безвредному», когда «шла у нас речь <...> о переводе Священного Писания и государственных актов на малороссийское наречие, об обязательном введении этого наречия в народные школы, о ревностном распространении в народе книг, писанных на этом наречии, книг, иногда составленных в духе, враждебном русской народности, и об исполнении всего этого государственными средствами и на казенные деньги»³. Подобные меры связывались тогда с деятельностью министра народного просвещения А.В. Головнина.

Если бы эти меры были реализованы, то это означало, по мнению Каткова, что «правительство на казенные средства по-

¹ Там же. С. 94–95.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 118–119.

могало распадению России или создавало призрак, который стал бы вампиром целых поколений, – это верх нелепости, это сумасшествие»¹.

Главным методом борьбы с «украинофильством», которые предлагали Катков и публицисты его круга (А.А. Иванов, С.С. Гогоцкий и др.) было массовое создание народных училищ в Малороссии с преподаванием исключительно на русском языке². Эта масштабная задача создания системы начального народного образования начала осуществляться лишь в премьерство П.А. Столыпина и на практике не успела реализоваться из-за Великой войны 1914–1918 годов и последовавшей революции.

При всем крайне отрицательном отношении Каткова к «украинофильству» его невозможно обвинять в ксенофобском или шовинистическом отношении к Малороссии. Вряд ли он лицемерил и фальшивил, когда утверждал: «...мы любим Украину, – любим как часть нашего отечества, как живую и дорогую часть нашего народа, как часть нас самих, и потому-то нам так ненавистна всякая попытка внести чувство моего и твоего в отношения Украины к России. Мы любим Украину со всеми ее особенностями, в которых видим залог будущего богатства и разнообразия в общем развитии нашей народной жизни. Мы не понимаем, мы не признаем никакого соперничества между украинским и русским. Мы видим в этом самую фальшивую и вредную мысль. Мы любим Украину, своеобразный характер ее детей, поэзию ее преданий и мелодий; ее напевы так же близки и родственны нам, как и песни, оглашающие Волгу. Мы весьма далеки от того, чтоб осуждать тех Украинцев, которые пристрастны к своей родине. Le patriotisme du clocher (фр. локальный патриотизм, буквально – «патриотизм колокольни» А.М.) есть весьма почтенное чувство, но оно не должно исключать патриотизма более широкого; интересы родины не следует противопоставлять интересам отечества»³.

¹ Там же. С. 111.

² Подробнее см.: *Минаков А.Ю.* Предисловие // Украинский вопрос в русской патриотической мысли. М., 2016.

³ Там же. С. 109.

Ясность и точность анализа Каткова украинского вопроса поразительны. Все его самые зловещие предупреждения и опасения сбылись: «укаинофильская идея бесконечно хуже нежели польская, ибо клонится к тому, чтобы расколоть в самой сердцевине народ русский <...> Если бы по какому-нибудь недоразумению могла она осуществиться, то это было бы самым проклятым на русской почве делом»¹. Представляется, что консервативная мысль, ярким представителем которой являлся Катков, продемонстрировала в этом вопросе несомненную «футурологическую состоятельность» в сравнении с другими направлениями русской общественной мысли.

Катков заложил основы анализа феномена украинского сепаратизма, его продолжили и другие представители консервативного лагеря.

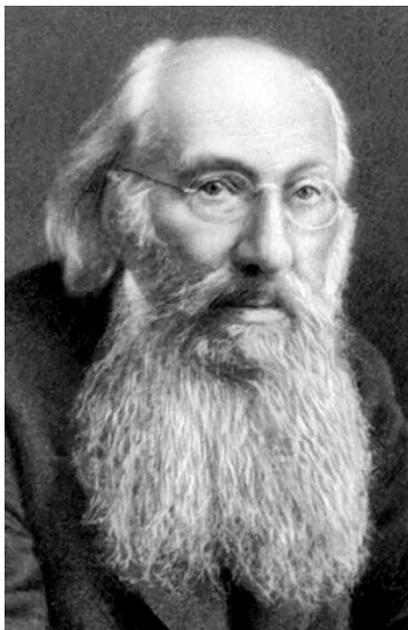
Отправной точкой рассуждений русских консервативных мыслителей был тезис о едином русском народе. Так, видный славянофил и знаток истории славянских народов В.И. Ламанский утверждал, что три ветви единого русского народа – малороссы и великороссы с белорусами – «при всех своих частных разногласиях, обоюдных несходствах и насмешках друг над другом, образуют один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений»².

Консерваторы и русские националисты отстаивали точку зрения, согласно которой термин «Украина», усиленно вводимый в оборот украинскими сепаратистами, является исторически неверным, в отличие от традиционного употребляемого с XVII века названия «Малороссия», которое первыми ввели православные греки, путешествовавшие в независимую северо-восточную Русь через сравнительно небольшую «Малую Русь», находившуюся под польско-католическим владычеством. Разумеется, такая точка зрения была категорически неприемлема для украинских сепаратистов. Их отречение от русского имени уже в начале

¹ Там же. С. 147.

² Ламанский В.И. Национальная бестактность (Статья Современника 1861. Июль, о Львовском Слове: №№ 1 и 2) // День. 1861. 15 октября. С. 17.

XX века доходило, говоря словами известного публициста консервативно-националистической газеты «Новое время» М.О. Меньшикова, до «политического психоза». Он отмечал: «Ни одно из инородческих племен – кроме разве поляков – не обнаруживает такой воспаленной ненависти к Великой России, как эти представители Малой Руси. Самые ярые из них отказываются от исторических имен "Россия", "русские". Они не признают себя даже малороссами, а сочинили особый национальный титул: "Украина", "украинцы"»¹.

В.И. Ламанский

Одной из самых острых проблем для русских государственников, консерваторов, патриотов и националистов являлся вопрос о создании особого литературного украинского языка. Так, В.И. Ламанский писал, что Малая и Великая Русь общими усилиями выработали общий литературный язык. Это произошло в силу того, что «наречия Малорусское и Великорусское не отличаются между собой множеством важных и разных особенностей». Эти особенности были в целом «незначительны, если не совершенно ничтожны» до конца XIV в. «и даже позже». Причем как это относилось как к устной речи, так и к письменному языку. Последний имел «общий элемент Церковно-Славянский».

Ламанский отмечал, что южно-русские ученые и писатели имели огромное, непосредственное влияние на русский язык «с конца XVII в. почти до самого Ломоносова», поскольку ма-

¹ Меньшиков М.О. Быть ли России Великой? // Новое время. 1911. 26 февраля (11 марта). С. 4.

лороссы «господствовали» в церковной «иерархии, в школе и образованности. Они, заявлял Ламанский, «имели все средства образовать Русский литературный язык на Малорусской основе». В представлении Ламанского, общерусский литературный язык был создан Ломоносовым, который «принял наречие Московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента Церковно-Славянского». Но и после Ломоносова, подчеркивал Ламанский, огромный вклад в развитие русского языка внесли многие даровитые писатели из Малороссиян и один гениальный – Гоголь». Поэтому русский литературный язык «есть плод исторической жизни всего Русского народа»¹.

Говоря о возможности «особой Малороссийской литературы», В.И. Ламанский был уверен, что она «возможна только при условиях самых невообразимых», для этого «надо убедить всех мыслящих Малороссиян в ее необходимости, надо им позабыть употребление Русского языка, перестать читать Русские книги, надо образовать целые поколения Малороссиян в неведении Русского языка и литературы»².

Один из отцов-основателей евразийства, выдающийся лингвист Н.С. Трубецкой, будучи уже в эмиграции, серьезно уточнил представления о вкладе малороссов в формирование общерусского литературного языка. С его точки зрения, на рубеже на рубеже XVII и XVIII-го вв. произошла «украинизация великорусской духовной культуры», причем «старая великорусская, московская культура при Петре умерла»³. Новая русская культура «является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры»⁴. Но при этом центр культуры переместился из Киева в Великороссию. В результате «культура стала ни специфически великорусской, ни специфически украинской, а общерусской»⁵. В XIX в. в развитии этой культу-

¹ Ламанский В.И. Указ. соч. С. 18.

² Там же.

³ Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 36.

⁴ Там же. С. 365.

⁵ Там же. С. 367.

ры принимали участие и представители «украинского племени»: «нельзя выкинуть из русской литературы Гоголя, из русской историографии – Костомарова, из русской филологии – Потебни и т.д.»¹. Общий вывод, сделанный Трубецким гласил: «русская культура послепетровского периода является общерусской, и что для украинцев она не чужая, а своя – этого отрицать невозможно»².

Консерваторы были убеждены в том, что главной задачей сепаратистов было сделать так, чтобы украинский язык существенно отличался от общерусского. «С этой целью, – писал автор катковского “Русского вестника” А.А. Иванов, – в составляемых ими учебниках и других книгах они, по большей части, тщательно стараются избегать русских слов для выражения многих понятий, так как в малорусском языке, по его неразвитости, нет слов для этих понятий, и берут из польского и даже из других славянских языков, лишь бы не из русского. Сверх того... они ввели особенное правописание, отличное от прежнего, более сходного с общерусским»³.

Тот же А.А. Иванов считал «положительно вредным обучение народа на местном языке»⁴, поскольку цель такого обучения состояла только в том, чтобы «навязать народу понятие об его каком-то резком и совершенном отличии от Великоруссов. Обучение на этом языке укрепляет самих деятелей в сепаративных тенденциях, побуждает их не ограничиваться обучением, а сделать это наречие литературным языком для всего населения Малороссии»⁵.

Консерваторы небезосновательно полагали, что навязывание украинского языка в качестве литературного приведет к резкому падению общего уровня культуры. Публицист «Русского вестника» Н.А. Ригельман утверждал, что подобного рода обособление создаст для украинцев «в русском мире духовный

¹ Там же. С. 371.

² Там же.

³ *Иванов А.А.* О малорусском литературном языке и обучении на нем // *Русский вестник.* 1863. Май. Т. 45. С. 254.

⁴ Там же. С. 264.

⁵ Там же. С. 259.

М.О. Меньшиков

партикуляризм», сделает для них непонятными произведения их земляков: Димитрия Ростовского, Феофана Прокоповича, Георгия Конисского, Гоголя, равно как и творения Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Толстого. «Чем же вы замените всё это? – спрашивал Ригельман. – Неужели вы воображаете себя в силах написать что-нибудь подобное, создать хоть сотую долю того литературного богатства, которым мы и вы уже обладаем, и пользования которым вы хотите лишить ваш народ?»¹.

Особую роль в становлении украинского национализма сыграл Т.Г. Шевченко. В консервативной публицистике, посвященной «кобзарю», выделяются статьи М.О. Меньшикова.

Он отмечал, что в Малороссии и России к началу XX века возник «настоящий культ» Шевченко, причем о его поэзии «судят по некоторым лирическим отрывкам («Думы мои, думы...» и т.п.), переведенным по-великорусски и понятным даже без перевода». Однако полный Шевченко, без купюр, «оказывается, подобно Мицкевичу, ослепленным ненавистью к нашей государственности и народности... политическая поэзия Шевченко есть возбуждение к мятежу и к разрушению государства... Украинomanы, создававшие культ Шевченко, его лирикой и романтикой прикрывали в самом деле преступную пропаганду, почин которой в этой области принадлежит именно Шевченко», – писал Меньшиков².

В знаменитом «заповіте» («завещании») Шевченко главными врагами украинцев провозглашаются «москали», писал Мень-

¹ Ригельман Н.А. Современное украинофильство // Русский вестник. 1875. № 2. Т. 115. С. 843.

² Меньшиков М.О. Быть ли России Великой? С. 4.

шиков: когда «польются реки человеческой крови, широкие, как Днепр, "батько Тарас" согласен встать из могилы, полететь на небо и признать Господа. "Похороните меня, – говорит он, – да поднимайте восстание, порвите кандалы и свободу свою окропите злою кровью врагов... ясно, что единственные вороги, которые стояли тогда в его воображении, были "москаля", которые будто бы держат Украину в плену, а украинцев – в кайданах, то есть в кандалах»¹.

Надо отметить, что при всем своем неприятии политического мировоззрения Шевченко, Меньшиков оказался в своих эстетических оценках его творчества достаточно снисходительным: «Шевченко – несомненный талант, но второразрядный, вроде нашего Кольцова или Никитина, вроде Майкова или Полонского, которых муза в лучших вещах достигала удивительной красоты; красоты, но не величия ... ничего великого в этом талантливом провинциальном поэте не было и не могло быть на уровне слишком зачаточной деревенской культуры». При этом Меньшиков допускал, что, проживи Шевченко подольше, он осудил бы свои «ошибки молодости», как это сделали Пушкин и Достоевский, но его ранняя смерть закрыла эту возможность, и потому Шевченко «надо брать, каков он есть: как политического агитатора, ибо – если говорить правду – именно этим он только и дорог озлобленному мазепинскому сепаратизму»².

Эффективность такого рода «политической агитации» Шевченко была по-своему высоко оценена Меньшиковым: «Батько Тарас порядочно-таки посеял ветра в пустых головах кое-каких своих сородичей, и если когда-нибудь над мирной Украиной заревует ураган повстания, может быть, купель крещения народа русского, старый Днепр, и в самом деле окрасится братской кровью»³.

Анализ текстов русских консерваторов, посвященных украинскому вопросу, приводит к такому выводу: распространенное суждение о том, что они считали сепаратизм порождением исключительно «польской интриги» и в целом «внешних факторов»,

¹ Меньшиков М.О. Сеятеля ветра // Новое время. 1914. 2(15) марта. С. 5.

² Там же.

³ Меньшиков М.О. Быть ли России Великой? С. 5.

нуждается в существенном уточнении. В 1914 году Меньшиков уверенно писал, что широкое распространение «мазепинства» с начала XX века опирается на две базы – «на денежную поддержку Германии и на самую разнообразную поддержку Австро-Венгрии». И заявлял, что если Германия и Австрия всерьез готовы использовать украинский сепаратизм для разрушения единства русского народа, то «мы должны были бы воевать и с Германией, и с Австрией как с врагами, ведущими минный подкоп под наше государственное здание»¹.

При этом консерваторы всё же приоритетное значение придавали внутренним факторам, которые, с их точки зрения, если и не вызвали к жизни украинский национализм, то серьезно способствовали его развитию. Среди них первое место занимала космополитическая, лишенная национального сознания бюрократия. Люди, не имеющие в себе «живого чувства своей национальности... остаются безразличны в национальном отношении, и... это безразличие лишает их способности распознавать, что полезно и что вредно для того государства, к которому они принадлежат», – утверждал Катков². В начале XX века М.О. Меньшиков с горечью писал о самодовольной оптимистической бюрократии, которой свойственна пагубная привычка «никак не реагировать на острые явления жизни и прятать их под сукно, как страусы в пустыне при виде неприятеля прячут голову под крыло. Именно этой пагубной привычке мы обязаны чудовищным разрастанием таких явлений, которые своевременно могли бы быть погашены легко и быстро»³. Речь шла в первую очередь о «мазепинстве», как тогда называли украинский национализм.

Какие же пути решения украинского вопроса предлагали консерваторы? Надо сказать, что какой-либо целостной положительной программы у них не было. Но некие ее контуры впол-

¹ Меньшиков М.О. Долг Великороссии // Новое время. 1914. 11(24) марта. С. 4.

² Катков М.Н. Москва, 2 сентября // Московские ведомости. 1864. 3 сентября. С. 1.

³ Меньшиков М.О. Долг Великороссии // Новое время. 1914. 15(28) марта. С. 11.

не можно обрисовать. Уже оказавшись в эмиграции, евразиец Н.С. Трубецкой, как и многие эмигранты, осознал, что православная вера была жизненным нервом всей русской культуры и именно благодаря ей «западнорусская и московская индивидуации русской культуры оказались способными вновь воссоединиться». В послепетровское время антихристианские течения в европейской культуре разрушили в сознании элиты Православие, не заменив его ничем, а затем интеллигентский нигилизм проник в народные массы, породив в них полное духовное опустошение. Рассуждая таким образом, Трубецкой полагал, что будущая русская культура «должна стать в идеале оцерковленной сверху донизу» и тем самым вновь способствовать единству русского народа¹.

Автор «Русского вестника» А.А. Иванов ставил вопрос о необходимости создания народных школ, формирующих через обучение языку и истории русскую национальную идентичность: «Пусть правительство и просвещенная часть общества открывают во всех городах и селах свои народные училища с хорошими учителями, положительно запрещая в них преподавание на малорусском наречии и употребление малорусских книжек». Если это произойдет, то «дело врагов нашего просвещения будет, наверно, проиграно»². О том же, по сути дела, говорил и философ С.С. Гогоцкий, утверждая, что прежде всего необходимы «полное единение с центральной Россией, русские учебные книги на всех инстанциях обучения и такой взаимный обмен умственных сил и деятелей между Русским севером и Русским юго-западом, который бы наилучше упрочивал наше единство с центром России»³. На этом же настаивал либеральный консерватор П.Б. Струве, когда заявлял в статье, посвященной украинскому вопросу, «что одна из главных, и образовательных, и практических, задач начальной школы заключается в том, чтобы всякого русского приобщить к органу русской культуры, русскому языку, и что к этому

¹ Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 378.

² Иванов А.А. О малорусском литературном языке... С. 265.

³ Гогоцкий С.С. Еще несколько слов об украинофилах // Русский вестник. 1875. № 6. Т. 117. С. 798.

нужно стремиться всеми разумными способами. Это нужно так же, как знание арифметики, это есть, если можно так выразиться, обязательная общегражданская грамотность»¹. Однако решение о создании общерусской системы начального народного образования было принято спустя десятилетия, при П.А. Столыпине, и на практике не успело реализоваться из-за Мировой войны и последовавшей революции.

Одной из важнейших задач, с точки зрения консерваторов, было развитие исторического самосознания, невозможное без умных и ярких учебников по истории, написанных с государственно-патриотических позиций. М.О. Меншиков с тревогой писал, что в России ни одного «пригодного для школ учебника русской истории». Наряду с миллионными тратами на создание флота и покупку племенных жеребцов следовало бы потратить несколько премий на создание «основного учебника русской истории, увлекательного и правдивого», привлечь самых талантливых ученых и публицистов для доказательства того, что «русское государство – до сих пор единственная возможная форма державной самостоятельности и белорусов, и малороссов»². Впрочем, эта задача остается не исполненной и по сей день.

Духовный наследник М.Н. Каткова, издатель самой известной в конце XIX – начале XX века национально-консервативной газеты «Новое время» А.С. Суворин, видел основным средством борьбы с украинским, да и всяким другим, сепаратизмом укрепление прежде всего русского центра страны: «необходимо его культурно крепить и возвысить. ...Русский человек должен блистать образованием, а не отставать от окраин; русская промышленность, торговля и земледелие должны стоять как пример развития для окраин, а не завидовать и не зависеть от них... Прочность России, ее долголетие и ее крепость зависят от прочности центра, от пригнательной, внутренней, органической силы его»³.

¹ Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. Кн. 1. С. 71.

² Меншиков М.О. Долг Великороссии // Новое время. 1914. 15(28) марта. С. 13.

³ Суворин А.С. Маленькие письма. CXIII // Новое время. 1883. 12(24) февраля. С. 1

Показательно, что ни один из этих пунктов не был осуществлен ни до, ни после 1917 года.

Сбылись самые зловещие предупреждения и пророчества консерваторов. Удивляет точность некоторых из них, футурологическая состоятельность русской консервативной мысли. Так, Н.А. Ригельман утверждал, что тактика и стратегия украинских националистов будет заключаться в том, чтобы не отрываться от России, «чтобы пользоваться ее силами и ее охраной, покамест мы настолько окрепнем, чтобы в ней больше не нуждаться»¹.

Украинский вопрос был существенно осмыслен русской эмиграцией. К примеру, Н.А. Бердяев, начинавший свою идейную биографию как легальный марксист, в 1918 году написал немыслимые до революции для принадлежащего к «прогрессивному лагерю» деятеля признания: «нужно прямо и решительно заявить – никакой великорусской культуры нет, как нет и культуры малорусской, есть только единая русская культура, объединенная великим русским языком, который не есть язык великорусский. Нет великорусской истории, есть лишь русская история»².

А евразиец Н.С. Трубецкой в статье, написанной в 1927 году, пророчески описал, что произойдет, если на независимой Украине придут к власти узкие и фанатичные краевые шовинисты. Они наложат на украинскую культуру свою «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией. Эти же люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить самую возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати,

¹ Ригельман Н.А. Современное крайнофильство С. 839–840.

² Бердяев Н.А. Россия и Великороссия // Накануне. М., 1918. № 3 (апрель). С. 5.

Н.С. Трубецкой

литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь. Ибо, если украинцы не будут ненавидеть все русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу общерусской культуры. ...И, в результате, созданная при таких условиях "украинская культура" не будет органическим выражением индивидуальной природы украинской национальной личности и мало чем будет отличаться от тех "культур", которые наспех создаются разными "молодыми

народами", статистами Лиги Наций. В этой культуре демагогическое подчеркивание некоторых отдельных, случайно выбранных и, в общем, малосущественных элементов простонародного быта (например, "вышиванок" – А.М.) будет сочетаться с практическим отрицанием самых глубинных основ этого быта, а механически перенятые и неуклюже применяемые "последние слова" европейской цивилизации будут жить бок о бок с признаками самой вопиющей провинциальной ветоши и культурной отсталости; и все это – при внутренней духовной пустоте, прикрываемой кичливым самовосхвалением, крикливой рекламой, громкими фразами о национальной культуре, самобытности и проч. ...Словом, – это будет жалкий суррогат, не культура, а карикатура»¹.

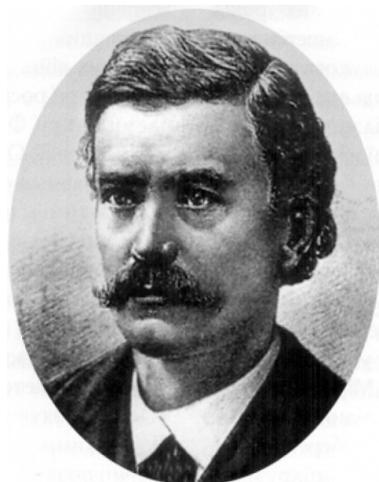
В отличие от либералов и социалистов, видевших в украинских сепаратистах только и исключительно союзников в борьбе с самодержавием и Российской империей и практически безоговорочно их поддерживавших, русская консервативная мысль

¹ *Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 373–375.*

расценивала украинский сепаратизм как крайне опасное явление, угрожающее самому бытию русского народа и его государственности. Консерваторы ясно показали механизм действия гуманитарных технологий по созданию фальсифицированной версии истории и искусственного литературного языка. Они акцентировали внимание на русофобской и антиимперской составляющих и неизбежном культурном провинциализме украинизма. И смогли предсказать катастрофические последствия раскола единого русского народа. В этом их бесспорная историческая заслуга и правота. В анализе украинского вопроса русский консерватизм, несомненно, продемонстрировал свои интеллектуальные и моральные преимущества над идеологическими оппонентами. «История – наставница жизни», – говорили древние. И если бы современные политический и интеллектуальный слои обладали развитым историческим самосознанием или хотя бы элементарным знанием русской истории, многих трагедий удалось бы избежать.

АКТИВИЗАЦИЯ УКРАИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. РАБОТА ПО ФАЛЬСИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ, ЛИНГВИСТИКИ И ИСТОРИИ ЮЖНОЙ РУСИ В АВСТРИЙСКОЙ ГАЛИЦИИ

После подавления польского мятежа украинофильское движение продолжало развиваться. Основным его центром стал Киев, где центрами украинского национализма был Юго-Западный отдел Русского императорского географического общества (с 1873 г.) и газета «Киевский телеграф». Вокруг этого центра соорганизовались кружки украинофилов, состоящие преимущественно из студентов.

В.Б. Антонович

Центральной фигурой украинофильства в Киеве был историк В.Б. Антонович, развивавший в своих трудах идеи Н.И. Костомарова.

Националисты вели пропаганду преимущественно через культурные мероприятия, устраивали литературные вечера, концерты и т. д. В 1875 г. под давлением консервативной общественности

большинство украинофильских центров было ликвидировано, а наиболее активные националисты эмигрировали.

В 1890-е годы происходит радикализация украинского национализма. Появляются идеологи и кружки, порывающие с культурно-просветительскими практиками, ставящими во главу угла политическую пропаганду и провозглашающие курс на создание особой украинской нации и отделение независимой Украины от Российской империи. Появление национально «свидомых» озна-

чал разрыв не только с русскостью, но и с относительно умеренным крайнофильством.

В 1900 г. в Харькове возникает кружок, называющий себя «Революционная украинская партия». Члены его в идейном плане были одновременно и националистами и социалистами. Центральной фигурой этого кружка был адвокат Н.И. Михновский.

В 1900 г. он опубликовал брошюру «Самостійна Україна» в которой была представлена радикально-националистическая версия украинской истории. В 1654 г. некая «Республика Украина» заключила «Переяславскую Конституцию» с «Московией», после чего Россия её насильно подчинила и угнетает. Поэтому угнетенные украинцы должны бороться с Россией и русскими за самостоятельную Украину от Карпат и до Кавказа. В дальнейшем Михневский сформулировал «заповеди» украинского национализма:

Н.И. Михновский

«Все люди – твои братья, но москали, ляхи, венгры, румыны и евреи – это враги нашего народа, пока они господствуют над нами и обируют нас. Украина – для украинцев! Итак, выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей. Всегда и везде используй украинский язык. Пускай ни жена твоя, ни дети твои не оскверняют твой дом языком чужаков-угнетателей». Соответственно, украинцам предстоит жестокая кровавая борьба с «москалями» и т. д.

События 1905–1907 гг. предоставили несопоставимо более широкие возможности, нежели ранее, украинским националистам на территории Российской империи. Они стали органической частью «освободительного» движения, поддерживавшего, начиная с декабристов и Герцена, украинский сепаратизм. Про-

изошла легализация украинской прессы, издательств, клубов, библиотек, коммерческой деятельности и т.д.

В левых фракциях I и II Государственных Дум появились отдельные представители украинских националистов, несмотря на то что большинство малороссов были противниками украинства. Кадеты, эсеры, социал-демократы отказались от концепции триединого русского народа и приняли позицию украинского национализма.

Так, лидер кадетов П.Н. Милюков выступал за право преподавания в школах «мовы» и использования её в государственных учреждениях Малороссии. В 1906 г. состоялось признание комиссией Императорской Академии наук, члены которой были по своей политической ориентации либералами, украинского языка самостоятельным, а не малороссийским наречием русского языка. Это была крупная политическая победа украинских сепаратистов.

Впрочем, вплоть до 1917 г. украинское движение на территории собственно Российской империи была слабым и маловлиятельным. По признанию лидера «радикально-демократической партии» Е.Х. Чикаленко в его дневнике: «на 30 млн. украинцев, может, найдутся 300 человек, которые искренне привержены делу. Небогато!»¹.

Итак, на территории собственно Российской Империи украинское движение было откровенно слабым, несмотря на поддержку со стороны представителей либерального и социалистического лагеря. Однако, начиная с 1870-х годов в Европе резко изменилась геополитическая ситуация. Произошло объединение германских государств вокруг Пруссии, разгромившей Францию, возник Второй Рейх. А с Австро-Венгрией у России стали нарастать противоречия из-за поддержки последней славянских народов. Германский мир начал готовиться к большой войне с Россией и Францией. Она разразилась в 1914 г.

В качестве орудия борьбы против России австрийцы решили использовать украинский национализм, создав для его развития исключительные условия на территории Галиции, вошедшей в

¹ Чикаленко Е.Х. Щоденник (1907–1917). Киев, 2011. С. 126,

состав Австро-Венгрии в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в.

Австрийские спецслужбы начали плотную работу с украинскими националистами еще с конца 1860-х гг., когда в Галиции начали массово создаваться украинские читальни, библиотеки, спортивные общества, кооперативы, занимающиеся поддержкой крестьянских хозяйств по национальному признаку и т. д. Украинцем стало быть несопоставимо более выгодно, чем русским.

Огромный импульс получило развитие «мовы», которая отныне стала формироваться на основе галицийского наречия, подвергшегося в течение длительного времени сильному влиянию польского языка.

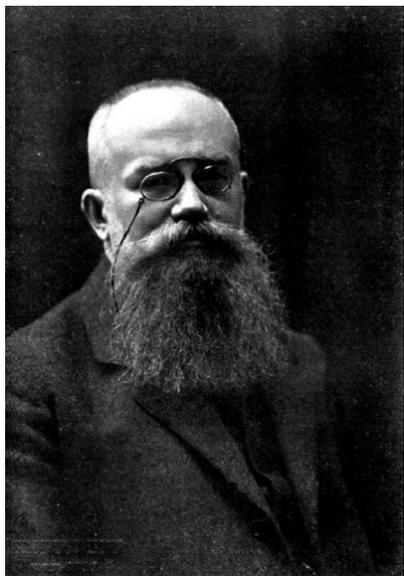
В высших учебных заведениях австрийской Галиции начали создаваться кафедры украинского языка и литературы, где главную роль играли украинские националисты, эмигрировавшие из России.

С 1892 г. в школах Галиции было внедрено фонетическое правописание, созданное ещё П.А. Кулишом. Оно заменило традиционное доселе для галицийских русинов этимологическое письмо (принятое в русском языке). До этого момента русины могли свободно читать русские книги. Однако введение «кулишивки» положило начало вытеснению и преследованию русского языка.

Его преподавание запрещалось, из библиотек изымались книги на русском языке, преследовались преподаватели «москвофильской» и «русофильской» ориентации.

В 1873 г. было создано «Наукове товариство імени Шевченка», выпустившее сотни томов Записок, призванных «академически» обосновать украинскую идентичность при помощи «украиноведения». Особую активность эта организация развила с 1894 года после приезда во Львов из России магистра истории М.С. Грушевского.

В 1886 г. Грушевский поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, где в качестве научного руководителя выбрал В.Б. Антоновича. Этот продолжатель украинофильских идей Костомарова оказал сильное влияние на Грушевского, под его руководством писались его студенческие

М.С. Грушевский

работы. За одну из них, написанную на третьем курсе, с размашистым названием «История Киевской земли от смерти Ярослава до конца XVI в.» он получил золотую медаль, которую рекомендовал вручить ему Антонович. По ходатайству научного руководителя Грушевский был оставлен при университете, в 1894 г. защитил магистерскую диссертацию «Барское староство (административно-территориальная единица Польши в XV–XVIII в с преимущественно малороссийским населением – А.М.). Исторические очерки».

Ещё в 1891 г. Антонович, тесно сотрудничавший с украинскими националистами в Австро-Венгрии, вернувшись из австрийской Галиции, стал готовить Грушевского к занятию планируемой кафедры всеобщей истории со специальным обзором истории Восточной Европы во Львовском университете, на основе которой в дальнейшем должна была возникнуть кафедра истории несуществовавшей тогда Украины.

Молодой магистр русской истории, оказавшись во Львове, получил звание профессора, занял указанную кафедру, где и развил бурную деятельность. Власти Австро-Венгрии уже тогда готовились к большой войне, где главным её противником была Российская империя. В качестве орудия борьбы против России австрийцы решили использовать украинский национализм, создав для его развития исключительные условия на территории Галиции, вошедшей в состав Австро-Венгрии в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в.¹

¹ О связях Грушевского с австрийским спецслужбами и масонством см. чрезвычайно содержательную статью: *Иванов А.А.* Игры агентов на украинском поле. Австро-Венгрия и украинский сепаратизм в начале XX в. //

Австрийские спецслужбы начали плотную работу с украинскими националистами еще с конца 1860-х гг., когда в Галиции начали массово создаваться украинские читальни, библиотеки, спортивные общества, кооперативы, занимающиеся поддержкой крестьянских хозяйств по национальному признаку и т. д. Украинцем стало быть несопоставимо более выгодно, чем русским.

В этих условиях Грушевский за свою деятельность получил невероятно щедрое финансирование. Достаточно отметить, что он к началу XX в. построил виллу во Львове, стал обладателем усадьбы в Закарпатской курортной Криворывне, а в Киеве – владельцем фешенебельного самого большого шестиэтажного (крайняя редкость в то время! – А.М.) доходного дома.

Это была плата со стороны властей Австро-Венгрии за создание украинского националистического движения, которое, с точки зрения австрийцев, должно было в пределах Австрийской Галиции быть противовесом традиционно сильному польскому влиянию в этом крае; с другой стороны бороться против галицийских русофилов, ориентирующихся на Россию, и быть «тараном» против Российской империи в грядущей войне. В итоге в начале XX в. украинский национализм в Галиции приобрел радикально русофобский характер, получил сильную экономическую базу, школьное и университетское образование, политические организации. В довершение к началу Великой войны были созданы десятки организаций так называемых «сичевых стрелцов», которые составили костяк вооруженных сил украинских националистов.

Во всех этих процессах Грушевский играл исключительно важную роль. Он становится ключевым руководителем всей «научно-культурной», а по сути политической, идеологической и пропагандистской работы украинских националистов в Галиции: с 1895 года работает редактором «Записок Научного общества имени Шевченко», а в 1897 становится председателем этого общества. Именно Грушевский превратил эту организацию в прообраз будущей украинской академии наук, т.е. в очаг украини-

зации и украинской националистической пропаганды. Всего в 1895–1913 гг. под редакцией Грушевского было выпущено 111 томов «Записок», в которых был создан националистический фальсификаторский нарратив по истории, географии, языку, символике и пр. Издательства «товариства» занимались печатанием пропагандистской литературы для последующего нелегального распространения в России.

Помимо «Записок» Грушевский издавал журнал «Литературно-науковий вістник» и руководил издательством «Видавничка спілка», сыгравших большую роль в формировании и распространении «мовы» на основе полонизированного галицийского наречия.

Главные усилия Грушевского были направлены на создание обобщающего нарратива, призванного легитимизировать основные положения украинского национализма. Таковым стал его десяти томник «История Украины-Руси» (в которой «история» несуществующего народа и несуществующего государства была доведена до 1658 г.). В популярном изложении полная схема этой истории изложена в статье «Обычная схема "русской" истории и вопрос рационального упорядочения истории восточного славянства», в работах «Очерк истории украинского народа» и «Иллюстрированная история Украины».

Исторический метод, использованный Грушевским и его последователями образно и довольно точно охарактеризовал В.В. Шульгин: «Украинствующие сосредоточили свое внимание на своем родном крае, и историю своей земли некоторые из них хорошо знают, ибо изучают ее для специальной надобности. Они выискивают в этой истории все свидетельства, неоспоримо доказывающие, что в нашем крае жил и страдал русский народ. Во всех этих случаях они перечеркивают слово «русский» и сверху пишут «украинский». И это не только в фигуральном смысле, а и в буквальном. И сейчас можно найти например в Белграде, в публичной русской библиотеке, сочинение Костомарова, где рука неизвестного украинствующего фальсификатора делала «исправления». На стр. 292, 293 я обнаружил следующее. Напечатано: «Великаго княжества русскаго». Зачеркнуто «русскаго», сверху

написано «украинского». Напечатано: «Великое княжество русское». Зачеркнуто «русское», сверху написано «украинское». Напечатано: «с делопроизводством на русском языке». Зачеркнуто «русском», написано рукой «украинском»¹.

Грушевский, создавая свой нарратив на основе хорошо известных источников и уже имеющихся исследований по истории древней Руси, добавлял в летописные тексты или другие источники слово «украина»: князя Украины-Руси, летописи Украины-Руси и т. д. Грушевский довел до логического конца фальсификаторские приемы своих предшественников Н.И. Костомарова и В.Б. Антоновича. В его псевдонаучных писаниях русские и украинцы выступают не как ветви одного народного целого (что в определенной мере признавал, к примеру, Н.И. Костомаров), а как два совершенно разных народа, с различным этногенезом и историческими государственностями. Делалось это на основе совершенно бездоказательных утверждений, что якобы украинцами были уже древние племена антов, возможно, являющиеся потомками трипольцев (археологическая трипольская культура).

В наиболее «академическом» виде свою фальсификаторскую схему Грушевский изложил в статье «Обычная схема “русской” истории и вопрос рационального упорядочения истории восточного славянства» (1903). Его современные последователи утверждают, что в ней он «зложил фундамент украинской историографии»². Грушевский отрицает единство самой русской истории: «общерусской» истории и не может быть, как и нет «общерусской» народности. Может быть история всех «русских народностей», кому охота их так называть, или же история восточного славянства. Она и должна занять место нынешней «русской истории». Отрицая общерусскую историю, которую он сводит исключительно к «великорусской», Грушевский провозглашает необходимость создания истории особой украинской народно-

¹ Шульгин В.В. Украинствующие и мы // «Украинская» болезнь русской нации. – М.: Имперская традиция, 2004. – С. 209.

² Все ссылки на эту статью даны по: https://web.archive.org/web/20161022211104/http://likbez.org.ua/hrushevsky_east_slavs.html (дата доступа: 16.02. 2005).

сти, которая уже в древнейших времен создала свою этническую государственность: «Киевское государство, право, культура были творением одной народности, украинско-русской; Владимиро-московское – другой, великорусской». Расцвета «украинская держава» достигла при Владимире Святом.

Далее он утверждает, что «Киевский период перешел не во владими́ро-московский, а в галицко-волынский XIII в., затем в литовско-польский XIV–XVI вв. Владимиро-Московское государство не было ни наследником, ни преемником Киевского» (северные и северо-восточные земли, Суздальское-Владимирское княжество он рассматривает как своего рода «колонию» «киевской державы», постоянно подчеркивая их более низкую в сравнении с Киевом культуру).

Украинский этнос, восходящий к трипольцам и антам, непрерывно развиваясь, после татаро-монгольского нашествия «ряд веков живет без национального государства, под влиянием разных государственных организаций», а «великороссы», создавшие свою государственность, ничего общего не имеют с украинцами.

Борьба Москвы за соби́рание русских земель, начиная с московских князей, Ивана Великого и до Екатерины II оцениваются Грушевским как исключительно негативное явление.

Длительный период безгосударственного национального существования украинцев завершается созданием никогда не существовавшей «козацкой державы» Богдана Хмельницкого, при котором состоялась Переяславская рада 1654 г., которую он в разное время характеризует как «протекторат», «временное соглашение», «военный союз», «доказывая», что украинцы в то время добились «автономии», последней вспышкой которой была деятельность гетмана Мазепы, после чего она была раздавлена Российской империей.

Вторым важнейшим направлением деятельности Грушевского в Галиции стало развитие «мовы», которая отныне стала формироваться на основе галицийского наречия, подвергшегося в течение длительного времени сильному влиянию польского языка. В 1895 году «научное товарищество им. Шевченко» ходатайствовало перед правительством введение для русинов модернизиро-

ванного варианта «кулишовки» (были введены буквы “ї”, “є”). Для украинских националистов крайне важно было не пользоваться правописанием, которое было принято в Российской империи. В результате репрессивных мер, сопровождающих вытеснение русской орфографии и языка из учебных заведений и в целом из культуры Галиции, фонетическое правописание было внедрено в течение считанного количества лет. В высших учебных заведениях австрийской Галиции начали создаваться кафедры украинского языка и литературы, где главную роль играли Грушевский и его единомышленники.

В 1899 г. Грушевский выступил одним из идеологов создания Украинской национально-демократической партии в Галиции. Он включил в её программу основное требование украинских националистов: «Нашим идеалом должна быть Независимая Русь-Украина, в которой бы все части нашей нации соединились в одну современную культурную державу»¹. В своей «Истории Украины-Руси» Грушевский очертил, опираясь именно на свою масштабную фальсификацию русской истории, границы тогда еще фантомной («соборной») украинской псевдогосударственности. Его концепцию «развил» в книге «Коротка география Украины» (1910) львовский профессор С.Л. Рудницкий, утверждавший, что она является самым обширным в Евразии государством за исключением России. Согласно интерпретации Рудницкого в неё входили, помимо малороссийских губерний, Галиция, Карпатская Русь и Буковина, Крым, Кубань, часть Кавказа. Черное и Азовское моря объявлялись «украинскими», как и западное побережье Каспия. Все эти фантастические представления до сих пор являются основой для легитимации несуществующих «исторических прав» украинцев на «свою» территорию.

Будучи учеником В.Б. Антоновича, он развил и наполнил фактическим содержанием националистическую концепцию Костомарова, издав десятитомную «Историю Украины-Руси», труд, обосновывающий украинскую фальсификацию русской истории. Грушевский отрицал единство русского народа с древнейших

¹ Цит. по: *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., Издательство «Индрик», 1996. С. 240.

времен, утверждал, что анты являются предками украинцев, что древняя Русь являлась украинским государством, в котором исключительную роль играло Галицко-Волынское княжество и что должностная «воссоздаться» в ближайшей исторической перспективе «соборная Украина» – т. е. воображаемая в украинском националистическом дискурсе будущая Украина, вне зависимости от государственных границ, будет являться единственной преемницей «древней Украинской державы». По большей части Грушевский использовал труды классиков русской исторической мысли, меняя в них слово «русский» на слово «украинский» и выдумывая противоречия, конфликты и вражду между украинцами и «москалями» с древнейших времён.

В итоге, в начале XX в. украинский национализм в Галиции при активной поддержке австрийского правительства приобрел радикально русофобский характер, получил сильную экономическую базу, школьное и университетское образование, политические организации. В довершении, к началу Великой войны были созданы десятки организаций так называемых «сичевых стрельцов», которые составили костяк вооруженных сил украинских националистов (около 2,5 тысяч человек).

С началом Великой войны в австрийской Галиции начался геноцид русинов, ориентирующихся на русский язык и культуру, так называемых «русофилов» и «москвофилов». В концлагерях Терезин и Талергоф содержались десятки тысяч заключённых, тысячи из них были физически уничтожены.

Приведём «Січову» песню, или песню «Січевих стрільців»:

Українці п'ють, гуляють,
А кацапи вже конають.
Українці п'ють на гофі,
А кацапи в Талергофі.
Де стоїть стовп з телефона,
Висить кацап замість дзвона.
Уста йому посиніли,
Чорні очі побіліли,
Зуби в крові закипіли,
Шнури шию переїли.

«Подвешивание» в Талергофе

К 1915 г. потенциальный русский актив в Галиции был буквально раздавлен объединенными усилиями украинских националистов и австрийцев. Фактически австрийская Галиция стала центром украинской протогосударственности, где активно шёл процесс украинского нациогенеза, основой которого стала радикальная русофобия.

УКРАИНСКИЕ ПСЕВДОГОСУДАРСТВА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. СОЗДАНИЕ УССР – РЕЗУЛЬТАТ СОЮЗА БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ КОРЕНИЗАЦИЯ

События 1917 г. впервые создали условия для практической реализации идей украинского национализма. Была уничтожена Российская империя, разразилась гражданская война, и на огромной территории стали возникать десятки государственных и псевдогосударственных образований.

Украинские националисты в 1917–1920 гг. сделали несколько попыток создания эфемерной государственности: Украинскую народную республику с Центральной Радой, которую возглавил М.С. Грушевский, Украинскую Державу во главе с гетманом П.П. Скоропадским, Западноукраинскую народную республику

С.В. Петлюра

на территории Галиции во главе с Е.Е. Петрушевичем, Директорию С.В. Петлюры. Были и большевистские Украинская Социалистическая Советская Республика со столицей в Харькове, Донецко-Криворожская республика. Все они существовали в виде вассальных территорий Советской России, Германии и Польши, контролируя лишь незначительную часть территорий, на которые претендовали.

Первым устойчивым государственным образованием, в котором на практике были реализованы идеи украинского национализма стала УССР.

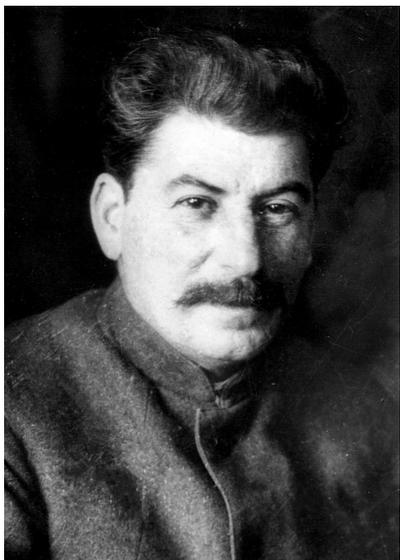
Основная масса малороссийского населения по-прежнему не поддерживала идею создания независимой Украины и ориентировалась на русский язык и культуру: «В той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации. Украинцы слишком много лгали на эту тему»¹.

В.В. Путин лишь констатирует очевидный факт, когда утверждает: «Современная Украина целиком и полностью была создана Россией, точнее большевистской, коммунистической Россией. Этот процесс начался практически сразу после революции 1917 года, причем Ленин и его соратники делали это весьма грубым по отношению к самой России способом – за счет отделения, отторжения от нее части ее собственных исторических территорий. У миллионов людей, которые там проживали, конечно, никто ни о чем не спрашивал... Это целиком и полностью подтверждается архивными документами, включая жесткие ленинские директивы по Донбассу, который буквально втиснули в состав Украины»².

С самого начала большевики делали ставку на «украинизацию» – разделение единого русского народа на украинцев и великороссов (которым оставили название русские). Это было принципиальным положением программы их национальной по-

¹ Могиланский Н.М. Трагедия Украины // Архив русской революции. Т. 11. М., 1991. С. 88.

² Обращение Президента Российской Федерации 21 февраля 2022 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/67828>.

И.В. Сталин (Джугашвили)

литики ещё с дореволюционного времени. В состав УССР в 1922 г. помимо традиционных малороссийский губерний были прирезаны еще новороссийские губернии: Таврическая, Екатеринославская и Херсонская, а также Донбасс, ранее входивший в состав Области войска Донского.

Уже в конце 1920 г. на территории УССР вводились обязательное изучение украинского языка и развитие прессы на украинском языке. Нарком по делам национальностей И.В. Сталин на X съезде РКП(б) в 1921 году заявил:

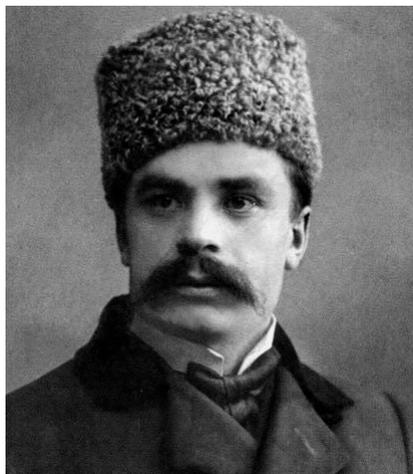
«Недавно ещё говорилось, что украинская республика и украинская национальность – выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие её культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»¹.

Фактически большевики при создании УССР пошли на политический союз с украинскими националистами, выразившими лояльность по отношению к их власти. Они фактически стали своего рода национал-большевиками на украинский лад. Показательно, что в процессах советской украинизации большую роль сыграл М.С.Грушевский, который в 1924 г. после ритуального покаяния в «буржуазном национализме» приехал в СССР, в 1929 – был избран действительным членом АН СССР, в 1931 г. был на короткое время арестован, затем работал в Москве и скончался в 1934 г.

¹ *Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. С. 49* // <https://marxism.online/stalin/ivsvol-5/49/?ysclid=m5nl8t4lxm801409569>.

Вслед за ним в СССР приехало множество украинских националистов из Галиции, это были тысячи активистов, ставшие членами коммунистической партии, работающие, прежде всего, в сфере школьного образования.

Мотивы их деятельности хорошо выразил В.К. Винниченко, один из активных соратников Грушевского и Петлюры: "...Украинская государственность в УССР есть. Она живет, накапливает силы, которые скрыто содержат в себе идею

В.К. Винниченко

самостоятельности и в благоприятное время взорвутся, чтобы осуществить ее"¹. Именно этот сценарий и осуществился в 1991 г.

Главную роль в процессе украинизации территорий бывшей Малороссии и насаждении новой национальной идентичности сыграло внедрение украинского языка во все сферы жизни и деятельности УССР. К середине 1920-х гг. все её жители обязаны были перейти на «мову», которая в эти годы стараниями филологов-националистов оформлялась как литературный язык с едиными нормами. Ликбез, школьное и высшее образование, делопроизводство в государственных учреждениях должны были перейти на украинский. Дети, живущие на территории УССР обязаны были учиться на мове. Это привело к резкому сокращению школ, где преподавание велось на русском языке.

Для интеллигенции и служащих любого уровня выбор стоял следующий: если ты не в состоянии овладеть украинским языком и сдать экзамен, то будешь уволен без выходного пособия. За этим обязаны были следить украинизационные комиссии. Тысячи людей вынуждены были увольняться и уезжать в РСФСР.

¹ Цит. по: *Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М., Время, 2003. С. 137.

В результате на территории бывших Малороссии, Новороссии и Области Войска Донского, в которых до 1917 г. было абсолютное преобладание русского языка и культурного влияние (особенно в городах), к 1930 году выходили три крупные русскоязычные газеты местного уровня (в Одессе, Донецке и Мариуполе). Республиканская русскоязычная газета «Советская Украина» стала вновь выходить лишь в 1938 г. К 1931 в УССР остались десять русских театров, при этом созданы 66 украинских и 12 еврейских театров¹.

Смягчение жесткой политики украинизации произошло лишь в 1930-е гг., когда в условиях угрозы войны с пришедшим к власти в Германии нацизмом была приторможена борьба с «великорусским шовинизмом» и в пропагандистских целях начала внедряться концепция «трёх братских народов», не отменяющая большевистского тезиса, что это три разных народа. В 1938 г. русский язык был введен во всех школах УССР. Но в целом процесс украинизации не прекращался никогда. УССР изначально имел все необходимые для создания полноценной государственности условия: границы, политический класс (партноменклатуру), национальную интеллигенцию, язык, национальную версию истории, государственные органы, систему образования и науки, издательства, театры и пр.

Л. Д. Кучма (второй президент Украины) в своей программной книге «Украина – не Россия» вполне справедливо утверждал: «Украинизация советского типа, о чём часто забывают, имела один общий знаменатель с украинизацией в УНР и Украинской Державе Скоропадского, а именно – дерусификацию... При любом отношении к происходящему в 1920-х годах надо признать, что если бы не проведённая в то время украинизация школы, нашей сегодняшней независимости, возможно, не было бы. Массовая украинская школа, пропустившая через себя десятки миллионов человек, оказалась, как выявило время, самым важным и самым неразрушимым элементом украинского начала в Украине»².

¹ Борисёнок Е. Феномен советской украинизации 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 192.

² Кучма Л.Д. Украина не Россия. С. 284.

Л.Д. Кучма

Однако, огромная часть населения Украины и по сей день считает русский язык своим родным, говорит и думает на нём. В 1920–1930-е гг. только репрессивными методами можно было проводить украинизацию, что вызывало пассивное, но стойкое и непрерывное сопротивление. К примеру, рабочий-партиец в Луганске описывал следующим образом¹: «Убежден, что 50% крестьянства Украины не понимает этого украинского языка, другая половина, если и понимает, то всё же хуже, чем русский язык... Тогда зачем такое угощение для крестьян?»

¹ Борисёнок Е. Указ. соч. С. 140.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОУН: Е.М. КОНОВАЛЕЦ,
А.А. МЕЛЬНИК, С.А. БАНДЕРА.
ОУН И УПА: 1941–1945.
ПОДАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ 1945 Г.**

Условий для возникновения радикального украинского национализма в СССР не могло быть по двум причинам: во-первых, большевики, с точки зрения националистов, по сути дела выполняли принципиальные положения их программы, а во-вторых, мощный репрессивный аппарат исключал до поры до времени появление сколько-нибудь серьёзных организаций, противостоящих коммунистическому режиму.

Радикальный украинский национализм, смыкающийся с фашизмом и нацизмом появился на территории возрождённой в 1918 г. Польши. Именно к ней в 1920 г. отошли земли Западной Украины. При этом авторитарное государство, созданное Пилсудским, проводило жёсткую линию в отношении украинских националистов, политику радикальной полонизации, запрещая не только их деятельность и подвергая их репрессиям, но и преследуя украинский язык.

В свою очередь, украинские националисты развернули кампанию террора против руководящих деятелей польского государства: в 1921 г. произошло покушение на Ю. Пилсудского, в 1924 г. покушение на президента Польши С. Войцеховского.

В дальнейшем террор стал фирменным знаком украинского национализма.

Главным идеологом радикальных украинских националистов стал Д.И. Донцов, который еще в 1913 г. призывал начать вооруженную борьбу с Россией. Он был одним из инициаторов создания в начале Великой войны «Союза освобождения Украины», главной целью которого было создание независимой Украины в качестве санитарного кордона, защищающего Европу от «панмосковизма».

В 1926 г. он выпустил брошюру «Национализм», оказавшую огромное влияние на радикальных националистов. Основные положения этой книжки, ставшей культовой в националистической среде, были следующими. К настоящему моменту никакой украинской нации не существует, её только предстоит создать. Это задача носителей духа истинного украинства. Необходимо изжить из той «биологической массы», которую представляет собой современный украинский народ, всё, что связано с русской культурой и русской цивилизацией. Русская культура, русская государственность объявлялись Донцовым враждебными самой природе украинства.

Д.И. Донцов

Носители истинного духа украинства – особая каста, причем не в переносном смысле этого слова. Это некий внутренний орден, в который должны войти носители украинской идеи. Это люди, которые находятся вне представлений о добре и зле, традиционной морали, потому что новой моралью украинского национализма является польза и интерес украинской нации, которую ещё предстоит создать.

Задача украинских интегральных националистов – захватить власть в стране, создать некий внутренний орден. Этот новый орден должен обладать всей полнотой власти на своей территории, он должен сам отбирать в свой состав лучших. А все остальное население для украинских националистов – это биомасса, расходный материал. Разумеется, русские – не люди.

Ёще в 1923 г. Донцов в статье «Фашисты ли мы?» однозначно утвердительно ответил на этот вопрос: «Политический и морально-

Е.М. Коновалец

психологический дух, которым дышат украинские националисты, бесспорно является фашизмом».

Взгляды Донцова легли в основу идеологии Организации украинских националистов (ОУН).

В 1920 г. в Праге была создана Украинская войсковая организация в состав которой вошло около 2 тыс. человек. Костяк её составили бывшие «сичевые стрельцы», офицеры армии ЗУНР и УНР, лидером стал полковник Е.М. Коновалец.

На основе этой организации в 1929 г. была создана Организация украинских националистов (ОУН). С момента её возникновения она имела тесные связи с немецкой военной разведкой и финансировалась веймарской Германией. При этом уже с конца 1920–1930-х годов – ОУН получала помощь от украинской диаспоры США и Канады.

Еще до 1933 г. ОУН установила тесные связи с НСДАП. Украинский актив проходил обучение в партийных школах нацистов, а спецслужбы нацистов Германии взяли шефство над различными фракциями в ОУН. К примеру, Р.И. Шухевич, будущий командующий ОУН – Украинской повстанческой армии (УПА), военного крыла бандеровцев, был гауптманом абвера и являлся заместителем командира, созданного нацистами карательного диверсионного подразделения «Нахтигаль».

С самого начала ОУН являлась тоталитарной праворадикальной партией, централизованной и законспирированной. Националисты выдвинули программу «национальной революции»: «Украина для украинцев». Для организации характерен был вождизм – абсолютная дисциплина и покорность актива приказам лидера. Будущая украинская держава должна была быть дик-

татурой, корпоративистским государством, претендующим на земли до Волги и Северного Кавказа. Членов этой организации отличала патологическая ненависть к полякам, евреям и русским, причем на начальном этапе антипольская составляющая была приоритетной. Даже к большевистской России украинские националисты поначалу относились сравнительно «мягко». Так, в 1928 году Коновалец заявил, в духе Винниченко, что в случае советско-польской войны следует выступить на стороне Москвы, которая может объединить все украинские земли. Из УССР вырастет самостоятельная Украина. Впрочем, в 1933 г. в знак протеста против «голодомора» был убит сотрудник советского консульства Алексей Майлов. Но до определенного периода это был единственный случай.

В 1934 г. начинается «восхождение» С.А. Бандеры. Это был организовавший убийство министра внутренних дел Польши Б. Перацкого националист, приговорённый к смертной казни, заменённой на пожизненную каторгу.

В 1938 г. агентом НКВД П.А. Судоплатовым в Роттердаме была осуществлена ликвидация лидера ОУН Коновальца. Главой ОУН был назначен полковник А.А. Мельник. Бандера в это время был в заключении, однако с началом Второй Мировой войны был выпущен гитлеровцами на свободу.

Между сторонниками Мельника и Бандеры с 1940 г. началась междоусобная борьба за власть в ОУН, ведущаяся с крайней жестокостью обеими сторонами, в ходе которой до июня 1941 г. погибло не менее 600 человек, едва ли не каждый десятый член ОУН. Мельник и его сторонники делали однозначную ставку на политические и военные планы германских нацистов, следование в фарватере Гитлера. Бандера и часть ОУН, признавшая его своим вождем, заявляли, что необходимо создавать вооружённое подполье для партизанской войны со всеми врагами украинских националистов, в числе которых могут оказаться и нацисты.

После 1 сентября 1939 г. оуновцы сосредоточились на территории польского генерал-губернаторства, созданного Гитлером в октябре 1939 года, рассчитывая оттуда вместе с немцами

повторить попытку создания «украинского» государства. Ещё до 22 июня 1941 г. они приняли решение «в случае войны воспользоваться ситуацией, взять власть в свои руки и на освобожденных от московско-большевистской оккупации частях украинской земли построить свободное Украинское государство». Сторонники Бандеры составили основу двух украинских батальонов СС «Нахтигаль» и «Роланд», созданных ещё весной 1941 г.

С началом Великой Отечественной украинские националисты становятся достаточно надёжными союзниками нацистов, помогая оккупации и удержанию ими Западной Украины. Через неделю после начала войны батальон «Нахтигаль» вошёл во Львов. 30 июня 1941 г ОУН (б) провозгласила «Акт о независимости Украины»:

«Восстановленное Украинское государство будет тесно взаимодействовать с Национал-социалистической великой Германией, которая под руководством вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская национальная революционная армия, которая создается на украинской земле, будет бороться в дальнейшем с союзной немецкой армией против московской оккупации за суверенное объединенное украинское государство и новый порядок во всем мире».

Бандеровский «Акт» был транслирован по радио, после чего началась карательная акция против польского и еврейского населения Львова, в ходе которого погибло до 5 тысяч человек.

Однако бандеровская инициатива с провозглашением «украинского государства» по образцу нацистских Словакии или Хорватии вызвала негативную реакцию политического руководства Германии, в планы которого не входило создание украинского марионеточного образования.

Бандера был арестован, немцы потребовали от него публичной отмены «Акта возрождения». Он отказался и был помещен в концлагерь Заксенхаузен, где в двухкомнатной камере пробыл до осени 1944 г. Он мог свободно передвигаться по лагерю, не был обязан носить лагерную одежду, был избавлен от принудительных работ и т. д.

Арестом и заключением Бандеры дело не обошлось, было арестовано около полутора тысяч его сторонников, несколько десятков из них расстреляли. Однако при этом бандеровцы из «Нахтигалья» и «Роланда» использовались для борьбы с партизанами, около 4 тысяч членов бандеровской «украинской народной милиции» – полицаев осуществляли массовые карательные акции на оккупированной территории.

Р.И. Шухевич

В 1942 г. на территории Волыни возникла польская националистическая «Армия крайова», считавшая Западную Украину «исконно польской землёй». В ответ бандеровцы создали Украинскую повстанческую армию (УПА) – боевое крыло ОУН (б)¹. УПА первоначально насчитывала около 10 тыс. человек. Полицейские-коллаборационисты, отличавшиеся особой жестокостью по отношению к мирному населению и военнопленным, к концу 1943 г. составляли примерно половину членов УПА.

В 1943–1944 гг. под руководством Р.И. Шухевича (объявлен «героем» на современной Украине) УПА уничтожила до 200 тысяч поляков на Волыни и в Галиции (ещё около 800 тыс. бежало на польские территории), используя, как правило, патологические и садистские методы расправы с беззащитным мирным населением.

Геноцид был поддержан частью крестьянского населения Западной Украины. Вооруженные топорами, вилами, косами западноукраинские крестьяне – «сокирники» (укр. сокира – топор) часто добивали уцелевших соседей-поляков и грабили их имущество. Бандеровцам удалось на определенное время создать достаточно обширную социальную базу: в 1943 г. они ликви-

¹ Украинская повстанческая армия (УПА) – организация признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

дировали на Западной Украине колхозную систему и польские усадьбы. Земля и орудия, дома и имущества переходили при этом в руки западноукраинских крестьян. Именно поэтому бандеровцы в течение длительного времени могли рассчитывать на получение от населения укрытий, продовольствия, одежды, медикаментов и т. д.

Ответный террор «Армии краёвой» имел гораздо меньшие масштабы. Фактически бандеровцам удалось методами геноцида «очистить» территории Западной Украины от поляков.

Современные необандеровцы часто отрицают свой нацистский коллаборационизм, утверждая, что в одинаковой мере рассматривали в качестве врагов не только поляков, русских,

Жертвы бандеровской резни в с.Катариновка (Волынская обл.) ночью 7-8 мая 1943 г.

Слева:

Януш Мекаль
3 года.
Поляк.
Переломаны руки и ноги.

В центре:

Стася Стефаняк.
5 лет.
Дочь поляка и украинки.
Вспорот живот мотыгой.

Справа:

Марек Мекаль.
2 года.
Поляк.
Заколот штыками.

Жертвы волынской резни

евреев, но и немцев. Однако это утверждение не соответствует действительности. УПА практически не сражалась против немцев. Отдельные стычки между украинцами и немцами (налёты на отделы полиции в сельской местности, нападения на дорогах) происходили, как правило, из-за продовольствия – «кормовой базы», причём ближе к концу войны. В целом же их отношения можно определить как «взаимовыгодную коллаборацию». До 1944 г. немцы передали около 22 тыс. пистолетов, 72 тыс. винтовок, 26 тыс. автоматов, 77 огнеметов, около 700 минометов. Отряды бандеровцев воевали не с немцами, а с поляками, советскими войсками и сочувствующими им.

В 1944 г. Бандера был освобожден немцами, а в конце войны он и другие лидеры украинских националистов оказались в западной зоне оккупации и начали сотрудничество с западными, прежде всего, американскими спецслужбами.

Начиная с 1944 г., советские власти начали планомерную борьбу против бандеровцев. Это была серьезная операция, продлившаяся до середины 1950-х гг. Через УПА прошло около 100 тыс. человек. Максимум был в 1944 – около 25 тыс. Однако уже в 1946 г. количество боевиков составляло около 4 тыс., в 1952 г. – около 1 тыс., в 1955 – около 40 человек.

Проведение коллективизации на Западной Украине лишило крестьян, поддерживавших бандеровцев, необходимой для этого экономической базы, они переселялись в опустевшие после истребления и изгнания поляков города, где был введен институт прописки. Практиковались ночевки военных отрядов в деревнях, что отрезало бандеровцам доступ к продовольствию, местам ночлега и лечения. Леса и горы непрерывно прочесывались совместно с истребительными отрядами из местного населения, пострадавшего от УПА. Бункеры, кривки и схроны целенаправленно уничтожались во время спецопераций.

Одновременно прошло не менее шести амнистий в 1944–1949 гг. С повинной вышли из лесов в 1944–1945 гг. около 40 тыс. человек. Тех, кто продолжал сопротивление прилюдно вешали, расстреливали, депортировали членов их семей и т.д.

Только в 1944 г. бандеровцы потеряли убитыми около 60 тыс. человек и 50 тыс. были взяты в плен. Обычно виновные получали 25 лет.

Из стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС 26 мая 1953 г.:

«С 1944 по 1952 гг. в западных областях Украины подверглось разным видам репрессий до 500 тыс. человек, арестовано более 134 тыс., убито более 153 тыс., выслано навечно из пределов УССР более 203 тыс. человек»¹.

¹ *Лаврентий Берия*. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. С. 46–49.

ПОЛИТИКА ПОСЛЕСТАЛИНСКОГО РУКОВОДСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К УКРАИНСКОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ. АНТИРОССИЙСКАЯ И РУСОФОБСКАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ В 1991–2024 ГГ.

После смерти Сталина позиция советского руководства в отношении украинского национализма претерпела определенную трансформацию. После 1955 г. были амнистированы десятки тысяч участников боевых антисоветских формирований (полицаев, боевиков УПА, коллаборационистов и т.п.), десятки тысяч вернулись из эмиграции. Они были расселены по всей УССР, а не только по Западной Украине.

В «открытом письме», адресованном эмигрантам, последний руководитель УПА, сменивший ликвидированного Шухевича, В.С. Кук формально признал советскую власть, отрекся от ОУН-УПА, а главное – призвал украинских националистов вернуться в УССР. Разумеется, текст письма был согласован с политическим руководством и спецслужбами СССР.

Уже в 1960-е гг. начался процесс инфильтрации в элиту, прежде всего, образовательную, научную и культурную, партийные и советские органы людей, которые либо напрямую являлись бывшими бандеровцами или мельниковцами, либо были с ними идейно и родственно связанными (характерны в этом смысле биографии Л.М. Кравчука и В.В. Медведчука). В итоге, в течение 1960-х-начале 1980 гг. им удалось легальными методами взять под политический, идейный и культурный контроль значительную часть государственных и общественных институтов УССР.

Коммунистическая номенклатура, а не националисты и не диаспора, первоначально стала главным строителем «незалежной» Украины в 1991 г.

“Все [украинские] коммунисты превратились в самых последовательных украинских националистов” – свидетельствует советник М.С. Горбачева А.С. Ципко.

В.С. Кук

Разумеется, во всех процессах, которые развернулись после 1985 г. активно участвовали и украинские эмигранты, которые в основном сосредоточились на работе в общественных и государственных институтах, связанных с идеологией и образованием. Одновременно воссоздавались политические структуры бандеровцев и мельниковцев. Преемниками коллаборационистов первоначально стали такие организации как ОУН и УНА-УНСО (Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона), “Тризуб имени Степана Бандеры”, “Свобода”¹, лидерами которых являлись такие личности как Д. Корчинский, Д. Ярош, О. Тягнибок. Члены этих организаций участвовали в боевых действиях против русских во время конфликта в Приднестровье, в боевых действиях Грузии против Абхазии, двух чеченских войнах, в конфликте в Южной Осетии, когда Грузия напала на российских миротворцев в августе 2008 г. При этом они были тесно связаны с военной разведкой Украины (ГУР МО). Украинские националисты выдвигали территориальные претензии ко всем соседям Украины, включая Польшу. Наибольшие претензии, разумеется, предъявлялись к России.

В XXI в. произошла радикальная мутация украинского национализма². Его социальная основа стала теперь не деревенская

¹ Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона (УНА-УНСО), “Тризуб имени Степана Бандеры”, “Свобода” – организации признаны экстремистскими и запрещены на территории Российской Федерации.

² Подробно см.: *Кочетков А.В.* «Азов». Чёрное солнце Украины. История неонацистского формирования. М., «Книжный мир». 729 с.

Галиция, а русские города Слобожанщины и Новороссии – Харьков, Донецк, Одесса. Носителем этого нового течения являлась русскоязычная организация “Патриот Украины”, созданная в Харькове в 2005 г. на основе Социал-националистической партии Украины. Лидером её является историк А.Е. Билецкий, создатель и первый командир полка «Азов», он же создатель партии «Национальный корпус»¹.

Основные направления этих организаций: работа с детьми, молодежью (в военно-спортивных лагерях), с украинскими военными и представителями спецслужб, контакты с военными, представителями спецслужб и наемниками стран НАТО. Социал-националисты видят в германском нацизме идеал для подражания. Их цель – создание Центральноевропейской конфедерации из «расово чистых» государств, осуществляющих контроль над всей Евразией.

За короткое время радикальные украинские националисты оказали огромное влияние на государственную власть и силовые структуры Украины. Именно они внедрили приветствие «Слава Украине», пантеон «героев» вроде Коновальца, Бандеры, Шухевича, поставили в качестве основных государственных задач борьбу с русским языком и культурой, ликвидацию УПЦ МП и создание ПЦУ.

После 2014 года радикальный украинский национализм претендует на роль главенствующей идеологии, которая внедряется через систему образования, пропаганды и культуры на современной Украине.

¹ “Патриот Украины”, Социал-националистическая партия Украины, полк «Азов», партия “Национальный корпус” – организации признаны экстремистскими и запрещены на территории Российской Федерации.

Приложение

Тарас Шевченко

РОЗРИТА МОГИЛА

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно,
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?
Чи ти рано до схід сонця
Богу не молилась,
Чи ти діточок непевних
Звичаю не вчила?
«Молилася, турбувалась,
День і ніч не спала,
Малих діток доглядала,
Звичаю навчала.
Виростали мої квіти,
Мої добрі діти,
Панувала і я колись
На широком світі,
Панувала... Ой Богдане!
Нерозумний сину!
Подивись тепер на матір,
На свою Україну,
Що, колишучи, співала
Про свою недолю,
Що, співаючи, ридала,
Виглядала волю.
Ой Богдане, Богданочку,
Якби була знала,
У колиці б задушила,
Під серцем приспала.
Степи мої запродані
Жидові, німоті,

Сини мої на чужині,
На чужій роботі.
Дніпро, брат мій, висихає,
Мене покидає,
І могили мої милі
Москаль розриває...
Нехай риє, розкопує,
Не своє шукає,
А тим часом перевертні
Нехай підростають
Та допоможуть москалеві
Господарювати,
Та з матері полатану
Сорочку знімати.
Помагайте, недолюдки,
Матір катувати».

Начетверо розкопана,
Розрита могила.
Чого вони там шукали?
Що там схоронили
Старі батьки? Ех, якби-то,

Якби-то найшли те, що там схоронили,
Не плакали б діти, мати не журилась.

*9 октября 1843,
Березань*

Источник:

Шевченко Т. Кобзар. – «United Service» LTD, 1992. С. 174–175.

СПИСОК «КНИГИ БЫТИЯ УКРАИНСКОГО НАРОДА»

ЗАКОН БОЖИЙ

1. Бог, создав мир: небо и землю и населил всякими тварями и поставил над усею тварью мужчины и говорил ему плодиться и множиться и постановил, чтобы род человеческий поделился на колени и племена, и каждому колинови и племени даровав край жить, чтобы каждое колено и каждое племя искало бога, который от мужчины недалеко, и поклонялись бы ему все люди и вировали в его, и любили его, и были бы все счастливи.

2. Но род мужской забыл бога и отдався диаволу, и каждое племя измыслило себе богов, и в каждом племени народы повидумували себе богов и стали за тех богов биться, и начала земля поливаться кровью и усиватися пеплом и костищами, и на всем мире произошло горе, и беднота, и болезнь, и несчастья, и несогласие.

3. И так наказал людей справедливый господь потопом, войнами, а хуже всего – неволей.

4. Потому что един есть бог истинен, и един он царь над родом мужским, а люде как поделали себе много богов, то с тем вместе поделали много царей, потому что как в каждом углу был свой бог, так в каждом углу стал свой царь, и стали люде биться за своих царей, и пуще стала земля поливаться кровию и усиватися пеплом и костищами, и умножилось на всем мире горе, беднота и х[в]орооба, и несчастья, и несогласие.

5. Нет второго бога, только один бог, который живет высоко на небе иже вездес[ущий] духом святым своим, и хоть люде поделали богов в фигуре звериной и мужской со страстями и похотями, а то не боги, а то страсти и похоти, а правил над людьми отец страстей и похотей челоовикоубийця диавол.

6. Нет второго царя, только один царь небесный утешитель, хочь люде и поделали себе царей в фигуре своих братьев-людей со страстями и похотями, а то не были цари правдивые, потому что

царь есть то такой, который правит над всеми, должен быть более умный и самый справедливый сверх всех, а более умный и самый справедливый есть бог, а те цари со страстями и похотями и правил над людьми отец страстей и похотей человекоубийца диавол.

7. И те цари лукавые побрали из людей таких, которые были сильнее или им нужниши, и назвали их панамы, а вторых людей поделали их невольниками, и умножились на земле горе, беднота и болезнь, и несчастье, и несогласие.

8. Два народы в мире были более остроумны: евреи и греки.

9. Евреев сам господь выбрал и послал к их Моисея и поставил им Моисей закон, который принял от бога на горе Синайский, и постановил, чтобы все были уровни, чтобы не было царя между ними, а знали бы одного царя – бога небесного, а порядок давали бы судьи, которых народ выбирал голосами.

10. Но евреи выбрали себе царя, не слушая старца святого Самуила, и бог тогда же показал им, что они неладно сделали, потому что хоть Давид был лучший из всех царей в мире, однако его бог ослабил в грех: он отнял в сосида женщину; сие же так было, чтобы люди поняли, что хоч-який хороший мужчина будет, а как станет самодержавно господствовать, то зледащие.

И Соломона, более мудрого из всех людей, бог ослабил в именно большое кепсство – идолопоклонсство, чтобы люди поняли, что хоть который будет умен, а как станет самодержавно господствовать, то одуреет.

11. Потому что кто говорит сам на себя: «Я лучший оду всех и более умный сверх всех, все должны мне повиноваться и за господина меня уважать и делает то, что я здумаю», тот зогришае первородным грехом, который погубил Адама, когда он, слушая диавола, захотел сравниться с богом, ополоумел, тот, даже, подобиться самому диаволу, который хотел пол вровню с богом и упал в ад.

12. Един потому что есть бог и един он царь – господь неба и земли.

13. Тем и евреи, как поделали себе царей и забыли единственного царя небесного, в настоящий момент отпали и вот истинного бога и начали кланяться Ваалу и Дагону.

14. И наказал их господь: пропало и царство их и всех забрали в плен халдеи.

15. А греки сказали: не хотим царя, хотим быть свободные и равные.

16. И стали греки просвищенни над все народы, и пошли одних науки, и скуства, и умыслы, которые теперь имеют. А сие произошло за тем, которое не было у них царей.

17. Но греки не узнали правдивую свободу, потому что хоть одриклись царей земных, и не знали царя небесного и вымышляли себе богов; и так царей в их не было, а боги были, тем они вполовину стали такими, которыми были бы, когда бы у них не было богов и знали бы небесного бога. Потому что хоть они много говорили о свободе, а свободни были не все, а только одна частица народа, прочи же были невольниками; и так, царей не было, а барство было: а то все равно, если бы у их было много царкив.

18. И наказал их господь: дрались они между собой и угодили в неволю и сначала под македонян, а во второй раз к римлянам.

[19] И так наказал господь род человеческий, что наибольшая часть его, сама просвищенна, попалась в неволю к римским господам, а затем к римскому императору.

[20] 19. И стал римский император царем над народами и сам себя назвал богом.

[21] Тогда возрадувався диавол и весь ад с ним. И сказали в аде: оттепер уже наше царство; мужчина далеко отступив от бога, когда один назвал себя и царем и богом вместе.

[22] Но в то время смиловался господь – отец небесен – над родом мужским и послал на землю сына своего, чтобы показать людям бога, царя и господина.

[23] И пришел сын божий на землю, чтобы открыть людям истину, чтобы тая истина свободила род мужской.

[24] И учил Христос, что все люде – братья и ближние, все должны любит впереди бога, а затем один второго, и потому будет наибольшая почет от бога, кто душу свою положить за други своя. А кто первый между людьм[и] хочет быть, должен быть всем слугой.

[25] И сам на себе пример показал: был более умен и более справедлив из людей, стало быть царь и господин, а явился не в фигуре земного царя и господина, а родился в яслях, жил в бедности, набрал учеников не из барского рода, не из ученых философов, а из простых рыбалок.

[26] И стал народ прозривать истину, и испугались философы и люде императора римского, что истина берет верх, а за истинной будет свобода, и тогда уже не так легко будет дурут и мучает людей.

[27] И осудили на смерть Иисуса Христа – бога, царя и господина – и претерпив Иисус Христос оплевания, заушения, биения, крест и погребение за свободу рода мужского тем, которые не хотели принятия его за царя и господина, потому что имели второго царя-кесаря, что сам себя назвал богом и пил кровь людскую.

[28] А Христос-царь свою кровь пролил из[а] свободу рода мужского и оставил на возрасты кровь свою для питания верным.

[29] И воскрес Христос в третий день и стал царем неба и земли.

[30] Ученики его, бедные рыбалки, разошлись по миру и проповедовали истину и свободу.

[31] И те, которые принимали слово их, стали братьями между собой – или были преж того панамы или невольниками, филозофами или не ученым[и]. Все стали свободными кровию Христова, котору заривно принимали, и просвищенными миром правды.

[32] И жили христиане братством, все у них было общественне и были у них выбранные старшины и те старшины были всем слугами, потому что господь так сказал: «Кто хочет первым быть, должен быть всем слугой».

[33] Тогда императоры римские и господа, и чиновные люде, и вся дворня их, и филозофы поднялись на христианство и хотели искоренить христову веру и гибли христиане; их и топили, и вешали, и в четверти рубили, и пекли, и железными гребенками скоблили, и ини тьмочисленни муки им делали.

[34] А вера христова не уменьшалась, а чем хуже кесари и господа лютовали, тем более было вирующих.

[35] Тогда императоры с панамы сговорились и говорили между собой: уже нам не искоренить христианства, поднимемся на хитрости, примем ее сами, перевернем учение христово так, чтобы нам хорошо было, да и обманем народ.

[36] И начали цари принимать христианство и говорят: «Вот видите: можно быть и христианином и царем вместе»

[37] И господа принимали христианство и говорили: «Вот видите: можно быть и христианином и господином вместе».

[38] А того не уважали, что мало сего, что только назваться. Потому что сказано: «Не всяк глаголяй мы: господи, господи! внидеть в царство небесное, но творяй волю отца моего, иже есть на небесах».

[39] И обманули архиереев и попов, и филозофив, а те и говорят: «Истино так оно есть, ажеж и Христос сказал: «Воздадите кесаревый кесарю, а боже богу»; и апостол говорит: «Всякая власть от бога». Так уже господь установил, чтобы одни были господами и богатыми, а вторые нищими и невольниками.

[40] А говорили они неправду. Хоть Христос сказал: «воздадите кесаревый кесарю», а сие тем, что Христос не хотел, чтобы были бунты и несогласие, а хотел, чтобы мирно и любезно розийшлась вера и свобода, потому что когда христианин будет воздавать не христианскому кесарю кесаревый – платит налог, наполнят закон, – то кесарь, принявши веру, должен одриктись своего кесарства, потому что он тогда, будучи первым, должен быть всем слугой; и тогда бы не было кесаря, а был бы единственный царь – господь Иисус Христос.

[41] И хотя апостол сказал: «Всякая власть от бога», а не есть оно то, чтобы кожни[й], что зах[в]ати[ть] власть, был сам от бога. Правительство и порядок и правление должны быть на земле: так бог постановил, и есть то власть, и власть и от бога, но урядник и правитель должны подлегать закону и сонмищу, потому что и Христос повелевает судится перед сонмищем, и так как урядник и правитель первые, то они должны быть слугами, и недостоить им делает то, которое здумается, а то, которое постановлено, и недостоить им величаться и помпой глаза отводить, а достоить им жить просто и работать для общества пристально, потому что

власть их от бога, а сами они грешные люди и сами послидниши, потому что всем слуги.

[42] А седьмую еще худшая неправда, бутсим установлено от бога, чтобы одни пановали и багатились, а вторые были у неволи и нищи, потому что не было бы сего, скоро бы поприимали искреннее евангелие; господа должны свободити своих невольников и сделаться им братьями, а богатые должны наделять нищих, и нищи стали бы также богатые; если бы была в мире любовь христианская в сердцах, то так было бы, потому что кто любит к[о]го, тот хочет, чтобы потому было также хорошо, как и ему.

[43]. И те, что так говорили и теперь говорят и переверчуют христово слово, те отдадут одвит в день судный. Они скажут судье: Господи, не в твое ли имя пророчествовах? А судия скажет им: Не вем вас.

[44] Таким изложением испортили цари, господа и ученые, свободу христианскую.

Такими объяснениями цари, господа и ученые осквернили свободу христианску[ю].

[45] Благодать дана всем языкам, а сначала колону Яфетову, потому что Симово через жидов отвернуло Христа.

[46] И перешла благодать к племенам греческого, романского, немецкого, славянского.

[47] И греки, приняв благодать, покаляли ее, потому что они приняли новую веру и не зовлеклись ветхого мужчины со страстями и похотями, оставили при соб[и] и императорство, и барство, и спесь царскую, и неволю, и наказал их господь: чахло, чахло греческое царство тысячу лет, зчахло совсем и попасло к туркам.

[48] Романское племя – влохи, французы, гишпани – приняло благодать, и стали народы входит в силу и в новую жизнь и просвищенность, и благословил их господь, потому что лучше они приняли св[яту] веру, чем греки, однако не совсем зовлеклись ветхого мужчины со страстями и похотями, оставили и королей, и барство, и измыслили председателя христианства – папы, и тот папа выдумал, что он имеет власть над всем миром христианским, никто не должен судить его, а что он здумает, то будет красиво.

[49] И племена немецкое – народы немецкие – приняли благодать и стали входят в пушу силу и жизнь новую, и просвищенность, и благословил его господь, потому что они еще лучше приняли веру, чем греки и романци, и з'явивсь у них Лютер, который начал учить, что должно христианам жить так, как жили до той поры, когда поприймали и попереверчували учение христово цари и господа, и, чтобы не было неподсудимого председателя над церковью христианской – папы, есть потому что един глава всем – Христос.

Но и немцы не зовлеклися ветхого мужчины, бо zostавили у себя и королей и панив, и еще хуже позволили вместо папы и епископов орудовать церковью христовой королям и господам.

[50] I произошла послидняя льсти худшая первой, потому что не только у немцев короли, но и во вторых землях взяли верх над всем, и, чтобы удержатъ народ в иге, поделали идолов, отвертали людей от Христа, и говорили кланяться идолам и биться за них.

[51] Потому что то все ровно что идолы: хотя французы были крещены, однако меньше шановали Христа, чем честь национальную, и такого идола им сделано, а англичане кланялись золоту и мамоне, а вторые народы так же своим идолам, и посылали их короли и господа на зарезание за кусок земли, за табак, за чай, за вино; и табак, и чай, и вино, стали у них богами, потому что речено: идет же сокровище ваше, там сердце ваше. Сердце христианина с Иисусом Христом, а сердце идолопоклонникове – со своим идолом. И стало, как говорит апостол, их богом чрево.

[52] И измыслили отщепенцы нового бога, более сильного сверх всех мелких боженят, а тот бог назывался по-французски эгоизм или интерес.

[53] И философы начали кричать, что то кепство вировати у сына божьего, который нет ни пекла, ни раю и, чтобы все поклонялись эгоизму или интересу.

[54] А ко всему до того довели короли и господа; и завершилась мера их плюгавства, праведный господь послал свой меч обоюдоострый на род прелюбодийний; збунтовались французы и сказали: не хотим, чтобы были у нас короли и господа, а хотим быть равные и свободные.

[55] Но потому нельзя было произойти, потому что только свобода, где дух Христов, а дух божий уже перед тем выгнали из Францевщины короли и маркизы, и философы.

[56] И французы короля своего забили, господ прогнали, а сами начали порезаться и прирезались до того, что пошли в гиршу неволю.

[57] Потому что на их господь хотел показать всем языкам, что нет свободы без христовой веры.

[58] И с той поры племена романское и немецкое беспокоятся, и королей и барство вернули, и о свободе кричат, и нет в их свободы, потому что нет свободы без веры.

[59] А племя славянское то наименьший брат в семье Яфетовий.

[60] Случается, что меньший брат любит очень отца, однако получает судьбу более малую против старших братьев, а затем, как братья старшие свое потратят, а более малый сохранит свое, то и старших выручает.

[61] Племя славянское еще к принятия вере не ймил а ни царей, а ни панив, и все были уровни, и не было у них идолов, и кланялись слов'яне одному богу – вседержителю, еще его и не зная.

[62] Как уже просветились старшие братья греки, романци, немцы, тогда господь и к меньшим братьям славян послал двух братьев: Константина и Мефодия и духом святым покрыл их господь, и переложили они на славянский язык святее письмо, и отправовать службу божую постановили на том языке, которым все говорили посполу, а сего не было ни у романцив, ни у немцев, потому что там по-латински службу одправовали, так что романци мало, а немцы овсе не раскумекали, что им читано было.

[63] И скоро слов'яне преймавали веру христову так, как ни один народ не преймавав.

[64] Но были два беды у славян: один – несогласие между собой, а второе то, что они, как меньшие братья, все перенимали от более старых; к делу ли, не к делу ли, не бачучи того, что в их свое было лучше, чем бративске.

[65] И поприимали слов'яне от немцев королей и князей, и бояр, и панив, а преж того короли были в их выбранные уряд-

ники и не кичились перед народом, а обедали с самим простым мужчиной за урвню, и сами землю пахали, а то уже в их стала и спесь, и помпа, и гвардия, и двор.

[66] И панив у славян не было, а были старшины; кто старший летами и до того более умный, того на совете слушают, а то уже стали господа, а в их неволники.

[67] И наказал господь славянское племено хуже, чем вторые племена, потому что сам господь сказал: кому дано больше, с того больше и зищеться. И попадали слов'яне в неволю к чужим; чехи и полабци – к немцам, сербы и болгары – к греков и к турок, москали, – к татарам.

[68] И казалось вот погибнет племено славянское, потому что те слов'яне, что жили около Лаби и Поморье Балтицкого, те пропали, так что и следу их не осталось.

[69] Но не до конца прогневился господь на племено славянское, потому что господь постановил так, чтобы над сим племеном сбылось писание: Камень его же не брегоша зиждущий, тот бисть во главу угла.

[70] По многих летам стало в Слав'янщини три неподлеглих царства: Польша, Литва и Московщина.

[71] Польша была из поляков и кричали поляки: у нас свобода и равенство, но поделали барство и одурел народ польский, потому что простой люд попас в неволю самую худшую, которая где-нибудь была в мире, и господа без всякого закона вешали и убивали своих невольников.

[72] Московщина была из москалей и была у их большая Вещь Посполитая Новгородская, свободная и ровная, хочь не без барства: и пропал Новгород за то, что и там завелось барство, и царь московский взял верх над всеми москалями, а тот царь взял верх, кланяясь татарам, и ноги циловав хану татарскому, бусурману, чтобы помог ему держать в неволе неключимий народ московский, христианский.

[73] И одурел народ московский и попас в идолопоклонничество, потому что царя своего назвал богом, и все, что царь скажет, то уважал за хорошо, так что царь Иван в Новгороде душил

и топил по десятку тысяч народа, а летописцы, рассказывая то, звали его христоролюбивым.

[74] А в Литве были литвяки, да еще в Литву принадлежала Украина.

[75] И объединилась Украина с Польшей как сестра с сестрой, как единственный люд славянский ко второму люду славянского нерозделимо и незмисимо, на образ ипостаси божьей нераздельной и незмисимой, как когда-то объединятся все народы славянские между собой.

[76] И не любила Украина ни царя, ни господина, а зкомпоновала себе казачество, есть то истее братство, куда каждый, пристаючи, был братом вторых – или был он преж того господином или невольником, чтобы христианин, и были казаки между собой все уровни, и старшины выбирались на совете и должны были слуговати всем по слову христовому, и ни одной помпы барской и титула не было между казаками.

[77] И постановили они чистоту христианскую держать, тем старый летописец говорит о казаках: «татьби же и блуд ниже именується у них».

[78] И постановило казачество: веру святую оборонять и освободать ближних своих из неволи. Тем-то гетман Свирговский ходил оборонять Волощину и не взяли казаки мысы с червонцами, как им давали за услуги, не взяли тем, что кровь проливали за веру, и за ближних и служили богу, а не идолу золотому. А Сагайдашний ходил Кафу разрушать и освободил несколько тысяч невольников из вечной подземной темницы.

[79] И многие рыцари такое делали, что не записано и в книгах мера сего, а записано на небе, потому что за их были перед богом молитвы тех, которых они освободили из неволи.

[80] И день вот дня росло, умножалось казачество и вскоре были бы на Украини все казаки, все свободные и ровные, и не имела бы Украина над [со]бою ни царя, ни господина, кроме бога единственного, и, глядя на Украину, так бы сделалось и в Польше, а там и во вторых славянских краях.

[81] Потому что не хотела Украина итти вслед языков, а держалась закона божьего, и всякий чужестранец, заехав в Укра-

ину, удивлялся, что ни в одной стороне в мире так искренне не молотья боту, нигде муж не любил так своей жони, а деть своих родителей.

[82] А когда папы и иезуиты хотели насильственно повернут Украину под свою власть, чтобы украинцы-христиане поверили, бутсим действительно все так и есть, что папа говорит, тогда на Украине появились братства, такие, как были у первых христиан, и все, записываясь в братство, был бы он господин или мужик, назывались братьями. А сие для того, чтобы видели люде, что в Украине осталась истинная вера и что там не было идолов, тем там и ереси ни одной не появилось.

[83] Но барство увидело, что казачество растет и все люде скоро станут казаками, есть-то свободными приказали в настоящий момент своим крепакам, чтобы не ходили в казаки хотели забить народ простой как худобину, так, чтобы ему не было ни чувства, ни уму, и начали господа обдирать своих крепаков, отдали их жидам на такую муку, что подобную творили только над первими христианами, драли из их, из живых, шкуры, варили в котлах детей, давали матерям собак грудями годовати.

[84] И хотели господа сделает из народа дерево или камень, и стали их не пускать даже у церквей, крестит детей и венчаться, и причащаться, и мертвых прятать, а сие для того, чтобы народ простой утерав даже фигуру мужскую.

[85] И казачество стали мучает и калечит, потому что такое ровное братство христианское стояло господам на препятствии.

[86] Но не так сделалось, как думали господа, потому что казачество поднялось, а за им весь простой народ, выбили и прогнали господ, и стала Украина земля казацкая вольна, потому что все были равны и свободны, но не надолго.

[87] И хотела Украина опять жить из Польщой по-братерски, нерозделимо и несмисимо, но Польша ни в коей мере не хотела отрекаться своего барства.

[88] Тогда Украина пристала к Московщини и объединилась с ней как единственный люд славянский со славянским нерозделимо и несмисимо, на образ ипостаси божьей нерозделимой

и несмисимой, как когда-то объединятся все народы славянские между собой.

[89] Но скоро увидела Украина, которая попалась в неволю, потому что она по своей простоте не познала, что там был царь московский, а царь московский все равно было, что идол и мучитель.

[90] И отразилась Украина от Московщины, и не знала, бедная, куда приклонит председателя.

[91] Потому что она любила и поляков, и москалей как братьев, своих и не хотела с ними разбрататься, она хотела, чтобы все жили вместе, объединившись как один народ славянский со вторым народом славянским, а те два с третьим, и были бы три Вещи Посполитые в одном союзе нерозделимо и несмисимо по обиду Троицы божой нероздельной и несмисимой, как когда-то объединятся между собой все народы славянские.

[92] Но сего не раскумекали ни ляхи, ни москали.

И бачуть лячки господа и московский царь что ничего не сделает с Украиной, и сказали между собой: не будет Украины ни тебе, ни мне, издерем ее по половине, как Днепр ее розполовинив, левый бок будет московскому царю на съедение, а правый бок – польским господам на поталу.

Но этого не поняли ни ляхи, ни великороссияне.

[93] И дралась Украина лет пятьдесят, и есть то наисвятейшая и славниша война за свободу, которая только есть в Истории, а раздел Украины есть самое плохое дело, которое только можно найти в истории.

[94] И выбилась из сил Украина, и выгнали ляхи казачество с правой стороны Днепровского, и запановали господа над бедным остатком вольного народа.

[95] А на левом боку еще держалось казачество, но время от времени попадало в неключиму неволю московскому царю, а затем петербургскому императору, потому что последний царь московский и первый император петербургский положив сотни тысяч в канавах и на костыщах построил себе столицу.

[96] А немка царица Екатерина, курва, всемирная, безбожница, убийница мужа своего, в последний раз доконала казачество и волю, потому что, отобрав тех, которые были в Украине стар-

шими, наделила их панств[ом] и землями, понадавала им вольную братию в иго и поделала одних господами, а вторых невольниками.

[97] И пропала Украина. Но так кажется.

[98] Не пропала она, потому что она знать не хотела ни царя, ни спесь, а хотя и был царь, и чужой, и хоть были господа, и чужие; а хоть из украинской крови были те выродки, однако не псовали своими губами мерзкими украинского языка и сами себя не называли украинцами, а истий украинец, хоть был он простого, хоть барского, рода, теперь должен не любить ни царя, ни господина, а должен любить и пам'ятovati единственного бога Иисуса Христа, царя и господина, над небом и землей. Так оно было прежде, так и теперь осталось.

[99] И Славянщина хоть терпела и терпит неволю, та не самая ее сотворила, потому что и царь, и барство, не славянским духом сотворено, а немецким или татарским.

И теперь в России хотя и есть деспот царь, однако он не славянин, а немец тем и урядники в его немке; оттого и господа хотя и есть в России, но они быстро перевертуются или у немца, или у француза, а истий славянин не любит ни царя, ни господина, а любит и пам'ятуе одного бога Иисуса Христа, царя, над небом и землей. Так оно было прежде, так и теперь осталось.

[100] Лежит в могиле Украина, но не умерла.

[101] Потому что голос ее, голос, что звал всю Славянщину на свободу и братство, разошелся по миру славянскому. И отозвался он, тот голос Украины, в Польше, когда Из мая постановили поляки чтобы не было господ и все были бы уровни в Вещи Посполитой; а того хотела Украина за 120 лет до того.

[102] И не допустили Польшу до того, и разорвали Польшу, как прежде разорвали Украину.

[103] И сие ей так и нужно, потому что она не послушала Украину и погубила сестру свою.

[104] Но не пропадет Польша, потому что ее пробудит Украина, не которая пам'ятуеет зла и любит сестру свою так, если бы ничего не было между ними.

[105] I голос Украины отозвался в Московщини, когда после смерти царя Александра хотели руски прогнать царя и барство и

установить Речь Посполитую, и всех славян соединить по обиду ипостасей божественных нерозделимо и несмисимо; а сего Украина еще за двести лет до того хотела.

[106] И не допустил до того деспот: одни покончили живот свой на виселице, вторых закатывали в рудниках, третьих послали на зарезание черкесу.

[107] И господствует деспот палач над тремя народами славянскими, правит через немцев, портит, калечит, калечит хорошую натуру славянскую и ничего не сделает.

[108] Потому что голос Украины не утих.

И встанет Украина из своей могилы, и опять озовется ко всем братьям своих славян, и услышат крик ее, и встанет Славянщина, и не позостанеться ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни господина, ни боярина, ни крепака, ни холопа – ни в Московщине, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни в хорутан, ни у сербов, ни у болгар.

[109] Украина будет неподлеглой Вещью Посполитой в союзе славянском.

Тогда скажут все языки, показывая рукой на тот город, где на карте будет нарисованная Украина: «Вот камень, его же не брегоша зиждущий, тот бисть во главу».

И пропала Украина. Но так кажется.

[98] Не пропала она, потому что она знать не хотела ни царя, ни спесь, а хотя и был царь, и чужой, и хоть были господа, и чужие; а хоть из украинской крови были те выродки, однако не псовали своими губами мерзкими украинского языка и сами себя не называли украинцами, а истий украинец, хоть был он простого, хоть барского, рода, теперь должен не любить ни царя, ни господина, а должен любить и пам'ятовати единственного бога Иисуса Христа, царя и господина, над небом и землей.

Так оно было прежде, так и теперь осталось.

Источник:

Книга бытия украинского народа. URL://https://vtoraya-literatura.com/pdf/kostomarov_knigi_bytiya_ukrainskogo_naroda_1977_ocr.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

Костомаров Н.И.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «КОЛОКОЛА»

Милостивый Государь,

В 34 листе Колокола вы проявили относительно Украины такой взгляд, который мыслящая часть южнорусского народа издавна хранит как драгоценную святыню сердца. Примите же от нас сердечную благодарность. К числу многих истин, которые вы первый высказали печатно на русском языке, принадлежит и то, что вы сказали о нашем отечестве. Позвольте же во всеуслышание передать вам наши задушевные убеждения.

Большинство великорусской и польской публики привыкло не считать нас отдельным народом, не признавать в нас отдельных элементов для самобытной жизни выработанных прошедшим, сомневаться в существовании у нас своенародного языка и в возможности его литературного развития и вообще ставить наши особенности в ряд провинциальных оттенков – то русской, то польской национальностей. Этот ошибочный взгляд возник от того, что, к чести нашей, южнорусской, общественной церкви, от нее отщеплялось все, носившее на себе отпечаток барства и привилегии, да и сама эта церковь предавала его анафеме. Дворян-малороссиян нет, за исключением немногих, которые в последнее время, вместе с сознанием о несостоятельности дворянской институции, обращаются к чистому народному источнику; и прежде не было у нас дворян: они были чужие, хотя и происходили из нашей крови: прежде они становились поляками, теперь – великороссиянами. Народность малороссийская, как ее привыкли называть с легкой руки дьяков Алексея Михайловича, всегда оставалась достоянием угнетенного сословия, потом и кровию утучнявшего и Вишневецких, и Разумовских. Можно ли называть народом мужичье! Можно ли давать ему права самобытного существования?

Так думали и думают многие исстари. Нам случалось слышать от либеральных поляков, что о принадлежности Волыни и Подоли – Польше не может возникнуть и сомнения, потому что весь образованный класс народонаселения этих краев – поляки и тянут

к Польше душой и телом; что же касается до сплошной массы черного народа, то его не следует о том и спрашивать, потому что он не может отвечать, будучи невежествен в государственных вопросах. Либералы-великороссы или, наслушавшись польских доказательств и привыкшие считать нациями только такие народы, у которых были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуют полякам эти края, или же, под влиянием патриотизма, развитого Устряловым, почитают их непрерываемою собственностью России, и таким образом вопрос о принадлежности земель, населенных нашим народом, составляет спорный пункт между свободолюбщими обоих славянских племен. А ларчик открывается просто: спорные земли не принадлежат ни тем, ни другим, – они принадлежат тому народу, который издревле их населял, населяет и обрабатывает.

Украина, или Южная Русь, имеет свою многозначительную и поучительную историю. Не станем углубляться в сумерки удельного периода, когда Южная Русь, соединенная с северною посредством федеративной связи княжеского рода, скоро после освобождения от татар, при посредстве литовского князя Гедимина (1320 г.), воротилась к своему отдельному бытию: этот период мог бы сделаться для нас занимательным предметом изучения; к сожалению, мы в него можем смотреть только сквозь монастырские очки летописцев. Со времени козачества наступает новая жизнь для нашего края. Козачество, которого славянское значение вами прекрасно сознано, было рассадником свободы и противодействием двоякому деспотизму: с одной стороны – внешнему, полудикому, восточно-мусульманскому деспотизму, с другой – внутреннему, аристократическому, тонкому, цивилизованному, развившемуся у поляков под влиянием старых римских и папских понятий, до уродливости. С конца XVI века идет ряд восстаний против польского дворянства.

Так как Речь Посполитую беспокоили набеги хищнических орд, то она не могла обойтись без вооруженной силы на турецко-татарских границах, а потому нуждалась в козаках и должна была предоставить им совместные, по понятиям века, с званием воина, права свободного человека: но признавала козацкое

достоинство только за ограниченным числом записанных в реестр, а остальной народ удерживала в порабощении у королевских старост и владельцев. Народ не желал иметь над собою господ; народ хотел самоуправления, самосуда, равноправного отправления общественных повинностей и свободного избрания образа жизни для каждого. По понятиям народа, в Украине предоставлялось жить всякому, и едва ли в XVII веке где-нибудь так уважались человеческие права безотносительно к вере, породе, народности, убеждениям. Когда поляки упрекали козаков за то, что у них находили притон разного рода авантюристы, самозванцы, политические изгнанники, еретики, – они отвечали, что у них от века веков так заведено, чтоб каждому был вольный приход и отход; у них не спрашивали, откуда кто пришел и куда отправляется. Сами козаки, рыцари веры, неутомимые враги всего неправославного на войне, у себя дома принимали с радующим – и католика, и арианина, и мусульманина. И теперь у южноруса гораздо меньше религиозности, чем у великоруса, хотя несравненно больше внутреннего благочестия.

Украинский народ, несмотря на внешнее сходство во многих чертах своего быта с поляками, представлял им по своим понятиям в XVII веке совершенную противоположность. Тогда как поляки под наплывом идей, выработанных благоговением к Римской республике, и вообще под влиянием западноевропейским, толкуя о свободе, представляли ее себе не иначе как достоянием «*ludzi szlachetnego stanu*», которые попирали всю массу *servorum*, хлопов, людей подлого сословия, – украинцы напротив, ненавидели всякое превозношение и привилегии; домогаясь от поляков прав и вольности, они хотели и требовали их не для горсти, а для всего своего народа. Вот отчего поляки охотно предоставляли права свободного человека пяти-шести тысячам козаков, а эти пять-шесть тысяч вместо того, чтобы быть довольными своим исключительным положением, принимали в свои ряды втрое более и подымали оружие не за себя, а за тех, кому не давались права, какими они сами пользовались. Это единство в стремлениях народа и составляло его силу, что очень хорошо сознавал сам народ, выражаясь так в своей исторической думе:

«Тым-то й сталась славна страшенная козацькая сила,
Що у нас, панове-молодци, була воля й дума єдина».*

* Теперь доказано, что эта дума – поддельная, а не народная.

М. Др.

Правда, яд польского аристократизма успел пройти и в козацкое звание и породил в нем много недоляшковых, которые, по выражению другой песни:

«Для паньства великого,
Для лакомства (жадности) несчастного», –

изменяли своенародным убеждениям, но этот яд не силен был заразить всю массу козачества: в эпоху Хмельницкого реестровые козаки, на которых паны надеялись до того, что посылали их сражаться против единоплеменцев, перебили своих старшин-недоляшковых и пристали к Богдану, шедшему тогда еще под знаменем всенародной свободы.

К сожалению, люди, руководившие народными движениями и стоявшие выше массы по образованию, вместе с этим образованием принимали и те важные предрассудки, которые были так противны украинцам. Свобода, представляемая массой, не ясно, но в обширном смысле, в их головах под влиянием тогдашнего образования, укладывалась в польские формы прав привилегированного сословия, хотя и в виде, смягченном своенародными понятиями. Сам Богдан Хмельницкий, победивший короля Яна Казимира под Зборовом, с помощью целого народа, заключил одна-кож договор, по которому только 40 тысяч человек получали козацкие права, а остальной народ снова возвращался в подданство. К чести и к несчастью нашего народа, он воспротивился этому энергически; через год Хмельницкий должен был откровенно потребовать у поляков совершенного уничтожения крепостного права; разумеется, следствием такого странного, по тогдашним польским понятиям, требования была война, и эта война кончилась несчастна для козаков. С тех пор счастье то помогало, то изменяло Хмельницкому, пока он не отдался под покровительство московскому царю на основании Переяславского договора (1654 г.).

Блестящие успехи козаков и москвитян заставили поляков предложить, в случае смерти тогдашнего короля, корону Алексею Михайловичу. Польщенный этою сделкою, московский двор позволил себе, относительно украины, первую вопиющую несправедливость: вместо того, чтоб оградить страну, которая добровольно к нему обратилась под условием защиты от врагов, царь глухо выказал намерение отдать ее Польше по приобретении короны... Хмельницкий умер от тоски.

Тогда, чтоб доставить своей родине надлежащее место в предстоящем государственном перевороте, украинцы заключили в 1658–1659 г. Гадячский договор, по которому Украина, под именем Великого Княжества Русского, как независимая республика, сохраняя отдельность и самобытность внутреннего управления, судопроизводства, религиозного, гражданского, финансового и военного устройства, – соединялась с Польшею в одну Речь Посполитую; таким образом возникал союз славянских государств: Польши, Великого княжества Литовско-Русского, Великого княжества Русского и – если совершится соединение с Московиею – то и московского царства. То была первая попытка славянского союза, о котором мы, как и вы, думаем теперь. Нельзя не обратить при этом внимания, что составители Гадячского договора имели в виду просвещение народа и свободное слово: положено было завести в Украине два университета, школы и типографии, и предоставлялось вольное книгопечатание даже и по предметам, касающимся веры.

Но самый важный, жизненный вопрос был разрешен этим договором неудовлетворительно. Как бы желая согласить старые предрассудки о необходимости привилегированного сословия – с народным требованием равноправности, составители думали достигнуть этого легким доступом к дворянскому достоинству.

По договору Русский Гетман имел право представлять к нобилитации в каждый сейм по сту человек козаков из каждого полка. Правда, это вело к тому, что целый народ мог таким образом одворяниться; но масса народа не могла сознать и принять такой тонкой меры: масса не терпела инстинктивно вообще дво-

рянское достоинство. Договор этот, опережавший в последнем отношении польскую конституцию 3 мая 1791 года, был нарушен тотчас же и поляками, и русскими. Поляки, находясь в стесненных обстоятельствах – приняли его, но призывая – по форме сеймовой присяги – на свое отечество гнев божий в случае его нарушения, в то же время под влиянием иезуитской логики, многие из них высказывали явно надежду обмануть козаков; духовенство соблазнялось тем, что с ним должны заседать православные духовные сановники; дворянство оскорблялось раздачею своего звания тем, кого оно привыкло называть хлопами.

С другой стороны, народ, лишь только узнал об этом, понял дело так, что хотят образовать в Украине шляхту которая в его воображении представлялась в ненавистном польском образе. Составители договора, в числе которых отличался Немйрич, русский пан, убежавший к козакам из Польши по причине религиозных своих убеждений, были перебиты. Справедливо заметил на сейме один поляк: «Когда давать дворянство, то давайте его целому народу русскому, который дорожит своим равенством: но кто захочет бросать драгоценную святыню предков на приманку грубой черни? И кому вы даете дворянство? Тем, которые смеются над нашими грамотами и гербами?»... Долго и упорно народ боролся за внешнюю независимость и внутреннюю равноправность. Но Польша и Московия, видя, что ни той, ни другой нельзя отдельно справиться с упрямым народом, решила разорвать Украину на две половины; левый берег Днепра остался за Московиею, а правый, исключая Киева, Триполья, Стаек и Василькова, за Польшею. Это сатанинское дело разделения народа совершено в первый раз по Андрусовскому договору 1667 г., а потом утверждено через восемнадцать лет Московским миром. Украинцы все это время отчаянно боролись за свою независимость и, принужденные сражаться разом против москалей и поляков, в то же время не переставали простирать братскую руку к тем и другим, пытаясь как-нибудь сохранить целостность своего отечества. Все было напрасно. Не помогла и отчаянная выходка Дорошенка, призвавшего на помощь Турцию. Жители Подоли и Киевщины, не желая служить польским панам, почти все вышли

из своего края, и поселились в степях, занимаемых теперь Харьковскою, частью Воронежскою и Курскою губерниями; другие пристали к Донским козакам. Бедные, не знали, что через сто лет потомки их и здесь не уйдут от панской неволи! Плодоносные поля прежнего их отечества обезлюделись мало-помалу, их захватили поляки, а народ, размножившийся в течение XVIII столетия, опять попал в такие же отношения, как в XVII. Вспомнилось былое: вспыхнула коливщина, последняя судорожная попытка возвратить себе свободу, попытка уже разодранной Украины. Напрасно! Скоро и Украина, и ненавистная для нее Польша, с ее панамы и шляхтою, попали под власть всероссийских государей.

Левобережная Украина, сохраняя козацкое устройство, издыхала в московских цепях. Чадолубивая мать отечества, Екатерина II, уничтожила козацкие порядки, и чтоб успокоить и привязать к себе чиновников, уже и прежде значительно деморализованных московским влиянием, – ввела в Малороссию крепостное право и поработила вольный народ, с таким упорством освободившийся некогда от этого права в его польской одежде. В 1772 г. она изволила закрепить народ и в слободской Украине, потомков тех, которые, как выше сказано, бежали туда из Подоли и Киевщины от крепостного права польского.

С тех пор Украина молчала. Ее народность предана была презрению. Имя хохол, которое москали давали козакам от их оселдцев, сделалось синонимом дурака. Поэтический язык Украины стал предметом пренебрежения и насмешек. Нередко сами малороссияне краснели, когда выговор их обличал южное происхождение. Украинская история или была заброшена, или представлялась в искаженном виде, сообразно благим целям и видам правительства.

Пробуждение славянских народностей быстро отразилось в Украине и подняло из летаргического сна народную мысль и чувство. Явилось стремление возродить умирающую под кнутом московским и штыком санктпетербургским народность и воссоздать самобытную литературу.

Но идея панславизма принялась в Украине совсем не так, как в Москве, где она проявлялась или в стремлении уразуметь

смысл тропарей и букварей, или в риторических похвалах старомосковской Руси, под которые боязливо под-кладывалась всероссийскому престолу надежда простереть когда-нибудь царственную десницу на славянские народы и уготовать им вожделенную судьбу Украины и Польши. В Украине эта идея тотчас облеклась в светлую форму федеративного союза Славян, где бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободе; вместе с тем возникло убеждение, что только этим и единственно этим путем Украина может подняться из упадка и сохранить свой собственный, столь несправедливо и безжалостно погранный образ. Молодые люди Харьковского и Киевского университетов быстро стали проникаться этими идеями. Могло ли это ускользнуть от бдительных преследователей всяких идей при императоре Николае?

В 1847 г. в Киеве по доносу студента жандармского сына, Петрова, взято было под арест несколько лиц, принадлежавших к кругу малороссийских писателей, и в числе их народный поэт Тарас Шевченко, которого превосходные стихотворения знают не только почти все читающие малороссы, но и многие великороссияне и славяне. Всех захваченных притащили в III отделение, где и засадили. Из их бумаг и писем оказывалось, что все они проникнуты идеею соединения Славян и любовью ко всем славянским народонаселениям вообще и украинскому в особенности, омерзением к крепостному праву, и к религиозным и национальным ненавистям, и соболезнованием о невежестве народа. Вместе с этим некоторые письменно выражали мысль, что было бы очень полезно, если бы существовало ученое общество с целью сблизить умственную деятельность славянских народов и распространять в народе просвещение. Что с мыслью об этом обществе не соединялось намерение основать так называемое тайное общество, доказывает ясно то, что в бумагах обвиняемых лиц найдено было порицание правила: «цель оправдывает средства». Как при этих данных возможно было обвинить в политическом преступлении, когда общество существовало в предположении, а не на деле, и мысль о федеративном союзе Славян представлялась только как идеал в отдаленном будущем?

Можно ли было за это обвинить и карать, да еще как и как долго?! Но что невозможно для простых людей, для Дубельта было возможно. Он тотчас увидел, что тут есть готовый материал, чтоб представить дело так, будто бы открыто существующее тайное политическое общество и окрестил сочиненное им общество именем Украино Славянского!.. Николай Павлович, человек формы, давал больше значения противным ему идеям, когда они были облечены в формальность, поэтому уничтожить общество в его глазах представлялось великой заслугой; следовательно, Дубельт мог надеяться высочайшей награды и благоволения.

Под нравственную пытку заключения в крепости, принудили обвиняемых наклепать на себя, что действительно было общество; с своей стороны III отделение дозволило им представить вымышленное общество в елико возможно извинительном свете. Таким образом они написали, что их общество касалось западных Славян, а не почюющих под кроткою десницею все-российского монарха, который один может освободить их из уз немецких и турецких. Как ни нелеп был вымысел, как ни противоречил всему, что находилось в бумагах арестованных лиц, однако дело слажено. Свежеиспеченные государственные преступники хотя и получили наказание, но растворенное отеческим милосердием. Некоторых, главнейших, засадили в крепость – кого на год, кого на три года, а потом послали на службу в великороссийские губернии; но и тех и других отдали под строжайший надзор полиции.

Поэта Шевченко послали рядовым в Оренбург, а потом в Новопетровское укрепление; Николай I строжайше приказал, чтоб ему не позволяли ни писать, ни рисовать (он был и живописец). Шевченко пробыл более десяти лет в такой нравственной пытке, в ужасной стране на восточном берегу Каспийского моря, на солончаках, где даже трава не растет, постоянно под надзором ефрейторов, наблюдавших, чтоб он чего-нибудь не написал или не нарисовал. Как обращались с другими, можно судить из следующего: одного из политических преступников, бывшего киевского профессора Костомарова, сослали в Саратов. Там случилось необыкновенное убийство: нашли двух мальчиков, замученных

и брошенных на лед Волги. Подозрение падало на евреев. Приехавший из Петербурга следователь потребовал через губернатора к себе Костомарова и поручил ему написать записку о том: представляет ли история данные для того, чтобы допускать возможность существования между евреями какой-нибудь кровавой секты? Костомаров, занявшись этим предметом несколько месяцев, представил следователю записку, где по своему убеждению высказал, что существование такой секты возможно. Между тем губернатору Кожевникову, хотелось, чтоб было напротив. Он призвал Костомарова и несмотря на то, что сам поручил ему исполнить требование следователя, грозил засадить его в острог, пользуясь своим правом над сосланным политическим преступником и придираясь к тому, что Костомаров в своей записке находил кровавую сторону в самых библейских сказаниях и пользовался при составлении этой записки запрещенными книгами. А этот губернатор, как говорят, был либерал! Когда, скоро после того, вместо его прислали не либерала, но воплощенную ничтожность, и следователя, благодаря записке Костомарова (представленной в министерство и выданной следователем за свою), назначили в Саратов вице-губернатором, новоприбывший с губернскими властями полицмейстер в назначенный день пожелал видеть всех состоящих под надзором полиции в Саратове, призвал Костомарова вместе с польским книгопродавцем Завадским и несколькими другими поляками, поставил их в ряд с людьми дурного поведения, отданными под надзор полиции по делу об убийстве мальчиков, и начал читать им отеческое нравоучение, чтоб они вели трезвую жизнь и не шатались по кабакам и зазорным домам.

Этих черт достаточно, чтоб показать, что значила при Николае отдача под надзор полиции политического преступника. Но к чести русского общества надобно сказать, что везде, куда ни ссылал император наших земляков, их опала служила дипломом на участие, уважение и доверие; опальные с своей стороны, честным поведением на службе и в частной жизни доказали, все без исключения, твердость своих нравственных убеждений. В довершение бесстыдства, с каким производился розыск о киевском

деле, надобно присовокупить, что Петров, в награду за донос был оставлен на службе в III отделении с деньгами и чином XII класса, на который он, как студент II курса, не имел ни малейшего права. Петров однакож изменил за деньги своим покровителям, продав какие-то бумаги III отделения, за что также был куда-то сослан.

После Киевского дела запрещены были все сочинения обвиненных, и цензура и шпионство начали ужасно свирепствовать против Малороссии; не только малороссийские книги подвергались недозволению являться в свет, преследовались даже ученые статьи о Малороссии на великорусском языке; самые названия Украина, Малороссия, Гетманщина считались предосудительными.

Благотворное влияние весны (хотя непостоянной, с частыми рецидивами зимних морозов), царствование Александра II пробудило и Малороссию. На украинском языке появилось вдруг несколько прекрасных сочинений. Освобождение крестьян оживляет нас надеждами за бедный угнетенный народ наш, у которого было отнято все, чего он домогался во всю свою жизнь с такою настойчивостью и самопожертвованием. Благодарим императора Александра II и просим только, чтоб пользовался перед законом одинаковыми правами с дворянством: иной свободы Украина, упорная в старых своих убеждениях, не понимает.

Мы желали бы сверх того, чтоб правительство не только не препятствовало нам, украинцам, развивать свой язык, но оказало бы этому делу содействие и сделало теперь же распоряжение, чтобы в школах, которые, – как оно уже само объявило, – будут заведены для нашего народа, предметы преподавались на родном языке, ему понятном, а не официально-великороссийском, иначе народ украинский будет заучивать лишь слова, не развивая своих понятий. Более мы не станем требовать и желать, собственно для себя, ничего, независимо от общих, совокупно со всей Россией, желаний. Никто из нас не думает об отторжении Южной Руси от связи с остальной Россией. Напротив, мы бы желали, чтоб все другие Славяне соединились с нами в один союз, даже под скипетром русского государя, если этот государь делается государем свободных народов, а не всепожирающей

татарско-немецкой московщины. В будущем славянском союзе, в него же веруем и его же чаем, наша Южная Русь должна составить отдельное, гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком, с сохранением единства, основанного не на губительной, мертвящей централизации, а на ясном сознании равноправности и своих собственных выгод. Чтоб наши потомки увидели то, что едва ли какому-нибудь Симеону из нашего поколения суждено увидеть, – надобно, чтобы Славяне очищались от своих старых предрассудков!

Пусть же ни великорусы, ни поляки не называют своими землями, заселенные нашим народом.

Источник:

Н. Костомаров. Украина. Письмо к издателю «Колокола».-URL://<http://www.litopys.org.ua/kostomar/kolokol1860.htm> (дата обращения: 24.10.2023).

ДВЕ РУССКИЕ НАРОДНОСТИ

Без всякого сомнения, географическое положение было первым поводом различия народностей вообще. Чем народ стоит на более детской степени цивилизации, тем более и скорее географические условия способствуют сообщению ему своеобразного типа. Не имея твердых начал, народы легко изменяются, переходят с одного места на другое, потому что запас воспитания, полученного на прежних жилищах, слишком скуден, – и, развиваясь на новоселье, они принимают и усваивают легко новые условия, какие сообщаются им характером местности и стечением обстоятельств. Борьба может быть тем незначительнее, чем менее в народе того, на что можно опереться. Но те, которые на прежней родине успели получить что-нибудь такое, что удовлетворяло их, сознавалось полезным или священным, те, и перемня отечество, переносят в него старые зачатки, и они для них становятся точками опоры, когда условия нового отечества начнут побуждать их к самоизменению. Понятно, что англичанин, переселившийся близко к тропикам, долго будет сохранять свою цивилизацию, свои привычки и понятия, приобретенные воспитанием на своем северном острове. Напротив, если бы перевести толпу американских индейцев в Россию, то при сообщении с русскими они бы усвоили образ господствующей туземной народности; если же бы оставить их изолированными от сближения с северною образованностью, они в ближайших поколениях изменились бы сообразно климату, почве и местности и образовали бы сами из себя совершенно иную народность, в которой только слабыми чертами отзывалось бы то, что напоминало им отдаленную родину. В глубокой древности, во времена юности народов, переходы их из края в край порождали своеобразные типы и образовывали народности.

Но народы не изменялись и их народности не формировались от одних переходов и вообще от географических условий. Вместе с тем действовали жизненные исторические обстоятельства. Переходя с места на место, они не оставались изолированными,

но находились в сношениях или в столкновениях с другими народами; от взаимного трения зависело их развитие и образование жизненных форм. Другие подвергались изменениям, не переменив жительство, от наплыва или влияния соседей и пришельцев; наконец, такие или иные повороты их общественного быта отпечатлевались на народном существе и клали на будущие времена особые приметы, не сходные с прежними, и, таким образом, мало-помалу народ в течение времен изменялся и становился уже не тот, чем был некогда. Все это составляет то, что можно одним словом назвать историческими обстоятельствами. Здесь большая или меньшая степень развитости цивилизации способствует скорейшему или медленному действию влияния изменяющихся начал. Все здесь происходит по тому же закону, как и тогда, когда изменения производятся географическими условиями. Народ образованный крепче стоит за свое прежнее, упорнее хранит свои обычаи и память предков. Завоеванная Римом Греция покоряет потом Рим своею образованностью, тогда как завоеванная тем же Римом Галлия теряет свой язык и народность, уступая более образованным и сильным завоевателям. Встреча с народом слабейшим укрепляет народность сильнейшего, как встреча с сильнейшим ослабляет.

Образование народности может совершаться в разные эпохи человеческого развития, – только это образование идет легче в детстве, чем в зрелом возрасте жизни человечества. Изменение народности может возникнуть от противоположных причин: от потребности дальнейшей цивилизации и от оскудения прежней и падения ее, от свежей, живой молодости народа и от дряхлой старости его. С другой стороны, почти такое же упорство народности может истекать и от развития цивилизации, когда народ выработал в своей жизни много такого, что ведет его к дальнейшему духовному труду в той же сфере, когда у него в запасе много интересов для созидания из них новых явлений образованности, – и от недостатка внешних побуждений к дальнейшей обработке запасенных материалов образованности, когда народ довольствуется установленным строем и не подвигается далее.

Последнее мы видим на тех народах, которые приходят в столкновение с такими, у которых силы более, чем у них; тогда верхние слои этих народов усваивают себе народность чужую, народность, господствующую над ними, а масса остается с прежнею народностью, потому что подавленное состояние ее не позволяет ни собраться побуждениями к развитию тех начал, какие у ней остались от прежнего времени, ни усваивать чуждую народность вслед за верхними слоями.

Литература есть душа народной жизни, – есть самосознание народности. Без литературы последняя – только страдательное явление, и потому чем богаче, чем удовлетворительнее у народа литература, тем прочнее его народность, тем более ручательств, что он упорнее охранит себя против враждебных обстоятельств исторической жизни, тем самая сущность народности является осязательнее, яснее.

В чем же состоит эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явления внешней жизни, составляющие сумму отличий одной народности от другой, суть только наружные признаки, посредством которых выражает себя то, что скрывается на дне души народной. Духовный состав, степень чувства, его приемы или склад ума, направление воли, взгляд на жизнь духовную и общественную, все, что образует нрав и характер народа, это – сокровенные внутренние причины, его особенности, сообщающие дыхание жизни и целостность его телу. Все, что входит в круг этого духовного народного состава, не высказывается поодиночке, отдельно одно от другого, но вместе, нераздельно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполне составляет единый стройный образ народности.

Приложим эти общие черты к нашему вопросу о различии наших русских народностей великорусской и малорусской, или южнорусской.

Гачало этого отличия теряется в глубокой древности, как и вообще распадение славянского племени на отдельные народы. С тех пор как о славянах явились известия у греческих писателей, они уже были разделены и стали известны то под большими отделами, то в разнообразии малых ветвей, из которых многие

не знаешь куда приютить. Так, по Прокопию, славянское племя представляется раздельным на две большие ветви: антов и славов; по Иорнанду – на три: славов, антов и венедов. Без сомнения, каждая из больших ветвей дробилась на меньшие. Известия Прокопия и Маврикия о том, что славяне вели между собою беспрестанные войны и жили рассеянными группами, указывают на существование дробления народных отделов; потому что где вражда между группами народа, там неизбежно через то самое образуются этнографические особенности и отличия. У Константина Порфирородного исчисляются уже разные мелкие ветви Славян. У нашего первоначального летописца отдел собственно русских славян изображается раздробленным на несколько ветвей, каждая с отличиями от другой, со своими обычаями и нравами. Без сомнения, между одними из них более взаимного сродства, чем между другими, и, таким образом, несколько этнографических ветвей начали, в более обобщенном образе своих признаков, представлять одну народность, так же как и все вместе русско-славянские народности одну общую, русскую, в отношении других славянских племен на юге. Но есть ли в древности следы существования южнорусской народности, было ли внешнее соединение славянских народов юго-западного пространства нынешней России в таком виде, чтоб они представляли одну этнографическую группу? Прямо об этом в летописи не говорится; в этом отношении счастливее белорусская народность, которая, под древним именем кривичей, обозначается ясно на том пространстве, которое она занимала впоследствии и занимает в настоящее время со своим разделом на две половины: западную и восточную. На юге, в древности, упоминаются только народы, и нет для них общего сознательно одинакового для всех названия. Но чего недоговаривает летописец в своем этнографическом очерке, то дополняется самой историей и аналогией древнего этнографического разветвления с существующим в настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народности как одного из типов славянского мира, слагающего в себе подразделительные признаки частных, это – поразительное сходство южного наречия с нов-

городским, которого нельзя не заметить и теперь, по совершении многих переворотов, способствовавших к тому, чтобы стереть и изменить его. Нельзя этого объяснить ни случайностью, ни присутствием многих рассеянных черт южнорусского наречия в великорусских областных наречиях; если один признак встречается в том или в другом месте и не может служить сам по себе доказательством древнего сродства одних предпочтительно пред другими, то собрание множества признаков, составляющих характер южного наречия в новгородском, несомненно указывает, что между древними ильменскими млавянами и южноруссами было гораздо большее сродство, чем между южноруссами и другими славянскими племенами русского материка. В древности это сродство было нагляднее и ощутительнее. Оно прорывается и в новгородских летописях, и в древних письменных памятниках. Это сродство не могло возникнуть иначе как только в глубокой древности, потому что эти отдаленные, перехваченные другими народностями края не имели такого живого народного сообщения между собою, при котором бы могли перейти с одного на другое сходные этнографические признаки. Только в незапамятных доисторических временах скрывается его начало и источник. Оно указывает, что часть южнорусского племени, оторванная силою неизвестных нам теперь обстоятельств, удалась на север и там водворилась со своим наречием и с зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родине. Это сходство южного наречия с северным, по моему разумению, представляет самое несомненное доказательство древности и наречия и народности Южной Руси. Разумеется, было бы неосновательно воображать, что образ, в каком южнорусская народность с ее признаками была в древности, тот самый, в каком мы ее встречаем в последующие времена. Исторические обстоятельства не давали народу стоять на одном месте и сохранять неизменно одно положение, одну постать. Если мы, относясь к древности, говорим о южнорусской народности, то разумеем ее в том виде, который был первообразом настоящего, заключал в себе главные черты, составляющие неизменные признаки, сущность народного типа, общего для долгих времен, способного

упорно выстоять и отстоять себя против всех напоров враждебно-разрушительных причин, а не те изменения, которые этот тип то усваивал в течение времени и перерабатывал под влиянием главных своих начал, то принимал случайно и терял, как временно наплывшее и несвойственное его природе.

Обращаясь к русской истории, можно проследить, как недосказанное летописцем в его этнографическом очерке о Южной Руси само собой высказало себя в цепи обстоятельств, образовавших историческую судьбу южнорусского народа. Если первоначальный этнограф, исчисляя своих полян, древлян, улучей, волянян, хорватов, не дал им всем одного названия, отдельного от других Славян русского материка, то им его дала вскоре история. До сих пор не решила окончательно наука: это название, Русь, так нам всем присущее, занесено ли с Балтийского побережья частью иноземцев, поселившихся среди одной ветви южнорусского племени, или, как полагают некоторые ученые, опираясь преимущественно на восточных известиях, было и прежде туземным прозванием на Русской земле; но уже в XI веке название это распространилось на Волянь и на нынешнюю Галицию, тогда как, по-видимому, не переходило еще ни на северо-восток, ни к кривичам, ни к новгородцам. Уже ослепленный Василько, исповедуясь в своих намерениях присланному к нему Василию, говорит о плане мстить ляхам за землю Русскую и понимает не Киев, но ту страну, которая впоследствии усвоила себе название Червоной Руси. В XII веке в земле Ростовско-Суздальской под Русью разумели вообще юго-запад нынешней России. В смысле более обширном название Руси иногда распространялось на земли, связанные с Русью, сперва политически подчиненные Руси или Киеву, а потом, когда политическое первенство Киева упало, все-таки находившиеся в церковной зависимости от русского митрополита и видевшие в Руси столицу своей общей веры. Но в своем собственном смысле это название, в отличие от других славянских частей, было этнографическим названием южнорусского народа; мелкие подразделения, которые исчислил летописец в своем введении, исчезли или отошли на третий план, в тень, когда образовалось между ними соединение и выплыли

наружу одни общие, единые для них признаки. Название Руси за нынешним южнорусским народом перешло и к иностранцам, и все стали называть Русью не всю совокупность славянских племен материка нынешней России, а собственно юго-запад России, населенный тем отделом славянского племени, за которым теперь усваивается название южнорусского, или малороссийского. Это название так перешло к последующим временам. Когда толчок, данный вторичным влиянием литовского племени в судьбу славянских народов всей западной части русского материка, соединил их в одно политическое тело и сообщил им новое соединительное прозвище – Литва, это прозвище стало достоянием белорусского края и белорусской народности, а южнорусская осталась с своим древним привычным названием Руси.

В XV веке различались на материке нынешней России четыре отдела восточнославянского мира: Новгород, Московское государство, Литва и Русь; в XVI и XVII, когда Новгород был стерт, – Московское государство, Литва и Русь. На востоке имя Руси принималось как принадлежность к одной общей славянской семье, разветвленной и раздробленной на части, на юго-западе это было имя ветви этой семьи. Суздалец, москвич, смолянин – были русские по тем признакам, которые служили органами их соединительности вместе по происхождению, по вере, по книжному языку и соединенной с ним образованности; киевлянин же, волынец, червонорус – были русские по своей местности, по особенностям своего народного, общественного и домашнего быта, по нравам и обычаям; каждый был русским в тех отношениях, в каких восточный славянин был не русский, но тверитянин, суздалец, москвич. Так как слитие земель было дело общее, то древнее название, употребительное в старину для обозначения всей федерации, сделалось народным и для Восточной Руси, коль скоро общие начала поглотили развитие частных: с именем Руси для них издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда из разных земель составилось Московское государство, это государство легко назвалось Русским, и народ, его составлявший, усвоил знакомое прежде ему название и от признаков общих перенес его на более местные и частные при-

знаки. Имя русского сделалось и для севера, и для востока тем же, чем с давних лет оставалось как исключительное достояние юго-западного народа. Тогда последний остался как бы без названия; его местное частное имя, употреблявшееся другим народом только как общее, сделалось для другого тем, чем прежде было для первого. У южнорусского народа как будто было похищено его прозвище. Роль должна была перемениться в обратном виде. Так как в старину Северо-Восточная Русь называлась Русью только в общем значении, в своем же частном имела собственные наименования, так теперь южнорусский народ мог назваться русским в общем смысле, но в частном, своенародном, должен был найти себе другое название. На западе, в Червонной Руси, где он стал в сопротивление с чуждыми народностями, естественно было удержать ему древнее название в частном значении, и так галицкий червонорусс остался русским, русином, ибо имел столкновение с поляками, немцами, уграми; в его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшие признаки общей русской народности, являлась принадлежность его к общему русскому миру, черты такие, как вера, книжный богослужебный язык и история, напоминавшая ему о древней связи с общерусским миром. Все это предохраняло его от усилий чуженародных элементов, грозивших и грозящих стереть его. Но там, где та же народность столкнулась с северною и восточно-русскою, там название русского, по отношению к частности, не имело смысла, ибо южноруссу не предстояло охранять тех общих признаков своего бытия, которые не разнили, а соединяли его с народом, усвоившим имя русское. Тут название русского необходимо должно было замениться таким, которое бы означало признаки различия от Восточной Руси, а не сходства с нею. Этих народных названий являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполне удовлетворительного, может быть потому, что сознание своенародности не вполне выработалось. В XVII веке являлись названия: Украина, Малороссия, Гетманщина – названия эти невольно сделались теперь архаизмами, ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только местные и временные явления его истории. Выдуманное в последнее

время название южноруссов остается пока книжным, если не навсегда останется таким, потому что даже по своему сложному виду как-то неусвоительно для обыденной народной речи, не слишком любящей сложные названия, на которых всегда почти лежит отпечаток задуманности, отчасти ученой вычурности. Мимоходом замечу, что из всех названий, какие были выдумываемы для южнорусского народа, чтоб отличить его от великорусского, более всех как то приняло полное значение название хохла – не по своей этимологии, а по привычке, с какою усвоили его Великоруссы. По крайней мере, сказавши хохол, великорусе понимает под этим словом действительно народный тип. Хохол для великорусса есть человек, говорящий известным наречием, имеющий известные приемы домашней жизни и нравов, своеобразную народную физиономию. Странно было бы думать о возможности принятия этого насмешливого прозвища народа за серьезное название народа, – все равно, как если бы англичанин прозвище Джон-Буля сделал серьезным именем своего племени. Но из всех существовавших прозвищ и названий это едва ли не более других усвоенное в смысле народной особенности. Не только великоруссы называют южноруссов хохлами, но и сами последние нередко употребляют это название, не подозревая уже в нем ничего насмешливого, преимущественно в восточном крае пространства, заселенного южноруссами. Неусвоиваемость его всем южнорусским народом, не менее его насмешливого происхождения, еще не дозволяет искать в нем приличного названия для народа.

Но мы отклонились несколько от своей цели. Дело в том, что название Руси укрепилось издревле за южнорусским народом. Название не возникает без факта. Нельзя навязать народу ни с того ни с сего какое-нибудь имя. Это могло приходиться в голову только тем западноевропейским мудрецам, которые уверяли, что Екатерина II Высочайшим повелением даровала московскому народу имя русского и запретила ему употреблять древнее имя – москвитяне. Вместе с названием развивалась и самобытная история жизни южнорусского народа. Известно, в какое неприятное положение поставляют нас старые наши летописцы, коль ско-

ро мы захотим исследовать судьбу старой народной жизни: нас угощают досыта княжескими междуусобиями, известиями о построении церквей, со щепетильною точностью сообщают о днях, даже о часах кончины князей и епископов; но как постучишься к ним в двери сокровищницы народной жизни – тут они немые и глухие и заброшены давно в море забвения ключи от этих заветных дверей. Слабые, неясные тени остались от далекого прошедшего. Но и этих теней пока достаточно, чтобы видеть, как рано Южная Русь пошла иным, своеобразным путем возрастать отлично от севера. Одни и те же общие начала на юге устанавливались, утверждались, видоизменялись иным образом, чем на севере. До половины XII века север, а еще более северо-восток, нам малоизвестны. Летописные сказания тех времен вращаются только на юге; новгородские летописи представляют как будто какое-то оглавление утраченного летописного повествования: так коротки и отрывочны местные известия, в них сохранившиеся, и, признаться, как-то странно слышать проповедываемые некоторыми почтенными исследователями и усвоенные учителями в школах глубокомысленные наблюдения над развитием новгородских общественных начал соразмерно переворотам и движениям удельного русского мира, – когда на самом деле тут можно судить только о развитии новгородских летописей, а никак не новгородской жизни. Но о судьбе северо-восточного русского мира, этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны, в ранние времена нашей истории не осталось даже и такого оглавления, и это тем досаднее, когда знаешь, что именно тогда-то в этом крае и образовалось зерно великорусской народности и тогда-то пустила она первые ростки того, что впоследствии сделалось рычагом соединения и всего русского мира, и залогом грядущего обновления всего славянского... Ее таинственное происхождение и детство облечено непроницаемым туманом. При невозможности рассеять его густые слои остается или поддаться искушению и пуститься в бесконечные догадки и предположения, либо, как некогда делали, успокоиться на утишающей всякое умственное волнение мысли, что так угодно было Верховному Промыслу и что причины – почему великорусская народность стала такую

именно, какую явилась впоследствии, – зависели от неисповедимой воли. И тот и другой способ мышления не удовлетворяет нашей потребности. Догадки и предположения не сделаются сами собою истинами, если не подтвердятся или очевидными фактами, или несомненной логической связью явлений. Мы не сомневаемся в Промысле; но верим при этом, что все, что ни случается в мире, управляется тем же Промыслом – как известное, так и неизвестное, а, опираясь в суждениях только на Промысл, не останется ничего для самого суждения. Дело истории – исследовать причины частных явлений, а не причину причин, недоступную человеческому уму. Единственно, что мы знаем о северо-востоке, это то, что там было славянское народонаселение посреди финнов и с значительным перевесом над последними; что край этот имел те же общие зачатки, какие были и в других землях русского мира; но не знаем ни подробностей, ни способа применения общих начал к частным условиям. На юге, между тем, весь народ южнорусский в начале IX века ощутительно обозначается единством; несмотря на княжеские перегородки, он беспрестанно напоминает о своем единстве событиями своей истории; он усваивает одно имя Руси: у него одни общие побуждения, одни главные обстоятельства вращают его; его части стремятся друг к другу, – тогда как земли других ветвей общерусского славянского племени, например кривичи, обособляются своеобразными частями в общей связи. Новгород, обособленный с своею землею на севере, постоянно стремится к югу; он ближе к Киеву, чем к Полоцку или Смоленску. И это, конечно, происходит от ближайшей этнографической его связи с югом.

С половины XII века обозначается в истории характер Восточной Руси – Ростовско-Суздальско-Муромско-Рязанской земли. Явления ее самобытной жизни, по древней нашей летописи, начинаются с тех пор, как Андрей Юрьевич, в 1157 году, был избран особым князем всей земли Ростовско-Суздальской. Тогда уже явно выказывается своеобразный дух, господствующий в общественном строе этого края, и склад понятия общественной жизни, управлявший событиями, – отличие этих понятий от тех, которые давали смысл явлениям в Южной Руси и в Новгороде.

Эпоха эта чрезвычайно важна и представляет драгоценный предмет для исследователя нашего прошедшего: тут открывается нарисованная, хотя неясно, наподобие изображений в наших старых рукописях, картина детства великорусского народа. Тут можно видеть первые ростки тех свойств, которые составляли впоследствии источник его силы, доблестей и слабостей. Словно вы читаете детство великого человека и ловите в его ребяческих движениях начатки будущих подвигов.

Что отличает народ великорусский в его детстве от народа Южной Руси и других земель русских, это – стремление дать прочность и формальность единству своей земли. Андрея избирают единым во всей земле, на все города. У него несколько братьев и два племянника; их изгоняют, дозволяют оставаться только двум: одному, который, по болезни, не может быть никаким деятельным членом земли, и другому, который не показывает никаких властолюбивых наклонностей. Изгнание братьев не дело единого Андрея, но дело целой земли. Летописец края говорит, что те же, которые поставили Андрея, те же изгнали меньших братьев. Это единство, к которому явно стремились понятия, не могло, однако, сразу утвердиться и обратиться в постоянный и привычный порядок; впоследствии земля снова имела разом несколько князей; но зато один из них был великий князь, верховный всей земли. Вместе с тем тогда уже является, хотя в зародыше, стремление подчинить своей земле другие русские земли. Так, Муромская и Рязанская земли уже были подручны с своими князьями князю Ростовско-Суздальскому. Это не были личные желания одних князей, – напротив: князья, принадлежа к роду, которого значение связано было с единством всей русской федерации, сами заимствовали в восточнорусской местности это местное стремление. Из нескольких черт, сохраненных летописцем, при всей скупости последнего на заявление народных побуждений, видно, что князь в делах, обличавших, по-видимому, их личное властолюбие, действовали по внушению народной воли, и то, что приписывалось их самовластию, надобно будет приписать самовластным наклонностям тех, которые окружали князей. Когда Всеволод захотел отпустить пойманных князей – своего племянника и Глеба

Рязанского, владимирцы не допустили до этого и приговорили ослепить их. Когда тот же Всеволод идет на Новгород и осажда-ет Торжок, он расположен к миру и не хочет разорять волости, но дружина его требует этого: оскорбление князю она считает оскорблением себе. *“Мы не целовать их пришли”*, – говорят владимирцы иронически. Таким образом, стремление подчинить Новгород и вражда с Новгородом истекла не из княжеских, а из народных побуждений, и оттого-то новгородцы, отбив суздальцев от стен своего города, скоро сходились с суздальскими князьями и, напротив, неистово мстили уздальцам, продавая каждого суздальца по две ногаты. Оттого с таким ожесточением, с такою надменностью ополчалась Суздальская земля против новгородцев, вошедших туда победителями под знаменем Мстислава Удалого. Несколько раз можно заметить, как во время нападений князей Восточно-Русской земли на Новгород прорывалась народная гордость этой земли, успевшая уже образовать предрассудок о превосходстве своего народа пред новгородцами и о праве своего первенства над ними. Элементы образованности, воспитанные на киевской почве под православными понятиями, перешли в Восточную землю и там приняли иного рода рост и явились в ином образе. Вместо Киева южного явился на востоке другой Киев – Владимир; по всему видно, существовала мысль создать его другим Киевом, перенести старый Киев на новое место. Там явилась патрональная церковь Святой Богородицы Златоверхой и Золотые Ворота, явились названия киевских урочищ: Печерский город, река Лыбедь. Но нельзя было старого Киева оторвать от днепровских гор: те же отростки, под северо-восточным небом, на чужой почве, выросли иначе, иным деревом, другие плоды принесли.

Старые славянские понятия об общественном строе признавали за источник общей народной правды волю народа, приговор веча, из кого бы то ни состоял этот народ, как бы ни собиралось это вече, смотря по условиям; эти условия то расширяли, то суживали круг участвующих в делах, то давали вечу значение всенародного собрания, то ограничивали его толпою случайных счастливых в игре на общественном поле. При этом давно

возникла и укоренилась в понятиях идея князя-правителя, третейского судьи, установителя порядка, охранителя от внешних и внутренних беспокойств; между вечевым и княжеским началами само собою должно было возникнуть противоречие; но это противоречие улеглось и примирялось признанием народной воли веча над правом князя... Князь был необходим, но князь избирался и мог быть изгнан, если не удовлетворял тем потребностям народа, для которых был нужен, или же злоупотреблял свою власть и значение. Принцип этот в XI, XII и XIII веках вырабатывается везде: и в Киеве, и в Новгороде, и в Полоцке, и в Ростове, и в Галиче. Его явление сообразовалось с различными историческими внутренними обстоятельствами и разными условиями, в какие поставлены были судьбою русские земли. Этот принцип принимал то более единовластительного, то более народоправного духа; в одних землях князья выбирались постоянно из одной линии и, таким образом, водворение их как будто приближалось к наследственному праву, но не могло совершенно образоваться последнее, потому только, что не успело заглушиться выборное право, которое, по своему существу, умеряло непреложность обычая; в других – в Новгороде – при выборе князя народная воля не соблюдала вовсе никаких обычаев преемничества, кроме насущных текущих условий края.

В Киеве напрасно было бы искать какого-нибудь определенного права и порядка в преемничестве князей. Существовала, правда, в их условиях неясная идея старейшинства, но народное право избрания стояло выше нее. Изяслав Ярославич был изгнан киевлянами. Киевляне избрали полоцкого князя, случайно сидевшего в киевской тюрьме и уж ни по какому праву не ожидавшего такой чести. Изяслав только с помощью чужеземцев утвердился снова в Киеве. То был род чужеземного завоевания, и впоследствии польские историки понимали эти события так, как будто гонимая Русь находилась в ленной зависимости от Польши. Через несколько времени, едва только киевский князь избавил и себя, и киевлян от пособников, как был снова изгнан. Князь черниговский вступил на княжение Киевское. Изяслав опять должен был бежать. Хотя по этому поводу в летописи и не говорится об

участии киевлян, но само собою разумеется, что оно было: с одной стороны, не могли киевляне любить князя, который приводил на них чужеземцев и отдавал на казнь тех, кого подозревал в нерасположении и верховодстве над народом в минуту своего изгнания, с другой – и Святослав не мог бы водвориться в Киеве и свободно им править четыре года, если бы встретил оппозицию в народе. В дальнейшей истории несколько раз у летописца упоминается прямо, что князья водворялись по избранию и так же прогонялись; что вече считало за собою право судить их, прогонять и казнить установленные ими второстепенные власти, а иногда и их самих. Мономах был избран и в то же время постиг народный суд приближенных прежнего князя.

Всеволод, желая передать княжение брату Игорю, не мог этого сделать иначе, как испросив согласие веча; то же вече низвергло Игоря и призвало Изяслава Мстиславича, и потом убило Игоря. Изяслав Давидович, Ростислав Мстиславич Мстислав Изяславич, Роман Ростиславич, Святослав Всеволодович, Роман Мстиславич – обо всех этих князьях есть черты, показывающие, что они были избраны волею киевлян. Мало-помалу значение народа, руководящего делами, осталось за воинственной толпою дружин, шаек, составлявшихся из разных удальцов; они-то возводили и низвергали князей; князья были как бы орудием их, и – как всегда бывает в воинской державе – могли держаться только силою воли, умением, а не значением, какое занимали в своем роде.

Инородцы тюркского племени – черные клобуки, торки, берендеи – играли здесь деятельную роль наравне с туземцами, так что масса, управлявшая делами края, представляла пеструю воинственную смесь. Таков был образ быта Киевской земли. Козачество уже в своем существе возникало в XII–XIII веке. В Червоной Руси князья тоже избирались и прогонялись. Князь до того был зависим от веча, что даже семейная его жизнь состояла под контролем галичан. В Галицкой земле народная сила и значение сосредоточились в руках бояр – лиц, которые силою обстоятельств выступали из массы и овладевали делами края. Здесь уже прорывались начала того панства, которое под польским

владычеством охватило страну и, противопоставив себя массе народа, вызвало наконец ее в лице козаков. Читая историю Южной Руси XII и XIII веков, можно видеть юношеский возраст того общественного строя, который является в возмужалом виде через несколько столетий. Развитие личного произвола, свобода, неопределительность форм были отличительными чертами южнорусского общества в древние периоды, и так оно явилось впоследствии. С этим вместе соединялось непостоянство, недостаток ясной цели, порывчатость движения, стремление к созданию и какое-то разложение недосозданного, все, что неминуемо вытекало из перевеса личности над общинностью. Южная Русь отнюдь не теряла чувства своего народного единства, но не думала его поддерживать: напротив, сам народ, по-видимому, шел к разложению и все-таки не мог разложиться. В Южной Руси не видно ни малейшего стремления к подчинению чужих, к ассимилированию инородцев, поселившихся между ее коренными жителями; в ней происходили споры и драки более за оскорбленную честь или за временную добычу, а не с целью утвердить прочное вековое господство. Вначале, когда в Киеве утвердились варяжские князья с разноплеменной дружиной, поляне получили толчок к деятельности и стали как бы завоевателями народов: является идея присоединения земель, потребность центра, к которому бы эти земли тянулись; но и тогда не видно ни малейших попыток плотно прикрепить эти земли. Киев никак не годился быть столицей централизованного государства; он не искал этого; он даже не мог удержать первенства над федерацией, потому что не сумел организовать ее. В натуре южнорусской не было ничего насилующего, нивелирующего, не было политики, не было холодной расчитанности, твердости на пути к предназначенной цели. То же самое является на отдаленном севере, в Новгороде; суровое небо мало изменило там главные основы южного характера, и только неблагодарность природы развила более промышленного духа, но не образовала характера расчета и купеческой политики. Торговая деятельность соединилась там с тою же удалью, с тою же неопределенностью цели и нетвердостью способов к ее достижению, как и воинственное удальство южных

шаек. Новгород был всегда родной брат юга. Политики у него не было; он не думал утвердить за собою своих обширных владений, сплотить разнородные племена, которые их населяли, и ввести прочную связь и подчиненность частей, установить соотношение слоев народа; строй его правления был всегда под влиянием неожиданных побуждений личной свободы. Обстоятельства давали ему чрезмерно важное торговое значение; но он не изыскивал средств обращать в свою пользу эти условия и упрочить выгоды торговли для автономии своего политического тела; оттого он в торговом отношении совершенно попал в распоряжение иностранцев. В Новгороде, как и на юге, было много порывчатого удалства, широкой отваги, поэтического увлечения, но мало политической предприимчивости, еще менее выдержки. Часто горячо готовился он стоять за свои права, за свою свободу, но не умел соединить побуждений, стремившихся, по-видимому, к одной цели, но тотчас же расходившихся в приложении; потому-то он всегда уступал политике, отплачивался продуктами своей торговой деятельности и своих владений от покушений московских князей даже и тогда, когда, казалось, мог бы с ними сладить: он не предпринимал прочных мер к поддержке своего быта, которым дорожил; не шел вперед, но и не стоял болотной водой, а вращался, кружился на одном месте. Пред глазами у него была цель, но неопределенная, и не сыскал он прямого пути к ней. Он сознавал единство свое с Русскою землею, но не мог сделаться орудием ее общего единства; он хотел в то же время удержать в этом единстве свою отдельность и не удержал ее. Новгород – как и Южная Русь – держался за федеративный строй даже тогда, когда противная буря уже сломила его недостроенное здание.

Точно так и Южная Русь сохраняла в течение веков древние понятия; перешли они в кровь и плоть последней, бессознательно для самого народа: и Южная Русь, облекшись в форму козачества – форму, зародившуюся собственно в древности, – искала той федерации в соединении с Московщиною, где уже давно не стало этих федеративных начал.

Выше я заметил мимоходом, что козачество началось в XII–XIII веках. К сожалению, история Южной – Киевской – Руси как

будто проваливается после татар. Народная жизнь XIV и XV веков нам мало известна; но элементы, составлявшие начало того, что явилось в XVI веке ощутительно, в форме козачества, не угасали, а развивались. Литовское владычество сплотило разрозненные части, составило что-то целое, единое. Но скоро жизнь пошла по-прежнему. Князьки не Рюрикова, но уже нового, Гедиминова дома, обрусев скоро, как и прежние, стали, как эти прежние, играть своею судьбою. До какой степени было здесь участие народа, за скудостью источников нельзя определительно сказать; несомненно, что в сущности было что-то прежнее; те же дружины, те же воинственные толпы помогали князьям, возводили их, вооружали одних против других. Соединение с Польшею собрало живучие элементы Руси и дало им другое направление: из неоседлых правителей, предводителей шаек оно сделало поземельных владетелей; является направление заменить правом личные побуждения; польская национальность, обладая большим культурным развитием, чем русская, получила первенство над последнею, захватила в себя ее высшие классы, оторвала их от прямой народности, разорвала связь их с остальным народом и сообщила им самые благоприятные условия для порабощения этого народа. Народ, до того времени вращавшийся в омуте всеобщего произвола, то порабощенный сильными, то, в свою очередь, сбрасывающий этих сильных для того, чтоб возвести других, теперь подчиняется и порабощается правильно, то есть выражается до некоторой степени законность, справедливость такого порабощения. Но тут старорусские элементы, развитые до известной степени еще в XII веке и долго крившиеся в народе, выступают блестящим метеором в форме козачества. Но это козачество, как возрождение старого, невольно носит в себе уже зародыш разрушения. Оно вращается с такими идеями, которые уже не находили пищи в современном ходе исторических судеб. Козачество в XVI и XVII и удельность в XII и XIII веках гораздо более сходны между собою, чем сколько можно предположить: если черты сходства внешнего слабы в сравнении с чертами внешнего несходства, зато существенно внутреннее сходство. Козачество тоже разнородного типа, как древние киевские дружины, также в

нем есть примесь тюркского элемента, также в нем господствует личный произвол, то же стремление к данной цели, само себя парализующее и уничтожающее, – та же неопределительность, то же непостоянство, то же возведение и низложение предводителей, те же драки во имя их. Конечно, важным покажется то, что в древности обращалось внимание на род предводителей, их происхождение служило правом, а в козачестве, напротив, предводители избирались из равных. Но скоро уже козачество доходило до прежнего удельного порядка и, конечно, дошло бы, если бы случайные обстоятельства, часто мимо всяких предполагавшихся законов, поворачивающие ход жизненного течения, не помешали этому. Когда Хмельницкий успел заслужить славу и честь у козацкой братии, она возводила в предводители его сына, вовсе не способного по личным качествам. Выборы гетмана долго вращались около лиц, соединенных родством с Хмельницким, и только прекращение его рода было поводом, что родовое княжеское начало древней удельности не воскресло снова, хотя бы и в других формах.

На востоке, напротив, личная свобода суживалась и, наконец, уничтожилась. Вечевое начало некогда и там существовало и проявлялось. Избрание князей также было господствующим способом установления власти; но там понятие об общественном порядке дало себе прочный залог твердости, а на помощь подоспели православные идеи. В этом деле как нельзя более высказывается различие племен. Православие было у нас едино и пришло к нам чрез одних лиц, из одного источника; класс духовный составлял одну корпорацию, независимую от местных особенностей политического порядка: церковь уравнивала различия; и если что, то именно истекавшее из церковной сферы должно было приниматься одинаково во всем русском мире. Не то, однако, вышло на деле. Православие принесло к нам идею монархизма, освящение власти свыше, окружило понятие о ней лучами верховного мироправления; православие указало, что в нашем земном жизненном течении есть Промысл, руководящий нашими поступками, указывающий нам будущность за гробом; породило мысль, что события совершаются около нас то с бла-

гословения Божия, то навлекают на нас гнев Божий; православие заставило обращаться к Богу при начале предприятия и приписывать успех Божию изволению. Таким образом, не только в непонятных, необыкновенных событиях, но и в обычных, совершающихся в круге общественной деятельности, можно было видеть чудо. Все это внесено было повсюду, повсюду принялось до известной степени, применилось к историческому ходу, но нигде не победило до такой степени противоположных старых понятий, нигде не выразилось с такою приложимостью к практической жизни, как в Восточной Руси. При своей всеобщности православие давало, однако, несколько простора и местным интересам: оно допускало местную святыню, которая не переставала быть всеобщеною, но оказывала свое покровительство особенно одной местности. Так во всех землях русских возникли патрональные храмы: в Киеве – Десятинная Богородица и София; в Новгороде и Полоцке – Святая София; в Чернигове и Твери – Святой Спас, и так далее; везде верили в благословение на весь край, исходящее из такого главного храма. Андрей во Владимире построил церковь Святой Богородицы златоверхую, поместив там чудотворную икону, похищенную им из Вышгорода. Нигде до такой степени святыня патронального храма не являлась с плодотворным чудодействующим значением, как там. В летописи Суздальской земли каждая победа, каждый успех, чуть не каждое сколько-нибудь замечательное событие, случавшееся в крае, называется чудом этой Богородицы (сотвори чудо Святая Богородица Владимирская).

Идея высшего управления событиями доходит до освящения успеха самого по себе. Предприятие удастся, следовательно – оно благословляется Богом, следовательно – оно хорошо. Возникает спор между старыми городами Ростовско-Суздальской земли и новым – Владимиром. Владимир успел в споре; он берет перевес: это – чудо Пресвятой Богородицы. Замечательно место в летописи, когда после признания, что ростовцы и суздальцы, как старшие, действительно поступали по праву (*хотяще свою правду поставити*), после того как дело этих городов подводится под обычай всех земель русских, летописец говорит, что, противясь

Владимиру, они не хотели правды Божией (*не хотяху сотвори-ти правды Божия*) и противились Богородице. Те города хотели поставить своих избранных землею князей, а Владимир поставил против них Михаила, и летописец говорит, что сего же Михаила избра святая Богородица. Таким образом, Владимир требует себе первенства в земле на том основании, что в нем находилась святыня, которая творила чудеса и руководила успехом. Володимирцы, рассуждает тот же летописец, прославлены Богом по всей земле, за их правду Бог им помогает; при этом летописец объявляет, почему володимирцы так счастливы: его же бо человек просит у Бога всем сердцем, то Бог его не лишит. Таким образом, вместо права общественного, вместо обычая, освященного временем, является право предприятия с молитвою и Божия соизволения на успех предприятия. С виду покажется, что здесь крайний мистицизм и отклонение от практической деятельности, но это только кажется: в самой сущности здесь полнейшая практичность, здесь открывается путь к устранению всякого страха пред тем, что колеблет волю, здесь полный простор воли; здесь и надежда на свою силу, здесь умение пользоваться обстоятельствами. Владимир, в противность старым обычаям, древнему порядку земли, делается верховным городом, потому что Богородица покровительствует ему, а ее покровительство видно из того, что он успеваает. Он пользуется обстоятельствами, тогда как его противники держатся боярством, избранным высшим классом; Владимир поднимает знамя массы, народа, слабых против сильных; князья, избранные им, являются защитниками в пользу слабых. О Всеволоде Юрьевиче летописец говорит: "Судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лице сильных своих бояр, обидящих меньших и работающих сироты и насилье творящих". Вместе с тем право избрания, вечевое начало принимает самый широкий размер и тем подрывает и уничтожает самоё себя. Князя Всеволода Юрьевича избирают володимирцы на вече, пред своими Золотыми воротами, не одного, но и детей его. Таким образом, вечевое право считает возможным простирает свои приговоры не только на живых, но и на потомство, устанавливает твердый, прочный порядок на долгое время, если не навсегда, до первого ума, ко-

торый возмoжет найти иной поворот по новому пути и повести к своей новой цели, возводя по-прежнему в апотеоз успех предприятия, освящая его благословением Божиим.

Наконец, самое возвышение нового города Владимира здесь имеет свой собственный смысл и отпечатлевается характером великороссийским. Известно, как ученые придавали у нас значение новым городам именно потому, что они новые. По нашему мнению, новость городов сама по себе еще ничего не значит. Возвышение новых городов не могло родить новых понятий, выработать нового порядка более того, сколько бы все это могло произойти и в старых. Новые города населялись из старых, следовательно, новопоселенцы невольно приносили с собой те понятия, те воззрения, какие образовались у них в прежнем месте жительства. Это в особенности должно было произойти в России, где новые города не теряли связи со старыми. Если новый город хочет быть независимым, освободиться от власти старого города, то все-таки он по одному этому будет искать сделаться тем, чем старый, не более. Для того чтобы новый город зародил и воспитал в себе новый порядок, нужно, чтоб или переселенцы из старого, положившие основание новому, вышли из прежнего вследствие каких-нибудь таких движений, которые были противны массе старого города, или чтоб они на новоселье отрезаны были от соприкосновения со старым порядком и поставлены в условия, способствующие развитию нового. Переселенцы, как бы далеко они ни отбились от прежних жилищ, удерживают старый быт и старые коренные понятия сколько возможно, насколько не стирают их новые условия; изменяют их только вследствие неизбежности, при совершенной несовместности их с новосельем, и притом изменяют нескоро: всегда с усилиями что-нибудь оставить из старого. Малороссияне двигались в своей колонизации на восток, дошли уже за Волгу, и все-таки они в сущности те же малороссияне, что в Киевской губернии, и если получили что-нибудь особенное в слове и понятиях и в своей физиогномии, то это произошло от условий, с которыми судьба судила им сжиться на новом месте, а не потому единственно, что они переселенцы. То же надобно сказать о сибирских русских переселенцах: они

все русские, и отличия их зависят от тех неизбежных причин, которые понуждают их несколько измениться, применяя условия климата, почвы, произведений и соседства в свою пользу. Новые города в древней России, возникая на расстоянии каких-нибудь десятков верст от старых, как Владимир от Суздаля и Ростова, не могли, по-видимому, иметь даже важных географических условий для развития в себе чего-нибудь совершенно нового. Даже и тогда, когда новый город отстоял от старого на сотни верст, главные, однако ж, признаки географии условливали их сходство. Нам кажется, ученые не напрасно ищут нового элемента, но его следует искать не в новых городах, а в новых людях. Вся суть в том, что на северо-востоке России слагалась новая славяно-русская народность – с своеобразным характером, с отличными условиями и приемами жизни. Ее начало теряется в прежних временах, о которых у нас нет известий; в XII веке она выказывает свое существование некоторыми выпуклыми чертами. Мы не в силах проследить, как они составлялись и как вырабатывались до тех пор, пока не приняли того типа, который является нам вполне в позднейшие времена. Знаем только, что в этих краях жили инородцы финско-тюркского племени; в их земли вторглись Славяне и селились там. Вторжение это в значительной степени должно падать на долю кривичей, так как великорусское наречие представляет относительно большую близость с белорусским. Затем, нам исторически известно, что туда переселялись люди из Южной Руси. Мы не знаем, какое отношение к составлению этой народности имели вятичи – племя, о котором нет возможности делать почти никаких заключений и по последующим чертам, но, несомненно, впоследствии, когда великорусская территория дошла до пределов этого племени и, наконец, захватила его в свои пределы, элементы, составлявшие достояние народности вятичей, вошли в состав великорусской народности.

Славяне, подвигавшиеся сюда с разных сторон, должны были образовать смесь уже потому, что приходили из разных ветвей русского народа, и эта смесь непременно получить должна была своеобразные черты. Но в каком отношении были эти пришельцы и их потомки к туземным инородцам? Вот важнейший вопрос,

на который мы отвечать не в состоянии, если не захотим блуждать в области вероятий, догадок и предположений: известно, что поляки, а за ними и западноевропейские ученые составили теорию, которая признает в великорусском народе такую большую примесь, что называет этот народ принадлежащим к туранской расе, смешавшимся несколько со славянской. Так как люди, проводившие эту теорию, совершенно не были подготовлены для обсуждения такого важного предмета, поэтому и теория их не имеет никакого научного достоинства. Нам остается пожалеть, что этот вопрос – один из важнейших в русской истории – не был в надлежащей степени ученым образом рассмотрен и обследован. Он может быть до некоторой степени уяснен, если не решен, только при помощи глубоких филологических и этнографических знаний как в области инородцев, так и русской народности. В настоящее время мы скажем только следующее: не зная, как происходила борьба внедрившихся в северо-восточный край России славян с туземцами, не зная, в какой степени происходило поглощение народности последних народностью первых, мы все-таки убеждены, что отношения славян к инородцам непременно должны были содействовать образованию особого народного типа, хотя бы, как мы и видим, славянский элемент одержал полнейшее господство над инородческим. Точно так же и особые этнографические и климатические условия должны были содействовать этому.

В XII веке и в начале XIII Владимир в исторической жизни является нам зерном будущей Великой Руси, в коем, хотя в слабом виде, заметны уже те начала, которые развили целость русского мира, давали силу и прочность образовавшемуся при иных условиях единоподержавному государству. Мы замечаем здесь стремление к сплочению частей, к установке прочной власти, к подчинению, если не к присоединению, других русских земель, стремление к расширению территории на счет инородцев и к прочному утверждению в них посредством заведения городов, народную гордость под знаменем религии, успех, освящаемый идеею Божия соизволения, опору на массу вместо дружины, как это высказалось в борьбе Владимира с Ростовом, покорность

избранной власти – все это представляется в образе молодого побега, который вырос огромным деревом под влиянием последующих обстоятельств, давших сообразный способ его возрастанию. Татарское завоевание дало новую стихию политическому составу Руси. При всех своеобразных чертах, замечаемых в Северо-Восточной Руси, мы не видим там в дотатарское время никаких зачатков монархизма: влияние старых вечевых начал свободы господствовало там не меньше, как и в других краях русско-славянского мира; но мы усматриваем такие черты народного характера, которые показывают способность к развитию восприимчивости того политического строя, который образовался после татарского завоевания.

Монголы не насильствовали народного самоуправления систематически и сознательно. Политическая их образованность не достигла стремления к сплочению масс и централизации покоренных частей. Победа знаменовалась для них двумя способами: всеобщим разорением и собиранием дани. И то и другое потерпела Россия. Но для собирания дани необходимо было одно доверенное лицо на всю Русь, один приказчик хана: это единое лицо, этот приказчик подготовлен был русскою историею заранее в особе великого князя, главы князей, и, следовательно, управления землями. И вот глава князей стал доверенным лицом нового господина. Право старейшинства и происхождения и право избрания равным образом должны были подчиниться другому праву – воле государя всех земель, государя законного, ибо завоевание есть фактический закон выше всяких прав, не подлежащий рассуждению. Но ничего не было естественнее, как возникнуть этому ханскому приказчику в той земле, где существовали готовые семена, которые оставалось только поливать, чтобы они созрели.

Знамя успеха под покровительством благословения Божия поднято в Москве, на другом новоселье, так же точно, тем же порядком, как оно прежде было поднято во Владимире. Пригород опять перевысил старый город, и опять помогает здесь церковь, как помогала она во Владимире. Над Москвою почует благословение церкви: туда переезжает митрополит Петр; святой муж

своими руками приготовляет себе там могилу, долженствующую стать историческою святынею местности; строится другой храм Богородицы, и вместо права, освященного стариною, вместо народного сознания, парализованного теперь произволом завоевания, берет верх и торжествует идея Божия соизволения к успеху. Здесь не место разрешать важный вопрос: какие именно условия способствовали возвышению Москвы пред Владимиром; этот вопрос относится уже специально к истории Великороссии, а у нас идет дело единственно только о противоположности общих начал в народностях. Заметим, однако, что Москва, точно как древний Рим, имела сбродное население и долго поддерживалась новыми приливами жителей с разных концов русского мира. В особенности это можно заметить о высшем слое народа – боярах и в то время многочисленной дружине. Они получали от великих князей земли в Московской земле; следовательно, та же смесь населения касалась не только города, но и земли, которая тянула к нему непосредственно. При такой смеси различные старые начала, принесенные переселенцами из прежних мест жительства, сталкиваясь между собою на новоселье, естественно должны были произвести что-то новое, своеобразное, не похожее в особенности ни на что, из чего оно составилось. Новгородец, суздалец, полочанин, киевлянин, волынец приходили в Москву, каждый со своими понятиями, с преданиями своей местной родины, сообщали их друг другу; но это уже переставало быть тем, чем было у первого и второго, и у третьего, а стало тем, чем не было оно у каждого из них в отдельности. Такое смешанное население всегда скорее показывает склонность к расширению своей территории, к приобретательности на чужой счет, к поглощению соседей, к хитрой политике, к завоеванию и, положив зародыш у себя в тесной сфере, дает ему возрасти в более широкой, – той сфере деятельности, которая возникает впоследствии от расширения пределов. Так, Рим, бывши сначала сбродным местом беглецов из всех краев разностихийной Италии, воспитал в себе самобытное, хотя составленное из многого, но не похожее в сущности на то или другое из этого многого, политическое тело с характером стремления – расширяться более и более,

покорять чужое, поглощать в себя разнородное, поработать то силою оружия, то силою коварства. Рим стал насильственно главою Италии и впоследствии всю Италию сделал Римом. Москва относительно России имеет много аналогии с Римом по отношению последнего к Италии. Разительным сходством представляется вернейшее средство, употребляемое одинаково и Римом и Москвою для соединения первым – Италии, второю – России в единое тело: это переселение жителей городов и даже целых волостей и размещение на покоренных землях военного сословия, долженствующего служить орудием ассимилирования местных народностей и сплочения частей воедино. Такую политику показала резко Москва при Иване III и Василии, его сыне, когда из Новагорода и его волости – из Пскова, из Вятки, из Рязани выводились жители и разводились по разным другим русским землям, а из других переводимы были служилые люди и получали земли, оставшиеся после тех, которые подверглись экспроприации. Москва возникла из смешения русско-славянских народностей и в эпоху своего возрастания поддерживала свое дело таким же народосмешением. Вероятно, подобной смеси населения одолжен был некогда Владимир и своим появлением, и особенным направлением, хотя, по скудости источников о Владимире, мы ограничиваемся одним предположением того, что о Москве можно сказать с большим правом исторической достоверности. Их направление было сходно. Москва ли взяла верх или другой город – это отчасти совершилось по одному и тому же принципу. Как некогда Владимир стремился подчинять Муромскую и Рязанскую земли и первенствовать над другими землями Руси, так теперь Москва, по тому же пути, но совершенно при других условиях, подчиняет себе земли и княжества, и не только подчиняет, но уже и поглощает их. Владимиру невозможно было достигнуть до того, до чего достигла Москва; тогда еще живучи были вечевые и федеративные начала: теперь, под влиянием завоевания и развития в народном духе уничтожающих их противоположных начал, первые задушены страхом вознесенной власти, вторые ослабели вслед за первыми. Князья все более и более переставали зависеть от избрания и не стали, вследствие этого, переходить с

места на место; утверждались на одних местах, начали смотреть на себя как на владетелей, а не как на правителей, стали прикрепляться, так сказать, к земле и тем самым содействовать прикреплению народа к земле. Москва, поработавшая и подчиняя других, тем самым возрождала идею общего отечества, только уже в другой форме – не в прежней федеративной, а единодержавной. Так составилась монархия Московская; так из нее образовалось государственное русское тело. Ее гражданственная стихия есть общность, поглощение личности, так как в южнорусском элементе, как на юге, так и в Новгороде, принцип личности постоянно показывал свою живучесть.

С церковью случилось в великорусском мире обратное тому, что было в южнорусском. В южнорусском хотя она имела нравственное могущество, но не довела своей силы до того, чтоб бездоказательно освящать успех факта; на востоке она необходимо, в лице своих представителей – духовных сановников, должна была сделаться органом верховного конечного суда, ибо для того, чтоб дело приняло характер Божия соизволения, необходимо было признание его таким от тех, кто обладал правом решать это. Поэтому церковные власти на востоке стояли несравненно выше над массою и имели гораздо более возможности действовать самовластно. Уже в XII веке, именно во время детства Великороссии, встречаем там епископа Феодора, который, добиваясь признания независимости своей епархии, делал разные варварства и насилия. (Много бо пострадаша человеци от него в держании его, и сел избебывши и оружья и конь; друзии же и работ добыша, заточенья же и грабленья не токмо простцем, но и мнихом, игуменом и ереем; безжалостив сый мучитель, другим человеком головы порезывал и бороды, иным же очи выжигая и язык урезая, а иные распиная на стене и мучи немилостивне, хотя исхитити от всех именье; именья бо бе несът якы ад). К сожалению, для нас остается неизвестным, какими средствами и при каких условиях достиг епископ возможности так поступать; но, без сомнения, он опирался здесь на светскую власть Андрея Боголюбского, который для освящения своих предприятий нуждался в особом независимом верховном сановнике церковном Владимирской зем-

ли, отдельно от Киевской митрополии, и сильно домогался, чтоб патриарх учредил независимого епископа. Светская власть опиралась на духовную, духовная – на светскую. В то время невозможно было юным началам, еще не окрепшим, часто не уступать старым, не потерявшим еще своей живучести, и потому Феодор расплатился в Киеве за свою гордыню, как выдавший его головою князь, чрез несколько лет, тоже расплатился в Боголюбове. Ростов был в глазах Андрея и Феодора ниже Владимира, ибо Андрей делает епископа независимым от Ростова. Патриарх на это не согласился, но посвятил Феодора во епископы Ростову, предоставив ему жить во Владимире. Вероятно, злодеяния, которые допускал себе Феодор, были вызваны оппозициею, встреченною им в Ростове против своих намерений возвыситься во Владимире и в церковном отношении, как он возвысился над Ростовом в мирском. Но, исполняя сначала волю Андрея, Феодор, видно, уже слишком хотел показать, как важна власть епископа для самого князя. Андрей предал его на погибель. Светская власть князя, освящаемая духовною, не допускает, однако, последней подчинить себя, и коль скоро последняя вступает в борьбу, дает ей удар. Так совершалось и впоследствии в течение всей истории Великороссии. Духовенство поддерживало князей в их стремлении к единовластию; князья также ласкали духовенство и содействовали ему сильно; но при каждом случае, когда духовная власть переставала идти рука об руку с единодержавною светскою, последняя сейчас давала почувствовать духовной власти, что светская необходима. Это взаимное противовесие вело так успешно к делу. Власть светская, подчинившись духовной, допустивши теократический принцип, не могла бы идти прямым путем, не могла бы приобретать освящения своим предприятиям; тогда родились бы сами собою права, которые бы ее связывали. Но коль скоро духовная пользовалась могуществом, которое, однако, всегда могла от нее отнять светская, тогда, для поддержания себя, духовная должна была идти рядом со светскою и вести ее к той цели, какую избирает последняя. Поэтому в истории Великороссии мы видим неоднократные примеры, как первопрестольники церкви потворствовали светским монархам и освящали их дела, даже

совершенно противные уставам церкви. Так, митрополит Даниил одобрил развод Василия с Соломонию и заключение бедной великой княгини; а Иоанну IV разрешило духовенство четвертый брак, которым церковь издавна гнушалась. С другой стороны, видим примеры, как оппозиция духовной власти против государей была неудачна. Митрополит Филипп заплатил жизнью за обличение душегубств и кощунств того же Иоанна Грозного; а царь Алексей Михайлович не затруднился пожертвовать любимцем Никоном, когда тот поднял слишком независимо голову, защищая самобытность и достоинство правителя церкви. Зато при обоюдном согласии властей, когда как светская не требовала от духовной признания явно противного церкви, так духовная не думала стать выше светской, церковь фактически обладала всею жизнью – и политической, и общественной, и власть была могущественна потому, что принимала посвящение от церкви. Так-то философия великорусская, сознав необходимость общественного единства и практического жертвования личностью, как условием всякого общего дела, доверила волю народа воле своих избранных, предоставила освящение успеха высшему выражению мудрости, и так дошла она в свое время до формулы: Бог да царь во всем! – формулы, знаменующей крайнее торжество господства общности над личностью.

В тот отдаленный от нас период, который мы назвали детством Великороссии, в религиозности великорусской является свойство, составляющее ее отличительную черту и впоследствии в противоречии с тем складом, какой религиозность приобрела в южнорусской стихии. Это – обращение к обрядам, к формулам, сосредоточенность во внешности. Таким образом, на северо-востоке поднимается толк о том, можно ли есть в праздники мясо и молочное. Это – толк, принадлежащий к разряду множества расколов, существующих и в наше время и опирающихся только на внешности.

На юге в древности мы встречаем два не вполне известных нам уклонения от православия, но не в том духе, именно – Адриана и Димитрия: они касались существенных уставов церкви, и мнения их относились к кругу ересей, то есть таких несправедли-

вых мнений, которые, во всяком случае, возникали от умственной работы над духовными вопросами; в этом отношении южнорусское племя и впоследствии не отличалось спорами о внешности, которыми так богат север. Известно, что в течение веков, как и теперь, у малороссиян расколов и споров об обрядах не было. На севере, в Новгороде и Пскове, состязательство о внешности хотя коснулось умственного движения в духовных вопросах в известном толке о сугубом аллилуия и в новгородском споре о том, как следует произносить: Господи помилуй или: о Господи помилуй, – но едва ли такие толки в древности действительно занимали умы на севере, – ибо обстоятельства спора об аллилуях, известные из жития Ефросина, еще подвержены сомнению, так что многие считают это сочинение, дошедшее до нас не в современных списках, составленным или, по крайней мере, переделанным раскольниками, старавшимися придать всевозможнейшую важность этому вопросу, который, как известно, был один из главных, возбуждавших старообрядчество к отпадению от господствующего тела Русской церкви. Притом же в самой повести о Ефросине изображается, что Псков держался трегубой, а не сугубой аллилуии! Распространеннее и знаменательнее было другое еретическое умственное брожение на севере, проявившееся первый раз в стригольниках, в продолжение века тлевшее в умах и потом разразившееся смесью различных толков, сгруппированных Иосифом Волоцким в его "Просветителе" около жиждовствующей ереси. Это брожение, чисто новгородского пошиба, перешло потом во всю Русь и долго подымалось в различных формах оппозицию против авторитета мнений. Мы не скажем, однако, что такое реформационное направление имело большой успех в Новгородском и Псковском мире; оно только показывает, что племя южнорусское в своих уклонениях от церкви следовало иному пути, чем великорусское. В Южной Руси после мимоходных явлений в XI и XII веках не встречается попыток к оппозиции против авторитета церковной науки, и только в XVI веке стало было кружить арианство, когда Симон Будный распустил свой катехизис на южнорусском языке, и, по свидетельству униатов, некоторые священники, по невежеству, не подозревая в нем ере-

си, еще и похваливали его. В массе народа это явление не имело успеха.

Единственное уклонение от православия, увлекавшее до известной степени народ, была уния с Римско-католическою церковью; но известно, что она вводится была интригами и насилием, при благоприятствующей помощи привлеченного к католичеству дворянства; она в народе нашла против себя упорную и кровавую оппозицию. Белорусское племя, вообще более кроткой и податливой природы, сильнее подчинялось гнетущим обстоятельствам и более показало склонность, если не принять унию добровольно, то, по крайней мере, допустить ее, когда нельзя было не допустить ее иначе как энергическим противодействием. Но в Южной Руси было не то. Там народ, чувствуя насилие совести, поднялся огромным пластом на защиту своей старины и свободы убеждения и в последнее время, даже приняв унию, гораздо охотнее от нее отстал, чем белорусы. Так, южнорусское племя, не давая духовенству права безусловного освящения факта, в самой сущности пребыло вернее самой церкви, чем великорусское, обнимая более ее дух, чем форму. В настоящее время раскол из-за формы, обрядности, буквы немыслим в южнорусском народе: с этим всяк согласится, кто сколько-нибудь знает этот народ, присмотрелся к его жизни и прислушался к его коренным понятиям.

Мы видели, как еще в своем детстве великорусская стихия, централизируясь во Владимире, а потом, в эпоху юности – в Москве, показывала направление к подчинению, а потом и поглощению самобытности частей. В религиозно-умственной сфере отразилось то же. Образовалась нетерпимость к чужим верам, презрение к чужим народностям, высокомерное мнение о себе. Все иностранцы, посещавшие московщину в XV, XVI, XVII столетиях, единогласно говорят, что Москвитяне презирают чужие веры и народности; сами цари, которые в этом отношении стояли впереди массы, омывали свои руки после прикосновения иноземных послов христианских вероисповеданий. Немцы, допущенные жить в Москве, подвергались презрению от русских; духовенство вопияло против общения с ними; патриарх, неосторожно благословивши их, требовал, чтоб они отличались порезче от пра-

вославных наружным видом, чтоб вперед не получить нечаянно благословения. Латинская и лютерская, армянская и другая всякая вера, чуть только отличные от православной, считались у великоруссов проклятыми. Московские русские считали себя единственным избранным народом в вере, и даже не вполне были расположены к единоверным народам – к грекам и малороссиянам: чуть только что-нибудь было несходно с их народностью, то заслуживало презрения, считалось ересью; на все не свое они смотрели свысока.

Образованию такого взгляда неизбежно способствовало татарское порабощение. Долгое унижение под власть чужезверцев и иноплеменников выражалось теперь высокомерием и унижением других. Освобожденный раб способнее всего отличаться надменностью. Это-то и вынудило то увлечение иноземщиною, которое со времен Петра является в виде реформы. Крайность, естественно, вызывает противную крайность.

В южнорусском племени этого не было. Издавна Киев, потом Владимир-Волынский были сборным пунктом местопребывания иноземцев разных вер и племен. Южноруссы с незапамятных времен привыкли слышать у себя чуждую речь и не дичиться людей с другим обличьем и с другими наклонностями. Уже в X веке, и вероятно древнее, из Южной Руси ходили в Грецию: одни занимались промыслами в чужой земле, другие служили в войске чужих государей. После принятия крещения перенесенная в Южную Русь юная христианская цивилизация привлекала туда еще более чужеземной стихии из разных концов. Южноруссы, получивши новую веру от греков, не усвоили образовавшейся в Греции неприязни к Западной церкви; архипастыри, будучи сами чужими, старались пересадить ее на девственную почву, но не слишком успевали: в воображении южнорусском католик не принимал враждебного образа. Особы княжеского рода сочетались браком с особами владетельных домов католического исповедания; то же, вероятно, делалось и в народе. В городах южнорусских греки, армяне, жидаи, немцы, поляки, угры находили вольный приют, ладили с туземцами: поляки, забравшись в Киевскую землю в качестве пособников князя Изяслава, пленились веселостью жизни

в чужой земле. Этот дух терпимости, отсутствие национального высокомерия перешел впоследствии в характер козачества и остался в народе до сих пор. В козацкое общество мог приходиться всякий: не спрашивали, кто он, какой веры, какой нации. Когда поляки роптали, что козаки принимают к себе разных бродяг и в том числе еретиков, убежавших от преследований духовного суда, козаки отвечали, что у них издавна так ведется, что каждый свободно может прийти и уйти. Неприятные поступки над католическою святынею во время козацкого восстания происходили не от ненависти к католичеству, а с досады за насилие совести и за принуждение. Походы против турок и крымцев, с одной стороны, имели побудительными причинами не слепой фанатизм против неверных, но мщение за их набеги и за плен русских жителей, а с другой – ими водил дух удалства и страсть к добыче, которая необходимо развивается во всяком воинственном обществе, в каком бы племени и в какой бы земле оно ни организовалось. Память о кровавых временах вражды с поляками не изгладилась у народа до сих пор, но вражды собственно к римско-католической вере, безотносительно к польской народности, у него нет. Южнорусс не мстителен, хотя злопамятен ради осторожности. Ни католический костел, ни жидовская синагога не представляются ему погаными местами; он не побрезгует есть и пить, войти в дружбу не только с католиком или протестантом, но и с евреем, и с татаринном. Но неприязнь вспыхивает у него еще сильнее, чем у великорусса, если только южнорусс заметит, что иноверец или иноземец начинает оскорблять его собственную святыню. Коль скоро предоставляется другим свобода и оказывается другим уважение, то естественно требовать и для себя такой же свободы и взаимного уважения.

В Новгороде мы видим тот же самый дух терпимости. Иноверцы пользовались правом безопасного жительства и богослужения; разницы в отношении иноверных христиан полагалось так мало, что в Кириковых вопросах указывается на такое явление, что матери носили детей своих крестить, вместо православного, к римско-католическому (варяжскому) священнику. Построение варяжской церкви в Новгороде произвело в грядущих

поколениях духовенства легенду, в которой показывается, как естественное старание некоторых духовных фанатиков вооружить православных туземцев против иноверцев было безуспешно. Множество инородцев-язычников в Новгородской волости не было обращено насильственно к христианству. Новгородцы были до того неэнергичными распространителями веры, что в Водской земле еще в XVI веке было язычество. Вера расходилась между водью не скоро, зато мирным путем. Принцип веротерпимости соблазнял сильно западное христианство, когда Новгород, подавая помощь чудским народам против немцев и шведов, хотевших насилеием обратить их к истинной вере, вступал в неприязненные отношения к ордену и Швеции. Папы в своих буллах укоряли новгородцев во вражде к христианству, в защите язычества и возбуждали против них крестовый поход. Немцы и шведы, с которыми приходилось Новгороду и Пскову воевать, были в глазах последних политические, а не религиозные враги; вражда доходила несколько до религиозного характера только тогда, когда с противной стороны оказывалось прямое посягательство на святыню православной веры; то же самое, что видим и в Южной Руси. Нехристиане не подвергались также в Новгороде ненависти; доказательство, что евреи, которые не смели появиться в Великой Руси, в Новгороде до того могли находить приют, что даже в силах были завести еретическую секту и совращать в нее туземцев. Когда, с одной стороны, папы и западные духовные обвиняли Великий Новгород в пособии язычникам против христианства, с другой – православным сановникам не нравилась излишняя веротерпимость новгородцев, духовные негодовали на них за общение с латинами и усвоение чужих обычаев: они хотели поддерживать в народе мысль о поганстве всех неправославных и с этою целью приказывали предавать церковному освящению съестные припасы, полученные из-за границы, прежде их употребления в пищу.

Из этого короткого исторического обзора различия, возникшего в отдаленные от нас времена между двумя русскими народностями, можно заключить, что племя южнорусское имело отличительным своим характером перевес личной свободы, ве-

ликорусское – перевес общности. По коренному понятию первых, связь людей основывается на взаимном согласии и может распасться по их несогласию; вторые стремились установить необходимость и неразрывность раз установленной связи и самую причину установления отнести к Божией воле, а следовательно, изъять от человеческой критики. В одинаковых стихиях общественной жизни первые усваивали дух, вторые стремились дать ему тело; в политической сфере первые способны были создавать внутри себя добровольные товарищества, связанные настолько, насколько к тому побуждала насущная необходимость, и прочные настолько, насколько существование их не мешало неизменному праву личной свободы; вторые стремились образовать прочное общинное тело на вековых началах, проникнутое единым духом. Первое вело к федерации, но не сумело вполне образовать ее; второе повело к единовластию и крепкому государству: довело до первого, создало второе. Первое оказалось много раз неспособным к единой державной государственной жизни. В древности оно было господствующим на русском материке, и когда пришла неизбежная пора или погибнуть, или сплотиться, должно было невольно сойти со сцены и уступить первенство другому. В великорусском элементе есть что-то громадное, создательное, дух стройности, сознание единства, господство практического рассудка, умеющего выстоять трудные обстоятельства, уловить время, когда следует действовать, и воспользоваться им насколько нужно. Этого не показало наше южнорусское племя. Его свободная стихия приводила либо к разложению общественных связей, либо к водовороту побуждений, вращавших беличьим колесом народную историческую жизнь. Такими показало нам эти две русские народности наше прошедшее.

В своем стремлении к созданию прочного, осязаемого тела для признанной раз идеи великорусское племя показывало всегда и теперь показывает склонность к материальному и уступает южнорусскому в духовной стороне жизни, в поэзии, которая в последнем развилась несравненно шире, живее и полнее. Прислушайтесь к голосу песен, присмотритесь к образам, сотворенным воображением того и другого племе-

ни, к созданным тем и другим народным произведениям слова. Я не скажу, чтобы великорусские песни лишены были поэзии; в них высокопоэтической является именно сила воли, сфера деятельности, именно то, что так необходимо для совершения задачи, для какой определил себя этот народ в историческом течении политической жизни. Лучшие великорусские песни те, где изображаются моменты души, собирающей свои силы, или где представляется торжество ее или неудачи, не ломающие, однако, внутреннего могущества. Оттого так всем нравятся песни разбойничьи: разбойник – герой, идущий бороться и с обстоятельствами, и с общественным порядком. Разрушение – его стихия, но разрушение неизбежно предполагает воссоздание. Последнее высказывается уже и в составлении разбойнических шаек, которые представляют некоторого рода общественное тело. И потому да не покажется странным, если мы будем усматривать в разбойнических песнях ту же стихию общинности, то же стремление к воплощению государственного тела, какое находим во всем проявлении исторической жизни великорусского племени. Великорусский народ, практический, материальный по преимуществу, восходит до поэзии только тогда, когда выходит из сферы текущей жизни, над которою работает, работает не восторгаясь, не увлекаясь, примериваясь более к подробностям, к частностям и оттого упуская из виду образный идеал, составляющий сущность опозтезирования всякого дела и предмета. Оттого поэзия великорусская так часто стремится в область необъятного, выходящего из границ природной возможности, также часто ниспадает до простой забавы и развлечения. Историческое воспоминание сейчас обращается в эпос и превращается в сказку; тогда как, напротив, в песнях южнорусского племени оно более удерживает действительности и часто не нуждается в возведении этой действительности до эпоса, для того чтобы блистать силою роскошной поэзии. В великорусских песнях есть тоска, раздумье, но нет почти той мечтательности, которая так поэтически пленяет нас в южнорусских песнях, уносит душу в область воображения и согревает сердце неземным, нездешним огнем. Участие природы слабо в великорусских песнях, а в южнорусских чрезвы-

чайно сильно: южнорусская поэзия нераздельна от природы, она оживляет ее, делает ее участницею радости и горя человеческой души; травы, деревья, птицы, животные, небесные светила, утро и вечер, весна и снег – все дышит, мыслит, чувствует вместе с человеком, все откликается к нему чарующим голосом то участия, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзии, в великорусских песнях редко возвышается над материальностью: напротив, в южнорусских оно достигает высочайшего одухотворения, чистоты, высоты побуждения и грации образов. Даже материальная сторона любви в шуточных песнях изображается с тою анакреонтическою грациею, которая скрадывает тривиальность и самую чувственность одухотворяет, облагораживает. Женщина в великорусских песнях редко возвышается до своего человеческого идеала: редко ее красота возносится над матернею; редко влюбленное чувство может в ней ценить что-нибудь за пределом телесной формы; редко выказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина в поэзии своего народа, напротив, до того духовно прекрасна, что и в самом своем падении высказывает поэтически свою чистую натуру и стыдится своего унижения. В песнях игривых, шуточных резко выражается противоположность натуры того и другого племени. В южнорусских песнях этого рода вырабатывается прелесть слова и выражения, доходит до истинной художественности: отдыхающая человеческая природа не довольствуется простой забавой, но сознает потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселье хочет обнять ее стихиями прекрасного, освятить мыслию. Напротив, великорусские песни такого разряда показывают не более как стремление уставшего от прозаической деятельности труда забыться на минуту как-нибудь, не ломая головы, не трогая сердца и воображения; песня эта существует не для себя самой, а для боковой декорации другого, чисто материального удовольствия, и потому часто доходит до цинизма.

В жизни великорусской, и общественной и домашней, видно более или менее отсутствие того, что составляет поэзию южнорусской жизни, как и обратно – в последней мало того, что со-

ставляет сущность, силу и достоинство первой. Великорусе мало любит природу; у поселянина вы очень редко можете встретить в огороде цветы, которые найдутся почти при каждом дворе у южнорусского землевладельца. Этого мало. Великорусе питает какую-то вражду к произрастаниям. Я знаю примеры, что хозяйева рубили деревья возле домов, безобразно построенных, думая, что деревья мешают красоте вида. В казенных селах, когда начальство начало побуждать разводить около домов ветлы, чрезвычайно трудно было заставить поливать и холить их и предохранять от истребления. Когда в двадцатых годах нынешнего столетия, по распоряжению правительства, сажали деревья по дорогам, это показалось до такой степени народу обременительною повинностью, что до сих пор жалобы и негодования отразились в народных песнях, сложенных до чрезвычайности тривиально. В Великороссии много садов, но все почти плодовые, заводятся с коммерческою целью; редко дают в них место лесным деревьям, как бесполезным для материальной жизни. Редко можно встретить великорусса, который бы сознавал и чувствовал прелесть местоположения, предался бы созерцанию небесного свода, впивался безотчетно глазами в зеркало озера, освещенного солнцем или луною, или в голубую даль лесов, заслушался бы хора весенних птиц. Ко всему этому почти всегда чужд великорусский человек, погруженный в обыденные расчеты, в мелкий омут материальных потребностей. Даже в образованном классе, сколько нам случалось подметить, остается та же холодность к красоте природы, прикрытая, иногда очень неудачно и смешно, подражанием западной иноземщине, где, как известно – одним по опыту, другим по слуху, – хороший тон требует показывать любовь и сочувствие к природе.

При скудости воображения у великоруссов чрезвычайно мало суеверий, хотя зато чрезвычайно много предрассудков, и они держатся их упорно. Южноруссы, напротив, с первого раза представляются в высшей степени суеверным народом; в особенности на западе Южнорусской земли это сказывается очень разительно (может быть, по удаленности от великорусского влияния). Чуть не в каждом селе существуют поэтические рассказы о

явлениях мертвых с того света в самых разнообразных видах, от трогательного рассказа о явлении мертвой матери, обмывающей своих малюток, до страшного образа вампиров, распинающихся в полночь на могильных крестах и вопиющих диким голосом: мяса хочу! С насыпями, рассеянными в таком изобилии по богатой исторической жизнью стране, соединяются предания о давно протекших временах туманной старины, и в этих преданиях проглядывают сквозь пестро-цветистую сеть лучей народного вымысла следы не вошедшей в писанные летописи древности. Волшебство со своими причудливыми приемами, мир духов в самых разнообразных образах и страхах, поднимающих на голове волосы и возбуждающих смех до икоты... все это облекается в стройные рассказы, в изящные картины. Народ иногда сам плохо верит в действительность того, что рассказывает, но не расстанется с этим рассказом, доколе в нем не погаснет чувство красоты или пока старое не найдет обновления своего поэтического содержания в новых формах.

Совсем не то в Великороссии. Там, как мы сказали, одни предрассудки; великорусс верит в чертей, домовых, ведьм, потому что получил эту веру от предков; верит потому, что не сомневается в их действительности, верит так, как бы верил в существование электричества или воздушного давления; верит, потому что вера нужна для объяснения непонятных явлений, а не для удовлетворения стремления возвыситься от плоской юдоли материальной жизни в сферу свободного творчества. Вообще фантастических рассказов у него мало. Черти, домовые очень материальны; сфера загробной жизни, духовный мир мало занимают великорусса, и почти нет историй о явлениях души после смерти; если же она встречается, то заимствованная из книг и новых, и старых, и скорее в церковной обработке, а не в народной. Зато по духу терпимости великоруссе гораздо упорнее в своих предрассудках. Я был свидетелем случая очень характеристического, когда одного господина обвиняли в безбожии и богохульстве за то, что он отозвался с пренебрежением о вере в существование чертей.

В кругу грамотных людей, только что вступающих в книжную сферу, можно наблюдать, какие книги особенно занимают велико-

русса и на что именно он обращает внимание в этих книгах. Сколько мне удалось заметить – или серьезные книги, но только такие, которые прямо относятся к занятию читателя, и даже только то из них, что может быть применено к ближайшему употреблению, или же легкое, забавное, служащее минутному развлечению без созерцания построения, без сознания идеи: поэты читаются или с целью развлечения (и в этом случае нравится в них то, что может слегка пробегать по чувствам своим разнообразием или необыкновенностью положения), или же для того, чтоб показать, что читатель образован настолько, чтоб понимать то, что считается хорошим. Часто можно встречать лица, которые даже восторгаются красотами поэзии, но в самом деле, если хорошенько осязать их душу, то увидишь, что играет не истинное чувство, а только аффектация. Аффектация – признак отсутствия истинного понимания поэзии. Аффектация – в нашем образованном обществе – черта чересчур обычная; оттого-то, кажется, у нас и заметно сочувствие к французам преимущественно пред другими народами, потому что это народ, заявивший себя малопоэтическим, народ, у которого литература и искусство и отчасти даже наука – на эффектах.

Если у великоруссов был истинно великий, гениальный, самобытный поэт, то это Пушкин. В своем бессмертном, великом "Евгении Онегине" он выразил одну только половину великорусской народности так называемого образованного и светского круга. Удачные описатели нравов и быта были, но это не творцы-поэты, которые бы заговорили языком всей массы, сказали бы то и так, за что с чувством схватилась бы масса, как бы невольно должен был сказать каждый из этой массы, и сказать голосом поэзии, а не прозы. Но, повторим, мы далеки от того, чтобы отрицать в великорусском народе поэтический элемент; напротив, быть может, он выше и глубже южнорусского; он обращен не на сферу воображения и чувства он хранится для сферы воли и светлой думы. Песни великорусские не нравятся долго; надобно изучать их, проникнуться духом, чтоб уразуметь ту оригинальнейшую поэзию, которая потому-то и недоступна сразу, что ожидает еще великих творцов, которые облекли бы ее в художественные содания.

В сфере религиозности мы уже показали резкое отличие южнорусской народности от великорусской в совершенном непричастии первой к расколам и отпадениям от церкви из-за обрядов и формул. Любопытно разрешить вопрос, откуда в Великороссии возникло это оригинальное настроение, это стремление спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что составляет часто не более как грамматический вопрос или дело обрядословия? Кажется, что это происходит от того же практического материального характера, которым вообще отличается сущность великорусской природы. В самом деле, наблюдая над великорусским народом во всех слоях общества, мы встретим нередко людей истинно христианской нравственности, которых религиозность обращена к практическому осуществлению христианского добра, но в них мало внутреннего благочестия, пиетизма; мы встречаем ханжей, изуверов, строгих исполнителей внешних правил и обрядов, но также без внутреннего благочестия, большею частью хладнокровных к делу религии, исполняющих внешнюю ее сторону по привычке, мало отдающих себе отчета, почему это делается; и наконец, в высшем, так называемом образованном классе, лиц маловерующих или и совсем не верующих, не вследствие какого-нибудь мысленного труда и борения, а по увлечению, потому что им кажется неверие признаком просвещения. Истинно благочестивые природы составляют исключение и благочестие, духовная созерцательность у них – признак не народности, не общего натуре народной, а их собственной индивидуальной особенности. Между южноруссами мы встретим совсем обратное в характере. У этого народа много именно того, чего недостает у великоруссов: у них сильно чувство всеприсутствия Божия, душевное умиление, внутреннее обращение к Богу, тайное размышление о Промысле, над собою, сердечное влечение к духовному, неизвестному, таинственному и отрадному миру. Южноруссы исполняют обряды, уважают формулы, но не подвергают их критике: в голову не войдет никак, нужно ли два или три раза петь аллилуиа, теми или другими пальцами следует делать крестное знамение; и если бы возник подобный вопрос, то для разрешения его достаточно объяснения священника, что так постановила церковь. Если бы

понадобились какие-нибудь изменения в наружных сторонах богослужения или переводе книг Св. Писания, южноруссы никогда не восстали бы против этого, им бы не взошла мысль подозревать какого-нибудь искажения святыни. Они понимают, что внешность устанавливается церковью, изображаемую видимо в ее руководящих членах, и что эти члены постановят, не извращая сущности, миряне беспрекословно этому должны следовать; ибо коль скоро та или другая внешность выражает одну и ту же сущность, та самая внешность не представляет и такой важности, чтоб можно сделать ее предметом спора. Нам случалось говорить с религиозными людьми и той и другой народности; великорусс проявляет свою набожность в словоизлияниях над толкованием внешности, буквы, принимает в этом важное участие; если он строго православный, то православие его состоит преимущественно во внешней стороне; южнорусс станет изливать свое религиозно-нравственное чувство, редко начнет толковать о богослужении, об обрядах, праздниках, а скажет свое благочестивое впечатление, производимое на него богослужением, торжественностью обряда, высоким значением праздника и т.д. Зато у южноруссов и образованный класс не так легко поколебать в вере, как великоруссов; неверие внедряется в душе только вследствие долгой, глубокой борьбы; напротив, мы видели великорусских юношей, воспитанных, как видно, с детства в строгой набожности, в исполнении предписанных церковных правил; но они при первом легком нападении, а нередко вследствие нескольких остроумных выражений покидают знамя религии, забывают внушения детства и без борьбы, без постепенности переходят к крайнему безверию и материализму. Народ южнорусский – глубоко религиозный народ, в самом обширном смысле этого слова; так или иначе поставили его обстоятельства, то или другое воспитание было бы им усвоено; до тех пор, пока будет существовать сумма главных признаков, составляющих его народность, он сохранит в себе начало религии: это неизбежно при том поэтическом настроении, которым отличается его духовный склад.

В общественных понятиях история напечатлела на двух наших народностях свои следы и установила в них понятия совер-

шенно противоположные. Стремление к тесному слитию частей, уничтожение личных побуждений под властью общих, ненарушимая законность общей воли, выраженная как бы смыслом тяжелой судьбы, совпадают в великорусском народе с единством семейного быта и с поглощением личной свободы идеею мира, выразились в народном быте неделимостью семей, общинною собственностью, тяглом посадов и сел в старину, где невинный отвечал за виновного, трудолюбивый работал за ленивого. Как глубоко лежит это в душе великорусса, показывает то, что по поводу устройства крестьян в наше время заговорили в пользу этого великоруссы с разных точек зрения, под влиянием и запоздалого московского славянофильства, и новомодного французского социализма. Для южнорусса нет ничего тяжелее и противнее такого порядка, и семьи южнорусские делятся и дробятся, как только у членов их является сознание о потребности самобытной жизни. Опека родителей над взрослыми детьми кажется для южнорусса несносным деспотизмом. Претензия старших братьев над меньшими, как дядей над племянниками, возбуждает неистовую вражду между ними. Кровная связь и родство у южноруссов мало располагают людей к согласию и взаимной любви; напротив, очень часто люди кроткие, приветливые, мирные и уживчивые находятся в непримиримой вражде со своими кровными. Ссоры между родными – явление самое обыкновенное и в низшем и в высшем классе. Напротив, у великоруссов кровная связь заставляет человека нередко быть к другому дружелюбнее, снисходительнее, даже когда он вообще не отличается этими качествами в отношении к чужим. В Южной Руси, чтоб сохранить любовь и согласие между близкими родственниками, надобно им разойтись и как можно менее иметь общего. Взаимный долг, основанный не на свободном соглашении, а на роковой необходимости, тягостен для южнорусса, тогда как великорусса он более всего успокаивает и умиряет его личные побуждения. Великорусе из покорности долгу готов принудить себя любить своих ближних по крови, хотя бы они ему не по душе, снисходить к ним, потому что они ему сродни, чего бы он не сделал по убеждению; он готов для них на личное пожертвование, сознавая, что

они того не стоят, но что они все-таки своя кровь. Южнорусс, напротив, готов, кажется, разлюбить ближнего за то, что он его кровный, менее снисходителен к его слабостям, чем к чужому, и вообще родство ведет его не к утверждению доброго расположения, а скорее к его ослаблению. Некоторые великоруссы, приобретшие себе в Южной Руси имения, затевали иногда вводить в малорусские семьи великорусскую плотность и неделимость, и плодом этого были отвратительные сцены: не только родные братья готовы были поминутно завести драку, но сыновья вытаскивали отцов своих за волосы чрез пороги дома. Чем более принцип семейной власти и прочной кровной связи внедряется в жизнь, тем превратнее она на нее действует. Южнорусс тогда почтительный сын, когда родители оставляют ему полную свободу и сами, на старости лет, подчиняются его воле; тогда добрый брат, когда с братом живет, как сосед, как товарищ, не имея ничего общего, нераздельного. Правило: каждому свое, соблюдается в семействах; не только взрослые члены семьи не надевают одежды другого, даже у детей у каждого свое; у великоруссов в крестьянском быту часто две сестры не знают, кому из них принадлежит тот или другой тулуп, а об отдельной принадлежности у детей не бывает и помину.

Обязательная общинность земская и ответственность личности миру для южнорусса есть в высшей степени несноснейшее рабство и несправедливость. Не смей назвать ничего своим, быть батраком какого-то отвлеченного понятия о мире, отвечать за другого без собственного желания – ко всему этому не расположена народ южнорусский его прошедшая жизнь. Громада, по южнорусскому понятию, совсем не то, что мир по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочет – в ней участвует, кто не хочет – выходит; так, как в Запорожье: кто хотел – приходил, кто хотел – выходил оттуда добровольно. По народному понятию, каждый член громады есть сам по себе независимая личность, самобытный собственник; обязанность его к громаде только в сфере тех отношений, которые устанавливают связь между ее членами для взаимной безопасности и выгод каждого, – тогда как, по великорусскому понятию, мир есть как

бы отвлеченное выражение общей воли, поглощающей личную самобытность каждого. Главное различие здесь, конечно, протекает от поземельной общинности. Коль скоро член мира не может назвать своею собственностью участок земли, который он обрабатывает, он уже не свободный человек. Мирское устройство великорусское есть стеснение, и потому форма последнего, введенная властью, приняла в себя дух и смысл, господствующий в Великоруссии; корень его лежал уже в глубине народной жизни: оно истекло нравственно из того же стремления к тесному сплочению, к единству общественному и государственному, которое составляет, как мы показали, отличительный признак великорусского характера. Частная поземельная собственность выводится таким легальным путем из великорусской общественной философии. Все общество отдает свою судьбу олицетворению своей власти, тому лицу, которое поставляет над обществом Бог, и, следовательно, все обязано ему повиновением. Таким образом, все принадлежит ему безусловно, как наместнику Божию; отсюда понятие, что все – Божье да царское. И пред царем, как и пред Богом, все равны. Но как Бог одного возвышает, награждает, а другого карает, унижает, так поступает и царь, исполняющий на земле Божественную волю. Это выражается прекрасно пословицею: "Воля Божья, суд царев". Отсюда народ безропотно сносил даже и то, что, казалось, превосходило меры человеческого терпения, как, например, душегубства Иоанна Грозного. Царь делал несправедливо, жестоко, но тем не менее он был орудием Божией воли. Противиться царю, хотя бы и несправедному, значит – противиться Богу: и грешно, и бесполезно, потому что Бог пошлет еще худшие беды. Имея безусловную власть над обществом, царь есть государь, то есть полный владетель-собственник всего государства. Слово государь именно означало собственника, имеющего право безусловно, по своему усмотрению, распоряжаться всем, что есть в его государстве, как своими вещами. Оттого-то древние новгородцы, воспитавшие себя под иными началами, различные притом от великоруссов по народности, так взволновались, когда Иван III задумал изменить древний титул господина на титул государя. Понятие господина выражало

лицо, облеченное властью и уважением; господ могло быть много: и владыко был господин, и посадник – господин; но государь был лицо, о власти которого не могло быть и рассуждения: он был един, как один собственник вещи; Иван домогался быть государем в Новгороде, хотел заменить собою Великий Новгород, который был до того времени государем; так же точно, как в Велikorоссии великий князь заменил общественную волю всей нации. Будучи самодержавным творцом общественных условий, государь делал все и, между прочим, жаловал за службу себе землями. Таким образом, земля принадлежала, по первоначальному понятию, миру, т.е. всему обществу; по передаче этого права – лицу государя, давалась от последнего в пользование отдельным лицам, которых угодно было государю возвысить и наделить. Мы говорим пользование, потому что в точном значении собственников не было. То, что давалось от царя, всегда могло быть отнято и отдано другому, что беспрестанно и случалось. Как скоро образовалось отношение рабочих к такому землевладельцу, то землевладелец, естественным порядком, получил значение олицетворенного мира, так же как царь в значении олицетворенной нации. Крепостной человек соединял свою судьбу с достоинством господина: воля барина стала для него заменять собственную волю, точно так же, как там, где не было барина, эту собственную личную волю поглощал мир. У помещичьих крестьян земля принадлежит барину, который дает ее лицам, земледельцам, по своему усмотрению; так и у казенных крестьян: земля отдана миру в пользование, а мир по своему усмотрению дает ее отдельным лицам в пользование. В Южной Руси, которой историческая жизнь текла иначе, не составилось такого понятия о мире. Там прежние древние удельно-вечевые понятия продолжали развиваться и встретились с польскими, которые в основе своей имели много общего с первыми, и если изменились, то вследствие западноевропейских понятий. Древнее право личной свободы не было поглощено перевесом общественного могущества, и понятие об общей поземельной собственности не выработалось. Польские идеи произвели в старорусских только тот переворот, что регулировали последние. Каждый землевладелец

был независимым собственником своего достояния; польское влияние только обезопасило его от произвола народной воли, и прежде выражавшегося самодействием общества, в смысле соединения свободных личностей, и облекло его владение de facto правом. Таким образом, оно возвысило богатых и влиятельных, образовало высший класс, а массу бедного народа повергло в порабощение. Но там магнат-владелец не представлял собою выражения царской, а чрез нее и барской воли: он владел по праву; в переводе на более простой язык – право это выражало силу, торжество обстоятельств и давность происхождения. Там крестьянин не мог дать своему господину никакого значения священной воли, потому что он отвлеченного права не понимал, потому что сам им пользовался, а олицетворения он не видал, потому что его господин был свободный человек. Естественно, и раб при первой возможности желал сделаться свободным; тогда как в Великороссии он не мог этого желать, потому что находил своего господина зависящим от другой высшей воли, так же как он сам зависел от него. У южноруссов редко были случаи, чтоб крепостной был искренно расположен к своему господину, чтоб так был связан с ним бескорыстною, будто сыновнею любовью, как это нередко мы видели в мире отношений господ к крестьянам и слугам в Великороссии. У великороссиян встречаются примеры трогательной привязанности такого рода. Крепостной человек, слуга, раб нередко предан своему барину вполне, душою и сердцем, даже и тогда, когда барин не ценит этого. Он хранит барское добро, как свое, радуется, когда честолюбивый барин его получает почет. Нам случалось видеть господских слуг, которым поверялось заведовать каким-нибудь интересом. Сами доверенные были естественные плуты и надували всякого в пользу своего барина, но в отношении последнего были аристидовски честны и прямы. Напротив, малороссы оправдывают пословицу: волка сколько ни корми, все в лес смотрит. Если крепостной слуга не обманет господина, то потому, что никого не обманывает; но если уж искусился на обман, то обманет прежде всего барина. Как часто случалось слышать жалобы на малороссиян от тех владельцев, которые, будучи великоруссами по про-

исхождению, приобрели себе населенные имения в южнорусском крае. Напрасно добрым обращением и справедливостью старались они привязать к себе подданных; барские работы исполнялись всегда без желания, и оттого-то между высшим классом у нас распространилось убеждение, что малороссияне – народ ленивый. Нет у них ни искренности, ни привязанности. Страх действует на них успешнее, и потому добрые господа делались суровыми. Обыкновенно старались окружить свою особу великоруссами, а с малороссийскими крестьянами находились в далеких отношениях, как бы к чуждому народу. То же самое и еще хуже для малорус – мир в великорусском смысле этого слова. Что касается до укора, делаемого обыкновенно малороссиянам в лени, то они делаются такими под условиями чуждых им общественных начал крепостного или мирского права: последнее выражается для малороссиян (которые не скованы узами общинной собственности) связью различных условий, ограничивающих их свободное распоряжение собою и своим достоянием, приближающихся к мирскому устройству. Вообще же упрек в лени несправедлив; даже можно заметить, что малорусе по своей природе трудолюбивее великорусса и всегда таким показывает себя, коль скоро находит свободный исход своей деятельности.

Совсем другое отношение южнорусской народности к польской. Если южнорусский народ дальше от польского, чем от великорусского, по составу языка, зато ближе к нему по народным свойствам и основам народного характера. Такой или подобной противоположности, какую мы заметили между великоруссами и южноруссами, не существует между поляками и южноруссами ни во внутренней, ни во внешней стороне быта; напротив, если бы пришлось находить коренные признаки различия поляков от великоруссов, то во многом пришлось бы повторить то же, что сказано о южноруссах. Но зато при такой близости есть бездна, разделяющая эти два народа, и притом бездна, через которую построить мост не видно возможности. Поляки и южноруссы – это как бы две близкие ветви, развившиеся совершенно противно: одни воспитали в себе и утвердили начала панства, другие – мужицества, или, выражаясь словами общепринятыми, один

народ – глубоко аристократический, другой – глубоко демократический. Но эти термины не вполне подходят под условия нашей истории и нашего быта; ибо как польская аристократия слишком демократическая, так, наоборот, аристократична южнорусская демократия. Там панство ищет уравнивания в своем сословии; здесь народ, равный по праву и положению, выпускает из своей массы обособляющиеся личности и потом стремится поглотить их в своей массе. В польской аристократии не могло никак приняться феодальное устройство; шляхетство не допускало, чтоб из его сословия одни были по правам выше других. С своей стороны, южнорусский народ, устанавливая свое общество на началах полнейшего равенства, не мог удержать его и утвердить так, чтоб не выступали лица и семьи, стремившиеся сделаться родами с правом преимущества и власти над массою народа. В свою очередь, масса восставала против них то глухим негодованием, то открытым противодействием. Вглядитесь в историю Новгорода – на севере и в историю гетманщины – на юге. Демократический принцип народного равенства служит подкладкою; но на ней беспрестанно приподнимаются из народа высшие слои, и масса волнуется и принуждает их уложиться снова. Там несколько раз толпа черни, под возбудительные звуки вечеревого колокола, разоряет и сжигает дотла Прусскую улицу – гнездо боярское; тут несколько раз черная, или чернецкая, рада истребляет значных кармазинников; и не исчезает, однако, Прусская улица в Великом Новгороде, не переводятся значные в Украине обеих сторон Днепра. И там и здесь эта борьба губит общественное здание и отдает его в добычу более спокойной, яснее сознающей необходимость прочной общины, народности.

Замечательно, как народ долго и везде сохраняет заветные привычки и свойства своих прародителей: в Черноморье, на Запорожском новоселье, по разрушении Сечи, совершалось то же, что некогда в Малороссии. Из общин, составлявших курени, выделялись личности, заводившие себе особые хутора. В южнорусском сельском быту совершается почти подобное в своей сфере. Зажиточные семьи возвышаются над массою и ищут над нею преимущества, и зато масса их ненавидит; но у массы нет понятия,

чтоб человек лишился самодеятельности, нет начал поглощения личности общинностью. Каждый ненавидит богача, знатного не потому, чтоб он имел в голове какую-нибудь утопию о равенстве, а, завидуя ему, досадует, почему он сам не таков.

Судьба южнорусского племени устроилась так, что те, которые выдвигались из массы, обыкновенно теряли и народность; в старину они делались поляками, теперь делаются великороссиянами: народность южнорусская постоянно была и теперь остается достоянием простой массы. Если же судьба оставит выдвинувшихся в сфере прадедовской народности, то она как-то их поглощает снова в массу и лишает приобретенных преимуществ.

С польскою народностью совершалось обратное: там личности, выдвинувшиеся из массы, если они были поляки, не меняют своей народности, не идут назад, но образуют твердое сословие. История связала поляков с южноруссами так, что значительная часть польской шляхты есть не что иное, как переродившиеся южноруссы, именно те, которые, силою счастливых для них обстоятельств, выдвинулись из массы. Оттого и образовалось в отношении этих народностей такое понятие, что польская есть панская, господская, а южнорусская – холопская, мужицкая. Понятие это остается и до сих пор и проявляется в попытках поляков на так называемое сближение их с южноруссами. Поляки, толкующие о братстве, о равенстве, в отношении южноруссов выказывают себя панами. Под различными способами выражения они говорят им: будьте поляками; мы хотим вас, мужиков, сделать панами. И те, в либеральные и честные намерения которых мы верим, говорят в сущности то же: если не идет дело о господстве и подавлении народа материально, то неоспоримо и явно их желание подавить и уничтожить южноруссов духовно, сделать их поляками, лишить своего их языка, своего склада понятий, всей своей народности, заключив ее в польскую, что так ясно проявляется в Галиции.

Источник:

Собрание сочинений Н.И. Костомарова в 8 книгах, 21 т. Исторические монографии и исследования. СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 1903. Книга 1. Т. 1. С. 31–65.

Грушевский М.С.

ОБЫЧНАЯ СХЕМА "РУССКОЙ" ИСТОРИИ И ВОПРОС РАЦИОНАЛЬНОГО УПОРЯДОЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА"

Начатое организационным съездом русских филологов дело рационального упорядочения истории славянства в задуманной Славянской Энциклопедии дает мне повод поставить вопрос о схеме истории восточного славянства. Я не раз уже обращался к теме нерациональностей в обычной схеме «русской истории», теперь хотел бы обсудить этот вопрос несколько полнее.

Общепринятая схема русской истории всем известна. Она начинается с предыстории Восточной Европы, обычно с неславянской колонизации, потом идет речь о расселении славян, о формировании Киевского государства; история его доводится до второй половины XII века, затем переходит к Великому княжеству Владимірскому, от него в XIV веке к княжеству Московскому, прослеживается история Московского государства, потом Империи, а из истории украинско-руських и белорусских земель, что остались за пределами Московского государства, иногда берутся некоторые важнейшие эпизоды (вроде государства Данилы, образование Великого княжества Литовского и уния с Польшей, церковная уния, войны Хмельницкого), иногда не берутся совсем, но в любом случае после присоединения к российскому государству эти земли перестают быть предметом такой истории.

Схема эта старая, ее начало в историографической схеме московских книжников, и в основе ее лежит идея генеалогическая – генеалогия московской династии. С началом научной историографии в России эту схему положено в основу истории «Российского государства». Позже, когда основная тяжесть была перенесена на историю народа, общества, культуры, и «русская история» стала приближаться к тому, чтобы стать историей великорусского народа и его культурной жизни, сохранилась та же схема в главных своих моментах, только стали опускаться эпизоды, чем дальше, тем больше. Ту же схему, в более простой форме, приняла наука

«истории русского права», сложившаяся из трех разделов – право Киевского государства, московского и имперского.

В силу такой традиционности, из-за такого длительного применения, к этой схеме привыкли и ее неудобство, нерациональности не вызывают горечи, хотя она полна таких нерациональностей, и очень больших. Я укажу на некоторые, не претендуя выявить их все.

Прежде всего, очень нерациональное соединение старой истории южных племен, Киевского государства, с его общественно-политическим укладом, правом и культурой, с Владимиро-Московским княжеством XIII–XIV вв. так, будто одно было продолжением другого. Это можно было московским книжникам – для них достаточно было генеалогической преемственности, но современная наука ищет генетическую связь и не вправе связывать «киевский период» с «владимирским периодом», как их необоснованно называют, в качестве стадий одного и того же политического и культурного процесса. Мы знаем, что Киевское государство, право, культура были творением одной народности, украинско-русской; Владимиро-московское – другой, великорусской.

Эту разницу хотела было сгладить Погодинская теория, заселив Поднепровье X–XII вв. великороссами и приказав им потом, в XIII–XIV вв., отсюда эмигрировать, но я сомневаюсь, что кто-нибудь захочет теперь защищать старую историческую схему при помощи этой рискованной, практически всеми отвергнутой теории. Киевский период перешел не во владимиро-московский, а в галицко-волынский XIII в., затем в литовско-польский XIV–XVI вв. Владимиро-Московское государство не было ни наследником, ни преемником Киевского, оно выросло на собственном корне, и отношение к нему Киевского можно бы скорее сравнить, например, с отношением Римской державы к ее галльским провинциям, чем с преемственностью двух периодов в политической и культурной жизни Франции. Киевское правительство пересадило в великорусские земли формы общественно-политического устройства, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева, но на этом основании еще нельзя включать Киевское

государство в историю великорусской народности. Этнографическая и историческая близость народности украинско-русской с великорусской не должна служить причиной к их смешиванию – они жили своей жизнью помимо своих исторических столкновений и встреч.

Между тем, вследствие пристегивания Киевского государства к началу государственной и культурной жизни великорусского народа что же мы видим? История великорусской народности остается, собственно, без начала. История формирования великорусской народности еще до сих пор остается невыясненной, потому что эту историю начинают проследживать с середины XII в., и за киевским началом это собственное начало совершенно неясно представляется людям, изучавшим «русскую историю». Не отслеживается подробно процесс рецепции и модификации на великорусской почве киевских общественно-политических форм, права, культуры; в тех формах, которые имелись в Киеве, на Украине, их попросту включают в инвентарь великорусского народа, «Русского государства». Фикция «киевского периода» не дает возможности соответственно представить историю великорусской народности.

Потому что «киевский период» присоединяется к государственной и культурной истории великорусского народа, остается без начала и история украинско-русской народности. Поддерживается старое представление, что история Украины, «малорусского народа» начинается только с XIV-XV веком, а что до того – это история «общерусская». Эта «общерусская история» вновь сознательно и несознательно на каждом шагу подменяется понятием истории государственной и культурной великорусского народа, и в результате украинско-русская народность выходит на арену истории в XIV-XVI вв. как что-то новое, мол, не было ее до того или же она исторической жизни не имела.

Наконец история украинско-русской народности осталась не только без начала, но и в виде каких-то кусочков, *disjecta membra*, не связанных между собой органично, разделенных пробелами. Единственный момент, который выделяется и может остаться ясно в памяти, – это казачество XVII в., но очень сомневаюсь, что-

бы кто-то, кто учился «русский истории» по обычной схеме, мог бы связать его в своем представлении с более ранними и поздними стадиями истории украинской народности, осмыслил бы эту историю в ее органической целостности.

Еще хуже выходит на этой схеме народность белорусская – она пропадает совсем за историей государств Киевского, Владимиро-Московского, да и за Великим княжеством Литовским. Между тем, хотя она не выступает в истории нигде выразительно как элемент творческий, но роль ее немаловажная – укажу хотя бы на значение ее в формировании великорусской народности, или в истории Великого княжества Литовского, где прежде всего ей, среди славянского населения этого государства, принадлежала культурная роль в противовес далеко менее развитым литовским племенам.

Включением в «русскую историю» Великого княжества Литовского хотели исправить однобокость и неполноту традиционной ее схемы. В истории, кажется, первым эту мысль с нажимом преподнес Устрялов, а Иловайский, Бестужев-Рюмин и др. пробовали преподавать параллельно историю «Руси западной», то есть Великого княжества Литовского, и «Руси восточной», то есть Московского государства. В науке истории права необходимость включения Великого княжества Литовского пропагандирует школа проф. Владимирского-Буданова, хотя она не предложила еще ни общего курса «истории русского права», куда было бы включено Великое княжество Литовское, ни особого курса права этого последнего.

Это поправка, но она сама нуждается в различных поправках. Великое княжество Литовское было телом очень гетерогенным, неоднородным. В новейшей науке пренебрегают, даже совсем игнорируют значение литовской стихии. Наблюдение за преемственностью права староруського с правом Великого княжества Литовского, за значением славянского элемента в процессе создания и развития Великого княжества Литовского привело современных исследователей внутреннего устройства этого государства к крайности, что они вовсе игнорируют элемент литовский – даже не ставят вопрос о его влиянии, хотя, безусловно, мы

должны считаться с такими влияниями на право и устройство Великого княжества Литовского (вот – укажу хотя бы лишь *exempli gratia* – институт «койминцев»). Затем, оставляя литовский, – сам славянский элемент Великого княжества Литовского несплоченный: имеем здесь две народности – украинско-руськую и белорусскую. Украинско-руськіе земли, за исключением Побужья и Пинщины, были довольно-таки механически связаны с Великим княжеством Литовским, находились в нем в сторонке, жили своей местечковой жизнью, и после Люблинской унии перешли непосредственно в состав Польши. Напротив, белорусские земли очень тесно были связаны с Великим княжеством Литовским, оказывали на него огромное влияние – в общественно-политическом устройстве, праве и культуре (как, с другой стороны, сами попали под очень сильное влияние общественно-политического и культурного процесса Великого княжества Литовского) и остались в составе его до конца. Таким образом, история Великого княжества Литовского намного теснее связана с историей белорусской народности, чем с украинско-руської, которая ощущала большое влияние его истории, но очень немного оказывала на него влияния сама (только косвенно, поскольку белорусская народность передавала право и культуру, насажденные Киевским государством, но так же посредственно, через политику литовского правительства, украинско-руська народность принимала не раз то, что шло от белорусской, – напр., белорусские элементы договорного языка, принятого литовским правительством).

Следовательно, включение истории Великого княжества Литовского в «русскую историю» не заменит прагматичного представления истории народностей украинско-руської и белорусской. Для исторического представления общественного и культурного процесса украинско-руської народности достаточно указать на несколько моментов из истории Великого княжества Литовского, которые имели для нее непосредственное значение. Больше из нее вошло бы в историю белорусской народности, но полностью включать историю Великого княжества Литовского в «русскую историю» нет причин, если при этом иметь ввиду не «историю России», то есть историю всего того, что когда-нибудь

происходило на ее территории, и всех народностей и племен, ее населяющих (таким образом ее программу, кажется, теперь никто не представляет, хотя представлять также можно), а история народностей русских, или же восточнославянских (использую порой этот термин, чтобы избежать неясности и путаницы, вытекающие из неодинакового применения слова «русский»).

Вообще история государственных организаций играет все еще слишком большую роль в представлении «русской истории» или истории восточного славянства. В теории давно признано, что основная тяжесть должна быть перенесена с истории государства на историю народа, общества. Политическая, государственная жизнь, разумеется, фактор важный, но рядом с ним существуют и другие факторы – экономический, культурный, имеющие порой меньшее, порой большее значение, чем политический, но ни в коем случае они не должны оставаться в его тени. Из русских или восточнославянских племен государство имело наибольшее значение, было более тесно связано с жизнью народа у народности великорусской (хотя и здесь, но за пределами национального, владими́ро-московского государства, видим такие важные явления, как новгородско-псковская вече́вая жизнь). Украинско-русская народность ряд веков живет без национального государства, под влиянием разных государственных организаций – эти влияния на ее национальную жизнь необходимо будет определить, но политический фактор сходит в ее истории в эти безгосударственные века на второстепенную роль, рядом с факторами экономическими, культурными, национальными. То же самое надо сказать о народности белорусской. Для последней великорусское национальное государство становится историческим фактором, собственно, только с 1772 г. На историю Украины оно начинает влиять веком ранее, но только одним краем. То особенное, исключительное значение, которое имеет история великорусского государства в современной схеме «русской истории», имеет, собственно, вследствие подмены понятия истории «русского народа» (в смысле русских, восточнославянских народностей) понятием истории великорусского народа.

Вообще в том, что называется «русской историей», я вижу комбинацию, или, точнее, –конкуренцию нескольких понятий: истории Российского государства (формирования и развития государственной организации на ее территории), истории России, то есть того, что было на ее территории, история «русских народностей», и, наконец, – истории великорусского народа (его государственной и культурной жизни). Каждое из этих понятий, в последовательном изложении, может быть полностью оправданным предметом научного представления, но при такой комбинации различных понятий полного представления, последовательного изложения не получает ни одно из них. Больше всего из понятий входит в схему «русской истории» история Российского государства и великорусского народа. С относительно небольшими изменениями и купюрами она может быть переделана в последовательно и полно изложенную историю *великорусского народа*. «Честь и место» истории этой крупнейшей из славянских народностей, но уважение к ее первенству и важной исторической роли не исключает необходимости такого же полного и последовательного изложения истории других восточнославянских народностей – украинско-русской и белорусской. Историю восточного славянства все же не заменит история великорусского народа, его государственной и культурной жизни, и никакие мотивы не дадут права игнорировать историю белорусской, а еще меньше – украинско-русской народности, или заменить их вырванными из них и пристегнутыми к истории великорусского народа кусками, как это практикуется теперь. Впрочем, как только «русская история» будет искренне и последовательно преобразована в историю великорусского народа, его государственной и культурной жизни, так и истории украинско-русской и белорусской народностей, я уверен, сами собой окажутся на очереди и займут подобающее место возле великорусской. Но для этого сначала надо попрощаться с фикцией, что «русская история», подменяемая на каждом шагу великорусской, – это история «общерусская».

Такой взгляд удерживается еще довольно прочно, хотя, по-моему, он, там где не находится на услужении у политики, яв-

ляется пережитком старомосковской историографической схемы – пережитком, несколько приспособленным к новейшим историографическим требованиям, но в основе своей все же нерациональным. История великорусская (такой становится эта «русская история» с XII-XIII вв.) с украинско-руським (киевским) началом, пришитым к ней, это только искаленная, неестественная комбинация, а не какая-то «общерусская» история. В конце-концов, «общерусской» истории и не может быть, как и нет «общерусской» народности. Может быть история всех «русских народностей», кому охота их так называть, или же история восточного славянства. Она и должна занять место нынешней «русской истории».

В деталях у меня нет намерения излагать схему такой новой конструкции истории восточного славянства. Пятнадцать лет я специально занимаюсь историей украинско-руськой народности и разрабатываю ее схему как в общих курсах, так и в специальных трудах. По этой схеме составляю я свою историю Украины-Руси, и в таком же виде представляю себе историю «руських» народностей. Не вижу трудностей, чтобы подобным образом была сделана история белорусской народности, даже если бы она оказалась намного меньшей, чем история украинско-русская. История великорусской народности почти готова – нужно только разработать ее собственное начало, вместо пристегнутого к ней теперь киевского начала, и очистить от разных эпизодов из истории Украины и Беларуси – это уже и так почти сделано историками великорусского народа и общественности.

Наиболее рациональным кажется мне представление истории каждой народности в отдельности, в ее генетической преемственности от начала аж до сего дня. Это не исключает возможности представления синхронного, подобно тому, как составляются истории всемирные, в интересах освещения материала, в педагогических, так сказать, целях.

Это детали, и они меня интересуют мало. Главные принципы: нужно устранить нынешний эклектичный характер «русской истории», сшивание вместе эпизодов из истории разных народностей, последовательно изложить историю восточнославянских

народностей и поставить историю государственной жизни на надлежащее место с другими историческими факторами. Думаю, что и сторонники нынешней исторической схемы «русской истории» признают, что она не безупречна, и что в своих замечаниях я исходил из действительных ее недостатков. Понравятся ли им те принципы, которые я хотел бы положить в основу ее реконструкции, это уже другой вопрос.

Во Львове, 9 (22). IX. 1903

Источник:

Грушевский М.С. Обычная схема «русской» истории и вопрос рационального упорядочения истории восточного славянства // Форум: Общественно-политический журнал. – Мюнхен: Сучасність, 1987. – Вып. 17. – С. 162–171.

Источники и литература

«Русская Галиция и «мазепинство»». М.: Имперская традиция, 2005.

Украинский вопрос в русской патриотической мысли. Составление, предисловие, послесловие и примечания: д-р ист. наук, проф. Минаков А.Ю. – М.: Книжный мир, 2016.

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник / Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998.

Армстронг Д. Украинский национализм. Факты и исследования. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008.

Баканов А. И. «Ни цацапа, ни жида, ни ляха». Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов, 1929–1945 гг. М.: Фонд «Историческая память»; Алгоритм, 2014.

Батурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

Бердник М. Пешки в чужой игре. Тайная история украинского национализма. М.: Алгоритм, 2014.

Бондаренко Д., Крестовская Н. Украинский вопрос в Государственной думе (1906-1917 гг.) // Россия XXI. 2001. № 6. С. 92–117.

Борисёнок, Е.Ю. Из малороссов – в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности / Е.Ю. Борисенко // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 171–186.

Борисёнок Е. Феномен советской украинизации в 1920–1030-е годы. М., «Европа», 2006.

Бузина О.А Вурдалак Шевченко или Поддельный Кобзарь. Киев, «Издательство «Арий», 2015.

Ваврик В. Геноцид карпато-русских «москвофилов». М.: Изд-во Консервативного клуба 2007.

Ваврик В.Р.Терезин и Талергоф. М., 2001.

Верстюк В. Центральная Рада и Временное правительство (к истории российско-украинских отношений в 1917 г.) // Россия и Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 209–218.

Гайда Ф.А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «Украинцы» в их историческом развитии. М.: Модест Колеров, 2019.

Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. Серия: Секретные материалы. Издательство: Нева, 2004

Греков Н.А. , Деревянко К. В., Бобров Г.Л. . Тарас Шевченко – крестный отец украинского национализма. – Луганск: «Виртуальная реальность», 2005.

Григорьев М.С. и др. История Украины: монография. – 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2023.

Григорьев М.С, Саблин Д.В. Обыкновенный фашизм. Украинские военные преступления против человечества. (2022–2023) М.: Международные отношения. 2023.

Иванов А.А. «Братались с вольными поляками». Тарас Шевченко – польское знамя украинского сепаратизма // Московский журнал. 2023. № 9 (393). С. 48–61.

Иванов А.А. Игры агентов на украинском поле. Австро-Венгрия и украинский сепаратизм в начале XX века // Московский журнал. 2024. № 2(398). С. 46–60.

Иванов А.А. Малороссы против украинцев // Московский журнал. 2023. № 10 (394). С. 20–36.

Иванов А.А. Мифологизация послевоенной истории УССР // Мифологизация истории Украины как оружие в борьбе с Россией. Книга вторая. Сборник статей /под ред. к.и.н. Л.П. Решетникова. М., НБФ «Наследие», 2025. – С. 107–126.

Иванов А.А. Польско-австрийский источник украинского сепаратизма. Исторический обзор // Московский журнал. 2023. № 8 (392). С. 30–49.

Иванов А.А. Рождение украинского национал-коммунизма // Московский журнал. 2024. № 4 (400). С. 34–53.

Иванов А.А. «Чтобы и не дышал дыханием русским...» // Московский журнал. 2023. № 12 (296). С. 44–63.

Каревин А.С. Малороссийские исторические шахматы. Герои и антигерои малорусской истории. Спб., «Алетейя», 2023.

Каревин А.С. Русь нерусская: как зарождалась «рідна» мова. Спб.: Алетейя, 2022.

Каревин А.С. Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины. . М.: Центрполиграф, 2016.

Кочетков А.В. «Азов». Чёрное солнце Украины. История неонацистского формирования. М., «Книжный мир».

Кочетков А.В. Кровавые преступления бандеровской хунты. М.: Книжный мир, 2015.

Ксавье, Украинский кризис и ошибки Запада. Размышления французского политолога. М.: Вече, 2022.

Лубков А.В., Лубченков Ю.Н., Артемов В.В. Россия – Украина. Невыдуманная история. – М.: Концептуал, 2023.

Марчуков А.В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015.

Мацкевич И. Криминологический портрет Степана Бандеры. – Москва: Проспект: РГ-Пресс, 2017.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) Спб., «Алетейя», 2000.

Минаков А.Ю. Корифей украинской исторической мифологии [М.С. Грушевский] // Мифологизация истории Украины как оружие в борьбе с Россией. Книга вторая. Сборник статей /под ред. к.и.н. Л.П. Решетникова. М., НБФ «Наследие», 2025. – С. 73–87.

Минаков А.Ю. Н.И. Костомаров: основоположник украинской националистической историографии // Мифологизация истории Украины как оружие в борьбе с Россией Сборник статей. М., НБФ «Наследие», 2023. С. 112–123.

Михутина И.В. Западно-Украинская Народная республика // Славяноведение. 2006. № 1. С. 29–38.

Михутина, И. В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады. М., 2007.

Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: ИСл РАН, 2003.

Мончаловский О.А. Литературное и политическое украинофильство. Спб., Алетейя, 2024.

Неменский О.Б. Русофобия: Аналит. обзоры РИСИ. М.: РИСИ, 2014. – Вып. 5.

Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. Москва, 2001.

Плаксий С. Украина от Руси до «анти-России» М.: Икар. 2022. 416 с.
Ракитянский О. Кровавый след. Зарождение и становление украинского национализма. М.: Родина, 2022.

Рогатин В.Н. Гонения на Православие на Украине в 2014–2016 гг. М., 2017.

- Рунов В.А. Украина: мифы и правда истории. М.: Вече, 2022.
- Рябцев И.Н. Тарас Шевченко как квинтэссенция украинского мифа // Мифологизация истории Украины как оружие в борьбе с Россией Сборник статей. М., НБФ «Наследие», 2023. С. 80–97.
- Смыслов, О. С. Степан Бандера и борьба ОУН / О. С. Смыслов ; О. С. Смыслов. – Москва : Вече, 2011.
- Соколов Л. Галицкая Русь: от первого раздела Речи Посполитой до Первой мировой войны. 1772–1914. СПб., 2021.
- Соколов Л. Осторожно: «Украинство»! М.:Фонд ИВ, 2009.
- Соколова М. Центр и периферия: Россия и Украина в 1917 г. // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 219–228.
- Толочко, П. П. Украина в огне евроинтеграции: публицистика / П. П. Толочко. Санкт-Петербург : Алетейя, 2015.
- Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: «Индрик», 1996.
- Федюшин О. Несостоявшаяся Украинская Держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. 1917–1918. М.: ЗАО Центрполиграф, 2022.
- Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: 1998.
- Чуев С. Украинский легион. (На стороне Третьего рейха). М.: Яуза, 2006.
- Широкоград А.Б. Украина. «Война и мир». Вековое противостояние. М.: Вече, 2022.
- Щёголев С.Н. Истоки украинского сепаратизма. Происхождение и язык. М.: Вече, 2022.

Сведения об авторе:

Минаков Аркадий Юрьевич – историк, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Воронежского государственного университета, специалист по истории русской общественной мысли, автор свыше 500 публикаций, в том числе составитель и редактор сборника «Украинский патриотический вопрос в русской патриотической мысли» (М., 2016).

СОДЕРЖАНИЕ

Украинофильство в первой половине XIX века	5
Деятельность украинофилов накануне и во время польского мятежа 1863 г.	23
Русские консерваторы и их анализ украинского сепаратизма	23
Активизация украинского движения в конце XIX – начале XX вв. Работа по фальсификации культуры, лингвистики и истории Южной Руси в австрийской Галиции	45
Украинские псевдогосударства в годы революции и гражданской войны. Создание УССР – результат союза большевиков и левых украинских националистов. Большевицкая коренизация	57
Формирование ОУН: Е.М. Коновалец, А.А. Мельник, С.А. Бандера. ОУН и УПА: 1941–1945. Подавление националистического движения после 1945 г.	63
Политика послесталинского руководства по отношению к украинскому национализму. Антироссийская и русофобская политика Украины в 1991–2024 гг.	72
Приложение	
<i>Шевченко Т.Г.</i> Розрита могила.	75
<i>Костомаров Н.И.</i> Список «Книги бытия украинского народа»	77
<i>Костмаров Н.И.</i> Письмо к издателю «Колокола»	91
<i>Костомаров Н. И.</i> Две русские народности	103
<i>Грушевский М.С.</i> Обычная схема «русской» истории и вопрос рационального упорядочения истории восточного славянства	154
Источники и литература.	163
Сведения об авторе	167

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ
в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru

ФИЛОСОФСКИЙ КНИЖНЫЙ «ДАЛЬ»
Санкт-Петербург, Дмитровский пер., 4 (с 11:00 до 21:00)
8 (921) 914 45 44 umozrenie.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПРОФИ»
Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 105 (с 10:00 до 19:00)
8 (812) 365 41 38 vk.com/profknigaspb

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, ул. Тверская, д. 17 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПРИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250 65 46 www.rsu.ru/kentavr

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
ЯНДЕКС МАРКЕТ market.yandex.ru
OZON www.ozon.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru

Минаков Аркадий Юрьевич
ИСТОРИЯ УКРАИНСКОГО СЕПАРАТИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА
В САМОМ КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести

в Москве:

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», ул. Тверская, д. 17. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Минске:

«Эпосервис», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60 × 90 1/6. Усл. печ. л. 10,6.